

Марат Карапетян

Арт-директор

2016

УДК 82-3
ББК 84-4
К21

Карапетян Марат

К21 Арт-директор / Марат Карапетян. — [б. м.] : [б. и.], 2016. — 284 с. — [б. н.]

Роман "Арт-директор" — первая работа автора. Она совмещает в себе противоречивые вещи: служение автора рок-музыке и работу в финансовой сфере корпораций, тонкий романтизм и едкую иронию, философские размышления о самых разных сферах творческой жизни и жесткие аналитические выводы.

Музыкант или Финансист? Директор или Романтик? Может ли это ужиться в одном человеке? «Если вдуматься, концерт — церковная служба, сцена — алтарь, слушатели — прихожане, певец — проповедник». «Гитары не особо любят одиночество. Это надо понимать, заводя гитару. Если ты забросил гитару — ты просто лох». «Моя трагедия в том, что я блатной». «Улыбнется мне, ямочками завлекая, как спирту хватану, а если руками по бедрам роскошным проведет — задохнусь. И скрежет зубовный заполнит во мне все звуки».

УДК 82-3
ББК 84-4

18+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

*Посвящаю эту книгу своему отцу
Карапетяну Владимиру Амбарцумовичу*

I

Первая книга.

Музыкант.

1—9 главы

Глава 1

Многие уверены, что между словами «музыкант» и «тусовщик» стоит знак равенства. Не совсем понятно, отчего так получилось, но это так. Когда концерт заканчивается, рокеры едут веселиться, выпивают и предаются разврату и наркотикам.

Часто воображение рисовало такие картины мне, пока я не сыграл свой первый концерт в 15 лет. Со временем я заметил, что повеселиться хотят те, кто был в зале, а те, кто был на сцене, хотят сохранить в себе чудесные мгновения счастья, которые можно обрести только в музыке...

В школе № XX уездного города N было все, присущее хорошей городской школе. Запахи столовой, кабинет труда, актовый зал, доска почета, октябрюта и пионеры. Красивые комсомолки и бравый физрук. Учитель музыки часто вздыхал, глядя, как под Рахманинова школьники играют в морской бой. Иногда его заменяла другая учительница. Красивая и очень сладкая на вид. Многие парни, и особенно спортсмены, пытались делать вид, что им все равно, и не смотрели на нее. А я только диву давался: как такая красивая женщина оказалась в нашей школе? Мы с моим другом часто говорили о музыке, а когда хотелось выставить себя героями, иронично говорили о ней. Дескать, стоит нам лишь захотеть... Друга я не видел уже 10 лет. Он пропал. Может, он превратился в другого человека и сменил личность и внешность заодно. Так иногда бывает: человек с тобой рядом все время — и вдруг он исчезает навсегда. И ничего о нем не напо-

минает. Только музыка, которую мы слушали вместе и под которую тащились.

Музыка сохраняет так много воспоминаний. В ней растворено так много чувств и желаний, намеков и ожиданий. Океан звуков, а ты – счастливый малыш, без билета прошедший в рай. Как так вышло? Мы часто не ценим того, как много нам может дать песня. Ждем подсказок от жизни, сочувствия от людей, а рядом та сама песня – твой друг и товарищ. А мы иногда забываем о ней, бросаем ее на года, но она терпеливо ждет своего часа, всегда готовая снова усладить и порадовать, как когда-то. Песни были моими лучшими друзьями. Я любил их. Брал их с собой в дорогу. Дорожил ими и защищал, когда кто-то их обижал. Они стали моим домом в царстве нелепых инструкций и некрасивых людей, с которыми мне суждено было прожить мою школьную жизнь. Пока в 14 лет я не услышал *The Beatles*. Моя прежняя жизнь в ожидании чуда закончилась. Я перестал заниматься спортом, учиться и т. д. Начиналось что-то важное. Быть может, во мне родился новый человек, который не сменил внешность и не поменял имени и фамилии.

Эта музыка была настолько свежей и сильной, что я думал только о ней. Как ее сыграть? Как? Все остальное мне и на 5% было неинтересно. Меня это пугало. Иногда мне казалось, что люди оглохли и ослепли. Они ели, пили, и слово «Битлы» у них не вызвало восторга, улыбки или иных чувств. Порой мне кажется, что большинство людей – это роботы. Много раз, смотря прикольный фильм «Приключения Электроника», я думал, что робот – это какая-то классная вещь. Умный помощник. Но роботы вокруг были поглощены бытовухой. Бытороботы. На быдлослете. А ведь Битлы именно из такого же небольшого рабочего города. Может, там воздух другой? Море? Йод?

Одна знакомая хотела стать моделью, танцовщицей, а стала банковским работником. Хорошим и эффективным. Лучший инспектор. Быть хорошим сотрудником тоже неплохо. В ее глазах ничего не отображается кроме скуки и голода. Может, у нее даже есть зарядное устройство, и она включает себя ночью в розетку. Утром открывает приложения «ванна», «завтрак». Днем – «работа»,

«обед», «выход с рабочего места». А когда никакое приложение не открыто, она просто смотрит на собеседника, и рот улыбается, но глаза — нет.

У *The Beatles* не было никакого назидания или протеста, как это было у металлеров и русских рокеров. Они отлично пели, и песни были как сказки. Ты их читал и засыпал спокойно и улыбаясь.

У одного товарища случайно под кроватью я нашел старую—престарую полуакустическую гитару. Красную, пыльную, большую, стильную и без струн. Отверстие для джека призывно звало к себе и навевало мысли о будущем электричестве, которое может пройти сквозь эту гитару. Похожую гитару я видел в книгах про рок-рольщики: Билла Хейли, Элвиса, Эдди Кокрана.

— Держи, только куда ты ее будешь включать? Усилителя у тебя нет? Знаешь, купи джек-пятерку и включай в усилочник, от которого играет виниловая пластинка, — сказал какой-то правильный парень, который починил гитару и натянул струны. Так называемый звукач. Они будут окружать меня всю мою жизнь: скромные, как правило, неудачливые либо бывшие музыканты, которые решили, что лучше хорошо «рубить» в звуке, чем плохо — на сцене.

Конечно, я был фаном Брюса Ли. Как иначе. И любил «Динамо-Киев». Это как дважды два. Играешь в футбол, занимаешься боксом. Сравниваешь себя с Марадоной и Брюсом. Споры о том, что боксеры круче каратистов, кажутся увлекательными. Я до сих пор думаю, кто круче: боксер или каратист. Ну и вправду, у боксера удар как молот, но каратист может ударить по колену, и боксер упадет. Мне не приходило в голову читать интервью Брюса, а он там объяснил, что, если он при весе меньше 70 кг не вырубит соперника в первые 5 секунд, будет очень сложно. Вот она истина. Кто быстрее, тот и лучше. В футболе мне не хватало скорости, но я с лихвой возмещал это, раздавая пасы так, что забить гол не составляло труда. Я называл себя диспетчером. Типа футбольный Стэтхем. Хороший пас, как вкусное блюдо, рождает отличное послевкусие: герой не ты, но ты — лучший его друг. Мне хорошо жилось в этих спортивных мирах. В боксе я уже вел разминку, а это очень круто. Сильные ноги

и упрямство могут многое дать на ринге. Но когда я услышал Битлов, все было кончено.

Сразу. Вдруг перчатки, мячи, каратисты и даже линия полузащиты киевлян перестали быть чем-то очень важным. Я стал замечать в городе парней с гитарами. Я стал следить за ними. Терся около них, с умным видом рассматривая их лица. Пиво, небритые лица, небрежные фразы, музыкальные термины, английские слова, сигареты, лавочки, значки (такие трогательные) стали окружать меня, и только одно было непонятно. Что дальше. Трамвай носил меня по городу, и огни города шептали: начинай, не зевай, не бывай где не нужно, пора, пора, пора, пора.

В школе в актовом зале было интересно. На сцене всегда отлично. Сцена манила, как эротический немецкий журнал в шкафу у отца. Однажды на этой пыльной и огромной сцене я услышал звук барабанов. Этого было вполне достаточно, чтобы кайфануть по полной, но потом раздался звук гитары. Он был несовершенен, но я испытал то, что сделает меня полностью счастливым, — через меня прошла электрическая гитара. Глаза закрываются, нога приподнимается, и плывешь. Гитарист — это просто наркоман. Наркотики он делает сам из нот. Пальцы — его лаборатория. Струны — специальные станки. Станки надо настроить, и они будут отлично тебе служить. Глаза гитариста — вывеска. Я десятки тысяч раз смотрел в глаза гитаристов и был ими заражен. Если бы я был женщиной, я бы только с гитаристами общался. Их глаза всегда таят в себе ярость и тайну. Палец трогает струну, и в глазах отражаются музыка и блаженство. Гитаристы — боги. Повелители людей. Герои сущего. Колдуны. Им можно простить даже хамство. На сцене был гитарист. Я тупо смотрел на него. Это станет моей привычкой на долгие годы — тупо смотреть на гитаристов. Пальцы. Глаза. Пальцы. Глаза. И так по кругу. И по кругу. Закроешь глаза — и гриф гитары с пальцами, откроешь — увидишь его глаза. А ты закрой глаза! Видишь? Неужели нет? С закрытыми глазами гитарист невероятно красив. Очень.

— А вам в группу не нужны музыканты? — услышал я свой дрогнувший голос. На чем играю? Умею рок-н-ролл на пианино. Нужен? Я готов. А когда репетиция? Отлично.

На 29-м круге вокруг школы я вспомнил, что я не умею играть вообще на пианино, за исключением басовой партии простейшей песни Элвиса. Но ведь это ерунда. Я скоро буду играть в группе. На чем – неважно. Совсем неважно. Совсем. Совсем. Мне повезло. Просто повезло. Очень повезло. Я был на пути. К перекрестку. На пыльной раздолбанной дороге, которая вела меня к перекрестку, на котором скоро загорится синий свет. Ослепит меня. И лишит нормального человеческого зрения.

Глава 2

Он был совсем на меня не похож. Но и похож одновременно. Мы армяне. Армяне чем-то очень похожи друг на друга. Взглядом, наверное. Он такой — ищущий, что ли... Но больше из разряда «ищу то, не знаю что». Он известный человек в узких кругах, у него яркое имя, но сущность его в том, чтобы быть гитаристом. Электрическим. Он — *guitar man*. Поэтому я буду называть его на русский манер — Гитамен, а для простоты просто Гит. Как Кит Ричардс из *The Rolling Stones*.

Гит был из артистической семьи, я из номенклатурной. Гит знал ноты, сам научился играть в детстве на пианино, я до сих пор нот не знаю, на пианино одним пальцем. Гит был посвящен в тайну творчества (он сыграл сына Сталина на театральной сцене — его отец спромоутировал), я об этом мог лишь мечтать. Наши родители дружили, но не сказать, чтобы сильно. Отцов связывала скорее национальность, нежели общие взгляды, матерей скорее дети, чем какие-либо увлечения. Ходить в гости к Гиту для меня было будто *Break on through to the other side*. Богемный парень, флейта, музыкальные, недоступные тогда, журналы, обожание знакомых, специальная немецкая школа, связь, в том числе и духовная, с Западом и прочие аксессуары ребенка-эстета. У меня самбо, привокзальная школа, папина черная «Волга», шашлыки по выходным, черная икра (порой) — полный провинциальный набор мальчика-мажора. Но мы с ним оба втайне считали себя выше буржуазных ценностей и, глубоко уважая наших отцов, считали, что они не рубят фишку ново-

го времени. Моего отца уже нет, но с каждым годом я все больше понимаю, что он Так эту фишку рубил, просто хотел, чтобы этого никто не знал. Я это вычисляю по людям, которые его знали, по их разговорам, поведению, по его документам, по его, на первый взгляд, банальным решениям.

Гит меня жалел и, чтобы я меньше крутился у него под ногами с вопросами типа: «А что это за дудочка? Шапочка? Веребочка?», однажды предложил мне сыграть на пианино в четыре руки. Я принял вызов. Особо не получилось. Гит ухмылялся, глядя на свои пальцы, и взял да и показал мне три клавиши, куда жать. И ритм — то бишь когда жать. Получилось. Раз. Два. Три. Я жал и жал. Мама возникла в дверном проеме, небо опустилось, и меня увезли. Домой. Аппетита не было. Я понимал, что с его стороны это была лишь вежливость. Но тогда я подумал, что два ребенка могут вместе создать что-то удивительное за 5 минут. И это важнее оценок и похвальных листов, которыми мерилась моя жизнь тогда. Всего-то шуточная пьеска, развлечение, но мне все время хотелось еще. Причем когда я пытался играть один на пианино, было скучно. С другими пианистами было как-то общаться тоскливо. А с Гитом было как бы интересно. Интересные люди на дороге не валяются, нашел — вцепляйся и вперед. Так думал я. И решил, что Гит станет моим другом и учителем. Но он так не думал. Просто его вежливость я принял за нечто большее. Это будет преследовать меня много лет — обманываться рад. Бывало, открываешь человеку душу, а он сидит и строчит эсэмэску в телефоне. Вот где печаль начинается.

Гит все больше чем-то занимался, ездил по школьным обменам в Германию, встречался с творческими людьми, устраивал капустники, его знакомые много знали. Я становился лишним на этом празднике. Надо было двигаться своим путем. С Гитом я решил завязывать. Да и в соседнем классе появилась девочка, о которой я думал больше, чем о нем...

Музыка к тому времени как-то неожиданно проникла в нашу консервативную кавказскую семью. Формально. Мой младший брат был отправлен в музыкальную школу изучать фортепиано.

Мой брат. Это, пожалуй, мой лучший друг и самый надежный парень из всех, кого я встречал. Младший сын, с кудряшками, ласковый, с веселым характером, он довольно быстро стал любимчиком родителей. Отец ругал его как-то меньше, но зато мама за это жалела меня больше. Закон сохранения любви в семье. У меня особое отношение к младшим. Так уж вышло, что мне выпало быть самым старшим и у меня только братья. Но родной младший брат — это другая история. Хотел бы я быть на его месте? Часто думаю и скажу: наверное, нет. Младшим не так сладко живется, как кажется. На первый взгляд, их часто тискают, целуют, но и наказывают по полной программе. Старшие братья. Иногда незаслуженно. И если рядом нет взрослого, маленькому может быть очень обидно и сложно. Ар у со мной было сложно.

Брат не был в восторге от музыкальной школы. Ходить в музыкальную школу — это как посещать вроде нужную, но непонятную, придуманную, творческую процедуру. Я не видел тех, кому это нравилось. Специальность, сольфеджио, хор. Специальность, сольфеджио, хор. Специальность, сольфеджио, хор. Бред какой-то. ССХ. Дети только и думают, как бы отмазаться от этого гармоничного бреда. Надо бы при приеме в музыкальную школу тестировать детей на детекторе лжи с тремя вопросами: «Ты очень любишь музыку? Ты хочешь посвятить музыке жизнь? Ты бы хотел стать музыкантом?» Если хотя бы один ответ утвердительный — можно брать. Для родителей музыкальная школа — типа часть гармоничного развития личности. А если нечего развивать? Ну нет ни способностей, ни желания. И как правило — это норма. И ребята на выходе из этой творческой бани всю жизнь отсиживаются вдали от этого ада, куда их скинули родители. Есть исключения. Один на тысячу. Например, Гит.

Ар угодил в такую школу. Точка. Тоска.

Меня тогда сильно выручало диско. В 1986 году вышел первый альбом немецкой группы *Modern Talking*. Я его слушал много тысяч раз. А магнитофонные кассеты? *Sony Chrome*, например. Кассета высокого класса. Крутой дизайн и фирменный запах. Наша кассета МК-60 пахла заводом, а западные кассеты дышали роскошью.

Обложка кассеты украшалась фоткой, которую мы покупали дороже, чем саму кассету. От этих фоток веяло такой магической сексуальностью. Вот гляну, бывало, на фото певицы *C.C. Catch* в пошлой леопардовой шубе, отхлебну с горла, и хочется быть лучше, сильнее, богаче. А еще у тебя на кассетном магнитофоне играет хорошего качества запись, и вдруг пленку начинает «жевать». Это просто горе какое-то. Ступор. Судорожно вытаскиваешь. Если порвалась — начинается операция по склеиванию. Такая драма. Чувствуешь себя просто хирургом. И если все играет снова — это показатель твоего уровня.

Диско-музыка прекрасна. Уносит печаль. Настраивает на легкий драйв. А когда Томаса и Дитера показали по ТВ, меня торкнуло, и я подумал, каково им. Мысль быть на их месте меня грела, но что-то странное мне мешало стать диско-музыкантом. Парадокс, однако: я их обожал, но в душе был выше их. Слушать их было просто кайф, а вот играть не хотелось. Это раздвоение мучило меня. Но я и не подозревал, что это станет моей бесконечной дилеммой. Музыка через Гита, брата, диско окружали меня, но крючок еще не был нажат. Я искренне считал, что быть настоящим мужчиной и быть музыкантом — разные вещи. Но и в этой мысли была какая-то нестыковка: большинство мужчин настоящих на меня навевали тоску и печаль. Эти парни говорили либо про деньги, либо про машины и охоту с рыбалкой. И это был сериал. Менялись только даты, имена, места и суммы.

А музыканты почему-то нет. Парадоксы еще не стали моей обыденностью, но были рядом. Часами глядя на мучения брата на фоне, я искал золотую середину между тем, что надо, и тем, чего хочешь. В воздухе витала неопределенность. Почти девическое томление и стереотипное поведение боксера превращало меня в какое-то вязкое барахло.

Мне везде было скучно. Просыпаясь уставшим, я чувствовал себя как будто обманутым. Непонятно кем. Тогда я еще не слушал *Pink Floyd*, но настроение было как у песен этой архитектурной группы. Как сказал БГ про эти песни — обманутые надежды. Мрачный и скучный мир вкуче с безответной школьной любовью делали меня все более агрессивным и неприятным. Армянское тщеславие,

частые смены настроения превратили меня в реально мрачного и довольно заносчивого типа. Я ждал помощи, как в песне Битлов «*Help*», когда внешне все отлично, а в душе все рвется на части. Мы стали пить водку по выходным. Три друга в 14 лет. Ритуально и с элементами мистики. Сжигали книжки про разных упырей, орали странными голосами песни и пугали школьных муз. Поначалу вштыривало. Но быть четыре и более часа пьяным и вырубленным меня тешило, но не более.

Шатаюсь как-то раз в подобном настроении, я увидел в магазине пластинку «*Вкус меда*» группы *The Beatles*. Я много читал про Битлов, но пара их хитов, которые крутились по советскому радио, мне показались приторным пирожным. Терять было нечего. Я почему-то купил пласт. Дома послушал. Мне стало вдруг хорошо. Просто так. И это не пропало потом. Ничего особенного в их музыке, но она спасла меня. От моей тоски. Светофор зажегся. Невидимый друг поселился в моей комнате. С появлением плеера мы стали с ним неразлучны. Я перечитал про группу все, что можно. Мелодии стали моим топливом, тексты — новыми книгами. Глаза зажглись, и машина под названием «*моя жизнь*» тронулась с места.

Глава 3

Когда погружаешься полностью во что-то очень важное, перестаешь замечать вокруг перемены.

Близкие. Привычные элементы поведения исчезают, и наступает время ответов на вопросы. Первыми внимание на то, что я постоянно слушаю музыку, т.е. 100% времени хожу со странным, молчаливым, придурковатым видом, обратили родители. Виной тому, скорее всего, были мои нелепые ответы в пьяном виде (когда я не успевал незаметно добраться до кровати) касательно того, где я был, и т. д. Родители для меня были друзьями, но ведь с друзьями можно обсудить что-то очень важное, а мои попытки обсудить с отцом и мамой музыку, моя восторженность и эмоциональность, которую я испытывал при этом, пугали их. Ведь это отвлекало меня от учебы. Радость моя, как только речь заходила об учебе в будущем и вузе, сменялась унынием. Отец это видел и в присутствии ему тоне попросил: «Ерундой не занимайся» и «Все силы надо бросить на поступление в университет».

А я летел по полям, сшибая бабочек. Орал песни, и поля все были цветные. Особенно в память ввелось, когда зимой идешь с гитарой, ждешь трамвая, снег тает, пахнет остановка чем-то напряженным, в груди ожидание огромного, улыбаешься оттого, что у тебя есть что-то такое, но люди и понятия об этом не имеют. Снег все тает и тает, сумерки и люди как тени. А ты все ждешь и ждешь своего первого концерта.

Годы в уездном городе были смутные: Михаил Горбачев, пятнистый перевертыш, придумал перестройку, и мир менялся очень быстро. Меня в то время родители отправили в музыкальный кружок в один из уездных Дворцов культуры для придания формы моим творческим наклонностям. Учил меня играть на гитаре абсолютно инфантильный, вялый и безликий учитель по фамилии Топтыгин. Три месяца я смотрел в его серые глаза и играл польку Кабалевского и иные шедевры, написанные для детей. Удалось ли мне хоть что-то подсмотреть у этого работника культуры? Ничего вообще не удалось.

Гуляя с гитарой по дворам, я ощущал себя частью великой группы, которая пока не создана. Ходил я с гордым видом, с осознанием своей избранности, с трепетом и чувствовал себя героем, но без героини.

Вечером в районе вокзала меня остановили парни с цепями. Бичи их называли. Мое местожительство указало им на мою принадлежность к враждебной группировке. Мне почему-то страшно стало за гитару. Ну так просто сдаваться я не собирался. «Отпусти малого, не видишь: он с гитарой. Играй себе и по ночам не шатайся!» — мрачный парень с оспинами на лице отчего-то улыбнулся. Я был уверен, что он тоже гитарист, но так сложилось, что инструмент он забросил. А если бы не это, уверен был я, он бы уже играл в группе и был бы рад. А теперь вместо этого он ловит по вечерам ребят с соседнего района и от злости, что не стал музыкантом, бьет их. Как мне ему хотелось помочь! Довольно часто, разглядывая нормальных, но несчастных мужчин, мне хочется научить их играть на гитаре. Это просто первый порыв. Как правило, он быстро проходит.

И еще частенько замечаю, что многие люди с непростой судьбой — а ведь у нас в России, а в особенности в Питере, много таких — испытывают странное уважение к тем, кто играет и поет. В Европе это норма — быть поющим и играющим. В Штатах, как мне кажется, петь вообще принято, ну и брэнчать — что же еще делать ковбою вечером на отдыхе? Изучая биографию Элвиса Пресли, бросилось в глаза, как много юный Элвис Ааронович почерпнул у проповедников в церкви, которые ему напоминали невероятно талантливых певцов в стиле *soul*.

Если вдуматься, ведь концерт – это церковная служба, сцена – алтарь, слушатели – прихожане, певец – проповедник. Американский режиссер Джим Джармуш – на мой взгляд, один из самых честных и глубоких в мире – в своем интервью сказал, что, если бы инопланетяне вторглись на Землю и изучали бы нашу жизнь, в домах они по постерам, значкам, календарям нашли бы больше всего информации о рок- и поп-звездах. Это ведь современные иконы, им мы поклоняемся, к ним обращаемся в минуты радости и печали. Спетая вовремя и в тему песня делает тебя своим почти в любой компании.

С группой из актового зала школы дела шли как-то невероятно быстро. Главным был одаренный, своенравный и быстро заводящийся юноша. Мы сошлись с ним на Битлах. О том, что я типа клавишник, быстро забыли. Репетировать мы стали в весьма своеобразном месте – на фабрике для слепых. Я играл аккорды на гитаре, лидер пел, на басу был парень, покусывающий губы, а вот барабанщик был, похоже, профи. Тогда я впервые ощутил странную связь с барабанщиком.

Вообще, музыкальная группа – это такая как бы небольшая военная часть. Певцы – это танки: всегда впереди, принимают основной удар на себя, больше всего достается им; певцам нужно много топлива, которым часто является алкоголь. Они получают травмы и часто лечатся и ремонтируются в мастерских-больницах. Гитаристы – легкая и тяжелая артиллерия, огневая поддержка. Рифы – жгут и рвут на части врагов-попсовиков, как пушечные заряды, гитарные соло – как пули, останавливают и парализуют противника. Хорошие гитаристы поливают очень круто, и чем лучше полив, тем больше оцепенения в зале. Тут надо заметить: многое зависит от оружия, но на 90% – от таланта стрелка. Басисты похожи на авиацию: нависают над всем происходящим и поддерживают боевой дух и ритм отряда. Но без надежного тыла, безошибочных и выверенных действий барабанщика отряд бессилён. Барабанщик на задней линии боя, но он следит за всеми, всех поддерживает боеприпасами, едой, бодростью духа. Иногда барабаны берут на себя инициативу в качестве соло, и в этот момент бой почти выигран. И в то же время барабанщик как ребенок: он сзади,

не видит реакции зала, полностью доверяет певцу и гитаристу, смотря им в спины, видит и чувствует мир их глазами. Оттого барабанщику и сложнее всего в группе. Он должен быть любим — иначе мука. Джон Леннон говорил, что Ринго, барабанщик Битлов, лучший из них. Так же считали и лидеры *The Rolling Stones*, говоря о Чарли Уотсе. Когда в лучшей группе мира 1970-х *Led Zeppelin* умер внезапно Джон Бонем, великая команда тут же распалась. Казалось бы, что тут такого — найти ударника? Некому стало сдерживать безумие гитариста и хандру певца. Это хребет группы, ее опора и антидепрессант.

Почему я стал заниматься музыкой? Откуда это неистовство, которое заставляло меня по 5–6 часов безотрывно разучивать песню или слушать ее 100 раз подряд? Сейчас я могу точно сказать, что очень хотел быть нужным, хотел пригодиться. Об этом так точно написал в своем стихотворении Александр Башлачев:

*Как ветра осенние да подули ближе,
Закружили голову и ну давай кружить.
Ой-ой-ой, да я сумел бы выжить,
Если б не было такой простой работой — жить.
Как ветра осенние жали — не жалели рожь,
А ведь тебя родили, чтоб ты пригодился.
Ведь совсем неважно, отчего помрешь.
Ведь куда важнее, для чего родился.*

А для чего я родился? Учителям, фальшивым и никчемным, я не верил; великая страна агонизировала на моих глазах, преданная и отданная на растерзание западным друзьям генсеком Горбачевым, чьи бегающие глазки кроме омерзения ничего не вызывали; новые люди — коммерцы, нарождавшиеся нувориши — казались карикатурой. Почему-то я не испытывал никакого влечения к бандитам и нелегальным бизнесменам, хотя женщины у них были шикарные. Тут не поспоришь. Со своими земляками-армянами, братьями по крови, я так и не смог найти общего языка, может, в силу того, что не говорил по-армянски и был неполноценным в их гла-

зах, а может, оттого, что не разделял взгляды большинства из них, сводившиеся к вопросу: «Если ты такой умный, почему ты такой бедный?» Кавказские идеалы дружбы, когда твой друг тебе как брат, в уездном городе не воспринимались — впоследствии я понял, что под словом «друг» в России часто подразумевают не близкого человека, способного разделить с тобой беды и радости, а хорошо знакомого, с которым можно провести время, когда скучно/весело/ничего делать/не с кем выпить.

В 15 лет я остро осознал, что моя жизнь пуста, что я ничтожество, ожидающее своей участи в форме продвижения по жизни по понятному алгоритму: учеба — работа — женитьба — семья — смерть.

Желание созидать и найти свой мир, подсознательная тяга быть истинным творцом, а не лучшим политинформатором города (была у меня такая грамота), вытолкали меня навстречу двум ценностям, которые могли бы меня вытащить из болота жизни: любви и творчеству. С любовью у меня хронически не складывалось, и на перекрестке, выдуманном блюзменом Робертом Джонсоном, я заключил свою сделку: я стал гитаристом, а взамен отдал способность сильно радоваться простым жизненным удовольствиям. Единственное, чего я только желал: не разочаровать отца и поддержать мою маму. Просто ко мне рано пришло понимание того, что они мои дети, а не наоборот. Как-то так сложилось. И с каждым годом я все сильнее и мудрее, а они стареют и все больше становятся моими детьми.

Был назначен день моего первого концерта. За месяц до этого события начались нервы. Репетиции шли нормально. В актовом зале фабрики слепых работал учитель. Мой первый и единственный настоящий учитель музыки. В те годы таких людей называли худруками. Он точно и увлеченно показывал нам разные гитарные фишки, аккорды. Это было блаженство. Для практики мы выучили его песню «Что с тобой?» Он ее аранжировал. Я был в таком восторге от того, как гармонично все звучало вместе, от того, какой у нас талантливый учитель, что многие годы играл эту песню, лет только через 10 осознав, что бывают песни и поинтереснее.

Я должен был внести свою лепту и сочинил первую песню — мегахит «Старый дом». Петть ее было некому, пришлось самому. Я

не придавал тогда значения этому, потому что только электрогитара волновала мое сознание. В зале собралось человек 30–40. Они как-то странно себя вели: говорили негромко, размахивали руками. Я опешил: в зале были в основном слепые люди. Уверен, что в этом был символизм: как вы знаете, слух у слепых обострен многократно, и если они принимают музыку — ты чего-то стоишь. Они слушали. Хлопали. Танцевали.

Концерт длился около часа, но когда он закончился, вначале было горе, а потом та радость, которой у меня никогда не было. Слова не нужны. Я полюбил мир, наш смешной зал, огромные допотопные колонки, кошку на улице, кусты на дороге. Даже стал улыбаться. И еще я понял, что у меня есть новые близкие — моя группа. Лидер нехотя похвалил меня, с кучей оговорок, но все-таки. И в этот момент я почувствовал, что концерты — это мои минуты и часы истинного счастья, и еще — я буду с моей группой навсегда, ничто не разлучит нас. Но в следующую секунду я вдруг понял, что жду нового концерта. Я не могу без него. Очень жду. И надо срочно его готовить. Сейчас же. Не теряя времени. Ночью я проснулся от осознания того, что пока не будет назначен новый концерт — жить я не смогу. И с ужасом осознал еще — я стал наркоманом, ведь я просто не могу жить без музыкальных выступлений. Считаю минуты. Часы. Дни. Сам с собой. Прокручивая в моей голове по кругу будущие песни... и соло... и фразы... и детали... и т. д. Сам себя подгоняя, сам себя и только себя обвиняя в медлительности. Сбылись твои пророчества — подкралось одиночество.

Я позвонил Гиту и сказал, что играю на соло-гитаре в рок-группе. Впервые за много лет он не казался далеким. Мы договорились увидеться. И еще — он попросил взять гитару. Я не особо хотел ему все выкладывать, но в память о его былой доброте решил посвятить его в свою тайну.

Глава 4

Недавно мой младший брат сказал мне, что он был в кино (смотрел с сыном мультик) и вдруг понял, что мучает его пару последних лет: мы после 30–35 лет думаем о комфорте и как бы заставляем себя отдыхать, а проблема в том, что отдыхать нам не надо. Это и мучает нас. Играя в рок-группе, ты не можешь отдыхать в привычном смысле, надо репетировать и выступать. Если долго не репетируешь, например, больше месяца, — начинаешь забывать некоторые детали, например, гитарных соло, текстов песен и других «примочек», если долго не выступаешь — теряешь навык общения с залом, не получаешь адреналина, своей дозы эндорфинов. Получается, что, если ты в команде и постоянно выступаешь с сольными концертами, а в них-то и раскрывается группа по-настоящему, ты в форме, и депрессия, описанная братом, отмирает. Она всегда рядом и хочет наброситься на тебя, как на ростбиф, но ты своим гитарным грифом сносишь ей голову каждый раз.

Брат ушел из команды много лет назад: может, она его подкараулила и набросилась на него? Первые пару лет он ей не сдавался, но его меч остался у меня, мы его до сих пор точим несколько раз в месяц на репах. Депрессия имеет обыкновение подкрадываться тихо и ненавязчиво — так действует хороший гашиш, как рассказывают страстные растаманы.

Но иногда случается непоправимое: музыкант уходит из группы. Просто уходит. Как правило, из-за жены/любимой девушки, которой невыносима мысль о том, что он там веселится где-то на концерте,

и не один, а с бабами-поклонницами, а она его дожидается дома. Одна. Наблюдения за теми, кто вышел из рок-музыки в буржуазное семейное плавание, наводят меня на мысль, что у этого человека просто намечается новая жизнь. Несомненно, интересная и важная, но совсем иная. Почему так бывает? Чтобы быть в музыкальном строю, в этой армии, нужно быть дисциплинированным, в хорошей форме (ведь никто не простит, если ты не придешь на концерт, пропуск репетиции — куда ни шло, но тоже форс-мажор) и в физической в том числе. Культовый шеф-повар Сергей Бродарь сказал: «У каждого человека есть свой срок годности, вот почему люди так часто портятся». А Бродарь — это голова.

Дела в нашей музыкальной группе шли не совсем понятно куда. Лидер хотел, чтобы мы играли свою музыку, но его сочинения меня не вштыривали. Битлов мы играть просто не могли. Дилемма. И еще мне никак не удавалось с ним подружиться. Без этого сложно быть вместе. Это как выпивать водку с человеком, который пропускает каждую вторую рюмку, ты уже пьян и поймал кураж, а он еще в пути. Внутренний облом. Как снежный ком. Чем больше его собираешь, тем сложнее его катать. Встреча с Гитом и мой рассказ ему о первом концерте не произвели на него сильного впечатления. Но обретенный мной Учитель заинтересовал его.

Мы спустя 9 лет стали общаться, но как гитаристы. Гит был внимателен, быстро все сек и щедро давал советы, как лучше играть. Уже тогда мы начали с ним расходиться в деталях, например, он играл медиатором, который иногда терялся, а я почему-то пальцами. Просто я любил депрессивные баллады, где нужно играть перебором, а он прифанкованные мажорные песни, где, наоборот, нужно играть пожестче и почетче. Он таскал в чехле разные гитарные детали (ключи, медиаторы, тюнеры), а я не любил зависимости ни от чего, может, оттого, что часто все терял. Я был влюблен и мрачен из-за безответности своих чувств, Гита скорее интересовала эротическая часть подобных отношений; я придавал значение глубине текстов, немецкоязычный Гит тянулся к ярким соло и сложным аранжировкам; я нравился интеллектуалам и людям с тяжелой депрессией, он нравился почти всем; я выигрывал при дальнейшем знакомстве, он при ближайшем. В общем, я — Леннон, он — Маккартни.

Ведь до 1961 года Пол Маккартни играл в *The Beatles* на гитаре и лишь потом по необходимости перешел на бас-гитару. При этом мы с Гитом соревновались в умении нравиться людям, что часто вызывало конфликты, так как я был склонен к мизантропии, а он был гуманистом. Я больше тянулся к тяжелой музыке, он восхищался джазом, который меня слегка бесил. Смешно сказать, но кроме безумия по отношению к гитаре нас мало что связывало. А разве этого мало?

В школе у нас учился парень, которого любила девушка, которую любил я. Она проводила с ним много времени. Я же был ее другом. Многие часы я проводил в тупом ожидании, когда они расстанутся, но, не дождавшись, уходил домой. Упрямство не самая лучшая сторона моего характера, но тогда я не мог жить, не увидев ее. Поводы видаться иссякали на глазах, и я решился на сложную человеческую операцию. И в этом мне помогла моя группа. Ее любимый хотел играть в группе, но он был почти бард: играл песни на гитаре и пел что-то, ну, типа «Гражданской обороны», «Воскресенья» и т. д. — в общем, все это мы, истые западные рок-н-рольщики, тогда презирали. Я убедил астральным способом лидера взять этого парня в группу в качестве (!) третьего гитариста. Мы ходили вместе на репетиции. Я провожал его к ней, стал вхож в ее дом, как уже его друг. Пытаясь сыграть на его интеллектуальном несовершенстве, впадал в занудство, красовался перед ней, дарил подарки, но она любила его все больше, теперь уже у меня на глазах. Я и пил с ним, бродил с ним, оказывал разные услуги, выдвигал его в группе на передний план, пытаясь вывести его секрет. Что в нем есть тако-го? Но секрета не оказалось. Он был примитивен и румян. Херувим. Не более того. Он был ее любимым мальчиком. Через год он будет отставлен. Она уедет в Москву. Развязка была близко. Лидеру надоело, что мы медленно двигаемся вперед, он начал повышать свой голос и даже кричал на меня. И, как Телец, потерпев его на 20% дольше, чем нужно, я устал от него очень сильно и сразу с ним расстался. Два майских жука в одной коробке не уживаются. Мой протеже не расстроился совсем. Он так и не узнает, почему он оказался в команде почти на полгода. Ну а лидеру я только усладил — теперь некому стало с ним спорить. Его эго вырвалось наружу и породило

неплохую группу. Я благодарен ему за наше своевременное расставание.

Погрузившись в маниакальную печаль от того, что девушка покидает уездный город, я как-то сошелся с одним приличным флейтистом, и мы стали играть в дуэте милые моему сердцу душевные баллады в стиле группы *Scorpions* «*I'm still loving you*». Выступать нам приходилось в разных местах: улица, дни рождения странных людей, подвалы, дворцы культуры и пионеров. Грусть росла, флейтист тоже был несчастен, мы нравились людям. Петь мы не пели, мрачнели по полной, и наш дуэт становился культовым. На школьном выпускном вечере все стало окончательно ясно. Личная жизнь треснула. Группы не было.

В Универ я поступил с лучшими баллами на потоке. Репетиторы сделали свое дело. Меня ждала студенческая жизнь на юридическом факультете. Быть прокурором меня призывали с детства армянские родственники и могущественные друзья отца. Дядя подарил мне проигрыватель для пластинок «Вега». Отец был горд, мне дарили деньги в конвертах на праздновании моего поступления. Мама была очень довольна. Я был гордостью армянской диаспоры. Друг и Гит поступили в другой вуз. И уехали. Все уехали. Она не звонила. Бессмысленное лето лишь усиливало тоску. Сны о чем-то большем. Порнофильмы становились моими кратковременными спутниками. Занавес.

Стоял дурной августовский денек, школьный друг по телефону восторженно сообщил, что у него фирменная кассета с новым альбомом группы *Metallica*. Он давно меня сбивал на металл. Я неплохо уже в нем разбирался, например, мог отличить группу *Manowar* от *King Diamond*, знал, что *Accept* — это нормально, а Скорпы — попса, был в курсе, что наша *Ария* — подделка под *Iron Maiden*. Но зарубало меня в то время от рок-оперы «*Jesus Christ Superstar*». С горя я ее всю выучил наизусть и пел часами напролет. Один. Друг, вставив кассету и забрызгав меня радостными слюнями, с упоением рассказывал о группе, текстах (ударение на второй слог) и смысле альбома. Черный альбом. В том году он определил мое будущее.

Вокал Джеймса Хетфилда, тяжелые рифы команды, яростные и сложные тексты погрузили меня в новые мысли. Прекрасные и легкие Битлы уступали в соревновании за мою деструктивную душу мастерам истинной мрачной музыки. Чем тяжелее играла группа, тем спокойнее становилось мне. Но как сыграть такую музыку? На акустической гитаре, полуакустической даже – не вариант. Гитарные соло пронизывали меня от макушки до пяток, пальцы судорожно бегали по несуществующему грифу. Эта привычка играть соло без гитары останется со мной навсегда и сослужит мне странную службу: когда танцую с девушкой медляк, во время соло я левой рукой автоматически играю соло на ее спине, бедрах или талии, и некоторые особо чувствительные и образованные девушки смотрели на меня как на правильного эротомана. Я не отрицал. Через две недели я выучил наизусть тексты с этого альбома, и вдруг мы с другом одновременно узнали, что в Москве, на аэродроме «Тушино», выступят в большом концерте группы *Metallica* и легендарные *Эй-Си-Ду-Си*. Невероятно!!!

Я помню этот концерт и в деталях, и полностью. Я был не просто впечатлен – после концерта, как декабрист, я решил посвятить себя рок-музыке по-настоящему, без обид и надежд. Так вышло, что мне по жизни приходится людей успокаивать, настраивать. В те смутные годы «Черный альбом» *Metallica* был для меня как лекарство, как глоток свежего воздуха, как антидепрессант. 50 минут – и ты в строю. Под эти песни было очень интересно ездить в электричках: меняются люди, входят и выходят, меняются песни, и как будто пассажиры электрички становятся героями этих песен: жертвами, палачами, детьми, животными. А ведь это гротеск – в электричке появляются продавцы, музыканты, цыгане, просители, менты, убегающие от них люди. И в один прекрасный момент действие в электричке на секунды совпадает с мыслями песен, и наступает момент истины. Чудо. Невидимый оператор снимает только для тебя клип. Я много раз переживал эти волшебные откровения. Каждая песня с этого альбома несет в себе свой смысл. В двух словах:

- 1) *Enter Sandman* – ужас сна;
- 2) *Sad But True* – горечь зависимости;

- 3) *Holier Than Thou* – лицо лицемерия;
- 4) *The Unforgiven* – сущность разочарования;
- 5) *Wherever I May Roam* – сладость дороги;
- 6) *Don't Tread on Me* – ярость сопротивления;
- 7) *Nothing Else Matters* – глубина чувства;
- 8) *Through the Never* – постижение неизведанного;
- 9) *My Friend of Misery* – переживание друга;
- 10) *Of Wolf & Man* – острота поединка;
- 11) *The God That Failed* – неизбежность поражения;
- 12) *The Struggle Within* – неистовство мыслей.

Двенадцать треков, как двенадцать приговоров, как двенадцать надежд, как двенадцать падших ангелов.

Иногда в жизни все так, но есть провалы – это как котел с дырками, как гитара с порванной струной, и ищешь нечто цельное и великое. Таков этот альбом 1991 года. Пробудивший от сна целое поколение. Весь этот год проникнут великими музыкальными событиями: свой лучший альбом выпускают последние герои рока *Nirvana* – «*Nevermind*», лучший альбом выходит у преследователей *Metallica* группы *Megadeth* – «*Rust in peace*», король блюза *Eric Clapton* выпустил свой эпохальный «*Unplugged*». Великие *Dire Straits* радуют нас суперальбомом «*On every street*» с разрывающей сердце вещью «*Calling Elvis*». Поклон творцам.

Я набрал Гиту и стал задыхаться восторгом по этим поводам, но он как-то холодно отреагировал. Сказал, что все очень непросто. Но я уже решил создать лучшую в мире команду. Карлос Кастанеда писал: если решение принято, это важнее и цели, и результатов. Усилия стоят того, чтобы их совершить, даже если они не принесут ожидаемых побед.

Время ожидания стремительно испарилось.

Глава 5

Если в голове возникла удачная идея, если тебя заводит от мелодии, текста, фразы, которую сочинил, откладывать надолго, даже больше чем на день, этот вопрос никак нельзя. Ну а вдохновение приходит в тот момент, когда ты уже должен уйти куда-то. Или спешишь, или ты с кем-то, или кто-то отвлекает. Друг из Питера называет это армянским счастьем. Это проблема. Я стал опаздывать: стоило мне надеть туфли, я почему-то брал гитару и судорожно записывал на клочке бумаги аккорды и фразы, чтобы вечером вспомнить. Пытался я с этим бороться? Первые пять лет ожесточенно. Хоть пиши картину по аналогии с известной «Опять двойка» — «Опять вдохновение». Мама подозревала меня в паранойе: я постоянно ныл, разыскивая клочки бумажек, свои записки, наброски, странички, которые, как выяснилось несколько позже, выкидывались в процессе уборки мамой. Мои старые тетради с песнями и текстами... Если бы я знал, что с приходом телефона и компа все это незаметно будет исчезать, я бы в банковской ячейке их хранил. Так часто наши родители пытаются избавить нас от старого хлама, который, как выясняется позже, и есть самое дорогое в жизни. Ведь по ним — прочтенным книгам и журналам, записанным песням, написанным и иногда изданным статьям и книгам, выпущенным видео — меряется наша жизнь. И, конечно, по афишам. В 1990-е афиши рисовались от руки на листьях ватмана, потом их стали печатать, потом пришли дизайнеры, и сначала они были культовы. Ночные озарения — и звонишь дизайнеру, думая, что его потрясет

твой афишный креатив. А он и ни в каком не в восторге... Афиши лучше всех делают те, кто их обычно не делает. Закон такой. Афиши – твои соратники, доказательства состоятельности, предметы гордости, пыльные и истасканные, смотрят на тебя с квартирных стен с нежностью и шепчут: все еще впереди, не сдавайся, сделай еще шаг, не ленись, бро.

В середине 1990-х мне по основной деятельности (корпоративные финансы) приходилось много учиться, писать, выступать, защищать диссертацию и много всего. И во всем, что бы я ни пытался сделать, чувствовалось сопротивление внешней среды, ничто не доставалось легко. Когда в студенческие годы пришлось поработать пару лет продавцом шаурмы на рынке, мне вдруг стало понятно, что реальным тормозом почти всех наших проектов и стремлений является лень. То бишь мы сами... Если лень приходит в команду, переносятся репетиции, нет охоты записывать альбом в студии – пора распускать парней либо срочно менять на живых и бодрых перцев.

Найти базу для репетиций, с одной стороны, легко, но смысл – найти дом родной. Если аура на базе не та, неправильные люди там бывают, толку от такого места нет. Усталость в группе, пальцы не летают по грифу, в горле першит – этот стон у них репой зовется.

Тонкая грань на репетициях проходит в отношении гостей. Есть свои, и ты для рок-музыкантов становишься истинным другом, а значит, степень доверия и общения исключительно иная. Этот посыл приводит к тому, что в местах сбора музыкантов, в том числе на репетициях, собираются частенько друзья группы, подруги, знакомые, меломаны, сочувствующие тому, что вы играете. На самом деле им просто скучно и в гости не к кому пойти. Первый год это как братская квартира: единомышленники вместе, смех и пиво, объятия и поцелуи. Но когда группа разучивает песню, в самый интимный момент, когда твое творение, утром написанное, предстает перед музыкантами в форме робкого пения и неуверенной игры, некий знакомый, например, приятель сестры барабанщика, начинает ржать над каким-то физиологическим приколом, толерантность стремительно улетучивается. Типа, как будто «рок-н-ролл этой ночью, я думал, будет хорошо, а вышло

не очень». У нас на репетициях людей чужих нет. Только ментально близкие. Молчаливые.

Ровесники мои резко тормозили и шутили не смешно, и в качестве добровольного временного проверенного подносчика пива и чипсов из ларьков через одного знакомого студента-медика я в последний год школьной жизни проводил много времени в общелитиях. Нужно было жить правильно. Это было по-мужски, интересно и таинственно. Заплеванные лестницы, похмельные студенты, задымленные и заваленные окурками комнаты манили своей брутальностью и хаосом. Студентки старших курсов, видя мои голодные и грустные глаза, подбадривали и намекали на что-то большее. У каждой женщины должна быть змея. Но узнав, что я школьник, перемигивались и вульгарно смеялись, сотрясая бюсты. Я чувствовал себя в самом центре ада, а значит, и рока. Я всеми правдами пытался казаться циничным и мрачным парнем, равнодушным к слову «любовь». Мои нереализованные романтические фантазии требовали крушения, да и стать хуже и порочнее было необходимо для меня. Глядя на опустившихся и бухающих студентов общаги, видя их примитивных подруг, я чувствовал себя цветком в пыли, алмазом в грязи. Лавры Дориана Грея не давали мне покоя. Носить разные маски в зависимости от того, кто передо мной, стало моей привычкой. Работая на этой фабрике безнравственности, прогибался и притворялся своим, чем заслужил право бывать на ночных пьянках. Мне нужна была правда жизни. Проблема заключалась в моей природной застенчивости, что, на мой взгляд, в целом отражение воспитания и утонченности натуры. Как я завидовал тем, кто мог запросто подойти к крутобедрой подружке и утащить ее к себе. А следующим днем я выслушивал рассказ, закусив губу, как она трепетала под его медицинским крупом. Обратная сторона этих переживаний была в том, что мои новые приятели поставляли мне множество размышлений и образов. Книга жизни была приоткрыта для меня. Жизни самой вот только не было. Слушая орган Баха, я осознавал, что есть истинное искусство, красота и возвышенность. Но недолог был миг покачивания в мечтах и неге. Общага, как магнит, манила меня, быть на дне казалось мне верным и серьезным поступком.

Иногда в уездном городе я встречаю их, бывших моих героев общаги. Ностальгия проигрывает грусти при таких встречах...

В это время поиска и нравственного опустошения меня подхватили мои новые приятели – евреи. Как рассказать о них? Пожалуй, с анекдота вернее всего.

- Хаим, ты слышал новость?
- Ну?
- В зоопарке родился слонёнок!
- А как это отразится на евреях?

Когда пишешь о друзьях-евреях, хочется улыбаться – не пойму с чего, но как-то веселеет. Хохмы, приколы, розыгрыши – и почти всегда в тему. Мифы о жадности этих парней преувеличены в разы, но что меня всегда поражало – непоказное уважение к родителям и большое трудолюбие. Та самая этика, без которой нет рыночной экономики. Мой брат мне рассказывал (он учился в Германии 7 лет), что если с немцем договориться о любой работе, например, помыть сортира, он сделает ее хорошо. Всегда. Неважно, сколько денег платится. А еврей тоже сделает хорошо, но с улыбкой и шуткой. А вот наш родной человек обязательно будет чем-то недоволен... И часто договор не дороже денег. И в то же время евреи блюдут свой интерес, но как-то ненавязчиво.

- Товарищ Рабинович, Вы любите Родину?
- Конечно, люблю! От всей души.
- А Вы готовы отдать за неё жизнь?
- То есть?
- Ну, умереть за неё Вы готовы?
- Вы меня, конечно, извините, но кто же тогда будет любить Родину?

Недавно ходил на Московский кинофестиваль. Смотрел короткометражные фильмы без звука режиссера Евгения Кондратьева. Просто абсурд, гротеск, быстро пенящиеся рисунки, по экрану ползают линии, нет звука, люди, все падают, умирают, убивают, душат друг друга, животные, дети, убыстренные многократно кадры, все черно-белое, драки, торты, ванны, костюмы. Как будто рассказы Хармса, но неоформленные и очень быстро читаемые – это мне

напомнило те дни становления. Хаос, идеи, мечты, разговоры ни о чем, книги обо всем, новые аккорды на гитаре, печальные взгляды, суровые мысли, воображаемые ножи, эротические сплетни, рестораны на халяву, девочки-динамистки, дискотеки с ожиданием чего-то... Все смешалось. Было страшно и весело. Не было денег. И из этого всего стали вырастать песни. Мои песни. Мне нужен был кто-то, с кем бы я это играл и обсуждал.

Некоторые рифы группы *Metallica* мне очень напоминали скрипки. И я нашел еврейского скрипача. Он тоже жил в хаосе. Тогда я узнал, что есть город Брянск. Он приехал оттуда в наш город стать великим стоматологом. Но его невзлюбил Бельченко – фамилия преподавателя-фашиста. Он преподавал патфизику (патологическую физиологию) и ненавидел евреев. И другу-скрипачу пришлось уехать, но до того было еще три года, и за это время мы с ним много чего успели.

Кстати, очень интересно писать книгу в кинотеатре, когда смотришь кино без звука. Так комфортно давно не было. Экран как куратор, но очень демократичный и немой. Я обожаю кинотеатры. Все свои свободные деньги в школьные годы я тратил на кино. Я там ел и даже спал. В зрелые годы частенько ходил в кино поспать, в Москве днем некуда было приткнуться. Позже стало сложнее – храп пугал зрителей, и я перестал спать в кино, только если в зале никого. Что может сравниться с походом утром в кино? Только бутылка шампанского на голодный желудок в воскресенье в первой половине дня.

Гит как-то непостижимо договорился в своем серьезном медицинском вузе, что мы можем репетировать в подвале, который назвался ФОРП – факультет общественных профессий. Там была комната, волшебное место с колонками и барабанами. Дело осталось за малым – найти басиста и барабанщика. Я все больше времени стал проводить со стоматологами: Гит учился на него.

Но пока не было ритм-секции, мы с моим скрипачом придумали дуэт и назвали его «Антропос». Человек. Это он придумал. У нас с ним было одно важное общее место – несчастная любовь. И он неплохо играл на гитаре. Новый дуэт, конечно, стал выступать на еврейских вечеринках. В смутном 1991 году в уездном городе

стал работать еврейский культурный центр «Сохнут». Мы там играли иногда. Вспоминаю эти вечера с нежностью. Особенно когда вечером под самопальную дискотеку я пригласил на медленный танец девушку, которая мне давно нравилась. От нее пахло тортом, сигаретами и водкой. И какой-то ангел выключил в учебном классе свет. Было около 11 вечера, я позволил себе пару решительных действий в ее сторону и получил одобрение в форме моей ладони на ее груди. И в тот миг, когда я решил стать персонажем эротических боевиков Тинто Брасса, какой-то шутник-антиангел зажег свет. Нереальный облом. Скрипач тоже бился в постэротическом разочаровании. Лучше всего нас принимали на празднике Пурим. Самый веселый праздник иудеев. Мы стали как бы еврейским *home band*. Та девушка стала иногда видеться со мной, но она встречалась с постоянным парнем, а мне перепало внимание в дни их размолвок. Остатки сладки. Эти дни были как награда за верность мечтам.

Я на юрфаке быстро осваивался и стал наводить мосты в профкоме универа. Это был способ попасть на выступления на «Студенческие весны». Редкой глубины там работают женщины. Утонуть можно. Это были просто фантастические дни. Апрель. До сессии месяц. И вкуче с весной это давало столько идей и желаний! Тогда уже я научился договариваться о наших концертах. Обычно использовались два приема: для девушек и женщин — грубая лесть и подарки, для мужчин — уверения в том, что они — часть новых восходящих звезд, и легкая пьянка в развитие отношений с феерическими психоделическими тостами.

Мощное сексуальное потрясение случилось с дуэтом «Антропос» весной 1992 года. В Доме Союзов мы выступали в качестве музыкального номера на «Студенческой весне» химико-биологического факультета. Почему нас взяли играть на эту весну, мне до сих пор непонятно...

Когда в кино почешешь ухо, кажется, что все слышат, так, кажется, громко, так же как если в длинном соло неправильно сыграешь пару нот из ста, и думаешь: все заметили, но только ты это знаешь, и стоит заразиться на эту тему — не сможешь играть спокойно. Мой барабанщик из-за микрошибок на концертах хочет иногда уйти

из музыки. Я его очень уважаю и жалею. Маниакально-депрессивный педантизм. Мать эти. Мой принцип: делай свое дело хорошо и не заморачивайся на чужое мнение. Ибо!

В универе есть тонкое различие девушек по факультетам, и критерием выступает их толерантность по отношению к мужским домогательствам. Вкратце градация такая:

Юрфак — скорее нет, чем да;

Филологи — тонкие развратные души, нужно попроще с ними;

РГФ (иностранные языки) — типа элита, на самом деле без парней сходят с ума. Нужен алкоголь;

Экономистки — надо договариваться, но позитивные;

Педагоги — добрая душа, но могут привыкнуть;

Спортсмены — будь как они!

Историки — любят интеллект. И рестораны;

Химико-биологический — царство порока и похоти. Они ближе всего к мужчинам. Химия!

Вот на этом самом факультете мы играем. Дом Союзов. Огромная сцена. Полный зал. У нас в программе наш хит «Дорога в никуда». Длинная и сложная инструментальная тема, которую мы на двух акустиках играем в черных костюмах и с неподвижными эпическими лицами. Я соло, он ритм. Все темы минорные, отчуждение, непонимание — все в духе раннего треша 1980-х годов. Выходить нам в середине спектакля. Стоим в гримерке, ждем. Жарко. Никого не знаем, озираемся, выпили пива для храбрости на голодный желудок. Входят две девушки и, глядя на нас как на мебель, начинают переодеваться. Они были так хороши, что у нас и язык наружу, пульс на 180, пот по спине и стояк на 120 градусов. У меня тонкие брюки были тогда, как шелковые. Одна из них заметила мой немигающий сверлящий ее фигуру взгляд. Она мне мигнула, и я пропал. На два часа. Как мы играли — не помню. Моя страсть обрушилась на струны — нам хлопали. Денег мало с собой было, что я мог ей предложить кроме своей сутулой фигуры и песен? Я нашел ее через неделю, сбивчиво объяснил, что мне нужно. Она погрузилась и пошла ко мне в гости. Бабушкина квартира была почему-то свободна. Я напился. Она тоже. Над моими шутками она не смеялась, музыки не любила, английского не знала, меня не слышала

на концертах. Она была как луна, а я как собака. Делать было нечего, она призналась, что я ей по душе, но она выходит замуж. Как же так? Зачем? Она невесело смеялась и дышала мне жарким дымом в лицо, я хотел провалиться в ее губы. Она оставила мне домашний телефон, по которому никто не отвечал почти полгода. Таня. Я разучил песню группы «Крепаторий» с таким названием. Жаль, что она умерла. Скрипачу эта песня очень нравилась.

Мое упрямство иногда играло злые шутки со мной. Нежелание идти на компромисс часто ставило мои отношения с людьми на грань ультиматума. Но без этого так скучно. Но за один случай мне все же несколько стыдно, и, пожалуй, сейчас, я бы отступил...

Когда на третьем курсе у Гита был самый сложный экзамен (пат-физа), а у меня – выносящее мозг «Гражданское право», нам предложили выступить на выпускном в школе на окраине. Это было моей старой мечтой. Барабана не было – взяли пионерский. Лопнула струна – натянули, что нашли. Ништяк. Гиту родители запретили играть. Плюнули. За пять минут до концерта приехала мама Гита и потребовала ехать домой. Она стояла внизу на школьной лестнице, мы наверху. Она потребовала выбрать – Гит выбрал музыку. Меня. Она в слезах ушла. Я был горд. Мы славно оторвались. Но в ту ночь его мама не спала. Ни один концерт этого не стоит. Поклон нашим дорогим родителям за понимание.

А куда мы шли?

«Если вы уходите и вас никто не зовет обратно – значит, вы идете в верном направлении», – говорит Джим Керри.

Похоже, он прав. Никто не звал.

До отца дошли слухи, что я играю на улице и собираю деньги. Отчасти это было правдой, но деньги мы собирали на регистрацию Творческого Товарищества. Был разговор. Был запрет на занятие музыкой. Жесткий. Мама плакала. Братишка не очень понимал. Но сомнений не было.

Я обожал отца и часто подшучивал над ним, что не позволялось никому, но держать в руках гитару стало для меня абсолютной необходимостью. Ситуация была сложной: семья против, электрогитар нет, барабанщика нет, времени нет, да и средств, чтобы все

это достать, не было вовсе. Гит погряз в медицинской изматывающей сессии. Папа перекрыл маленький денежный краник. Лето 1992 года не сулило ничего приятного. Трое студентов против всей машины провинциальной упорядоченной, зарегламентированной жизни. Музыка стала нашим духовным путем, и мы уже шли по нему. Призвание.

Глава 6

Мы на концертах никогда не играем на заказ. Табу. Но иногда могут попросить а-ля бандиты или просто друзья родственников, которым отказать неудобно. Я объявляю в этом случае, что песня стоит 500 тысяч рублей. И люди отказываются. Ни разу не заказали еще. Но и я не отказал. А вот если бы Роман Абрамович был на концерте, он бы точно не поскупился, и мы бы купили барабанщику новую машину. Было бы очень кстати ему. Он бы возил барабаны и детей в этой рок-машине. Почему он не приходит?

Зато часто приходит опустошение, когда в зале много мертвяков. Это такие люди, вроде и приличные, и даже не особо страшные, руки, ноги, дети даже есть, они отличат попсу от рока, скажут пару слов при случае, но их внутренняя жизнь кончилась, дух испарился, а физически они еще не умерли. Просто от них веет ужасом, пустотой, вялостью и безмерным скрываемым безразличием. Они доживают свою жизнь, играть для них — просто мучение для меня. Пытка. А их как-то все больше и больше. Как в сказке, я всегда борюсь с ними на всю катушку, стебуть, издеваюсь, пытаюсь их вывести из зала, но иногда не выходит... И если их на концерте больше 15–20%, бывает трудно справиться с их желанием жить за твой счет. Вечная борьба.

На первом курсе универа у меня появился товарищ, которого можно было бы назвать старшим другом. Добрый, сильный, большой, с явными криминальными ненавязчивыми наклонностями. Папа его цыган, мама с Кавказа, а он — смесь доброты и яростной

агрессии. Нежный с друзьями и невыносимый, до тошноты, с врагами. Чистый Кавказ. Которого я давно не чувствую вокруг. Он меня как-то особо выделял, гордился мной, наши родители были знакомы, но это было совсем не главное. Все неформальные вопросы на факультете можно было решить через него, старшие курсы его побаивались. Когда мы были в колхозе, дружба наша окрепла в походах за девушками в соседние деревни. Он брал арбуз и бутылку, я гитару и улыбку, он стучал в дверь, пил водку с красотками с других факультетов, я играл Битлов на гитаре и произносил тосты-самопалы, он разбивал бутылку и ложился на осколки, я с гитарой вставал на него. Типа он как Куклачев, а я – поющая и говорящая кошка. Представление закончено. Завороженные его статью и мужественностью, они шли за нами. Некоторые мужчины обладают ярким и быстрым обаянием, ему трудно противиться, но им нужна красивая рамка, некая прелюдия перед тем, как оно начнет действовать, и в то же время нужен контраст, на фоне которого это обаяние будет усиливаться. Моя роль странного толкового контраст-парня при нем вызывала порой недоумение у его взрослых товарищей, но его привязанность ко мне переваливала их скептицизм. Благодаря его поддержке мне удавалось вести себя свободно и вызывающе. Он был моим тылом.

Он знал, что мне нужны деньги на электрогитары и барабаны, и мы поехали фарцовать в Польшу. Три 17-летних парня поехали на автобусе продавать дрели, фотоаппараты и сверла, чтобы купить там дефицитные шмотки и, продав их, заработать. Было весело. Я спас от самоубийства девушку во Львове, вытащил из окна общаги; нас с другом (другим) сильно избili в Польше; вещи мы не продали; водители-жулики хотели порезать нас на вокзале, так как мы не давали им обирать женщин из нашего автобуса; ко всему прочему я купил очень красивую майку для себя, а она оказалась женской. На плечики я почему-то не обратил внимания. Бизнес не задался. Поляки не особо приветливые ребята.

Но мы с ним не сдавались уже тогда. В июле 1992 года он предложил мне поработать на очистных сооружениях. Его мама устроила нас на эту высокооплачиваемую халтуру. Работа была простой: в 9 утра в яму с грязными рыжими камнями, кидаешь их лопатой

в бадью, она поднимается, потом вниз — и так весь день. Перерыв — час. Оплата — около 250 долларов в месяц, по тем деньгам — реально много. Стипендия — 10 долларов. То есть в день — одна стипендия. Он много пил тогда, я с ним, но несколько меньше. С похмелья выходили в шахту, через пот алкоголь выходил, от столовской еды начиналась изжога, но я точно понимал, что если не будет бас-гитары — группе не быть. Ну никак. Мы с ним сильно сошлись тогда. Он меня многому учил, объяснял, как деньги легкие делать, показывал, как обходиться с людьми, как нужно кадрировать девушек. Мы ездили на странные встречи с грубыми людьми, которые постоянно грызли семечки и часто сидели на корточках. В общем, я на этих «стрелках» молчал и много думал.

В нашем уездном городе есть огромный универмаг, просто монументальный памятник архитектуры советского периода. В народе его зовут Бастилия. В эпоху перемен там образовалось огромное количество коммерческих магазинов, в которые ринулись наши люди. Какие там работали шикарные продавщицы в лосинах! Там-то и ждала меня моя первая бас-гитара. Немецкая. Черная. *Diamant*. С коротким грифом. Очень тяжелая. В тот очень важный день гитара ждала меня — я так боялся, что ее перекупят! Вспотел, пока покупал. Вау! Иметь басуху означало, что ты просто реальный музыкант. Все, что осталось, мы с моим другом жестоко пропили вечером в ресторане. Он сказал мне тогда: «Дурак ты, Карапет. Могли бы тачку купить слегка убитую, например японку с правым рулем, и могли бы с понтами в универ ездить. Эх ты, не врубаешься, что понты дороже денег. Наиграешься в свою музыку и забросишь». Мама и папа о бас-гитаре не спрашивали, так как я на ней, получаю, не играл. Типа ее и не было. Звука ведь она не издавала. А я ее доставал вечерами и часами на ней беззвучно что-то наигрывал.

Мой друг-еврей стал частенько на нее заглядываться, а однажды попросил ее унести домой на пару недель. Скрепя сердце я отдал ему ее, не подозревая, что он собирается ее освоить. Вот он взял, перечитал все что можно о басы, и освоил. Ну что вы скажете?

И все же водка туманит мозг. Если, когда ты набрался, нет милой девушки поблизости — нет программы разоружения, и начинается

эскалация. Так и рок. Если его нет, внутри копится ужасная усталость, и она сильна.

Я вынужден был часто ездить на юг с мамой. Там родня. Армянская, формальные улыбки, странные подарки, водка по утрам и в обед. Ранний отбой под жгучий шашлык. Поиски сибирячек ночью под абрикосовым деревом, нарды и карты, прогулки в город. Как это обременительно и выносятся только в рамках недели или двух! Тут спасает либо выпивка, либо баня, либо отстраненная красавица. Ну, если гитары под рукой нет. Есть одна такая девушка, работает в банке, милая, в глазах огонь, в сердце вьюга, на губах улыбка, во взгляде шепот, в мыслях ужас сегодняшнего дня. Такие ничего не обещают и только улыбаться могут часами, но они снимают паранойю. Они как абсорбент: способны изъесть твою тоску, приземлить тебя, обмануть твою печаль и отправить тебя домой. Спать.

Когда слушаешь живьем крутую команду или в хорошем плеере, сердце рвется от радости от игры гитариста, нет сил ждать, когда увидишься со своей гитарой. Как декабристов ссылают в Сибирь, как футболистам запрещают пить воду во время матча, так и я ездил на юг, считая дни до встречи с музыкой. Русский юг. Поразительно антимузыкальное место. У нас во дворе жил цыганский табор, с ним я шатался по городу, пел американские баллады, добрые некрасивые цыганки щедро пытались вознаградить меня, но, увы, кавказское воспитание платило по всем счетам.

Моя гитара расстроилась в разлуке, и я долго ее настраивал. Гитары не особо любят одиночество. Это надо понимать, заводя гитару. Если ты забросил гитару — ты просто лох.

Друг-еврей неожиданно предложил разучить песню в электрике. Магия вошла в нас. Получилось. Гит как-то начал жить во мне со своими соло. Но без барабанов все было бессмысленно. Купить в 1992 году барабаны было под силу только банкиршам, но за нашу красоту и стать никто не готов был платить. Весь сентябрь я гадким образом думал, где взять миллион рублей на барабаны и усилитель для колонок. Пиво и порно уже не отвлекали. Одна только девушка-

художница, к отцу которой я ходил писать фирменные кассеты, загадочно улыбалась мне. Я пригласил ее в кино. Но все равно все было мерзко. И глупо. Без барабанов. Это стало моей манией. Барабанная установка. *Amati. Soner. Yamaha*. Потихоньку я начал фарцовать — перепродавал ваучеры, сникерсы и жвачки *Stimorol*. Денег хватало только на такси, рестораны, шоколад и цветы. И никакой красоты. Отец, видя мою печаль, догадался, что дело в деньгах. Тогда расцветала коммерция, но для людей поколения моего отца это было слегка постыдное и несовместимое с чем-то важным занятием. Отец более 15 лет руководил огромным областным объединением, тысячами людей, построил сотни объектов, оросил тысячи гектаров земли. Ну как он мог серьезно относиться к гитаристам? Помочь сыну купить инструменты? Вместо машины?

А как добыть барабаны, мне подсказал «Вестник Центрального банка». Надо взять деньги у других и отдать, но потом и, может, не деньгами. Как договоримся. Странное дело, но уже учась на втором курсе юридического факультета, я чувствовал, что стать юристом по уголовному праву мне не позволит этика, так как придется защищать упырей и мерзавцев, а стать юристом по гражданской специализации — стать господином-оформителем, то есть адской белкой в колесе. Квалификатором. Кодификатором. Канцелярской крысой. Я пытался. Очень. Не смог. Но я очень уважаю юристов, так как они, на мой взгляд, — обслуживающий персонал высшего уровня. А обслуживать надо уметь!

А вот экономисты и банкиры, сладкоголосые аферисты, мне сразу пришлись по душе. Как из рубля сделать три, продать воздух с важным видом, выдать костюм с запонками за нечто большее, чем шмотки, сказать слова типа «Маржа по облигациям превышает ожидаемый тренд» или «Ликвидность векселей этого эмитента сомнительна» и снискать славу умницы — мне это по-настоящему нравилось. Вместо Плевако и Столыпина читал Ли Якокку и Генри Форда, вместо правосознания и римского права пересчитывал котировки векселей и акций первого эшелона. Годы спустя, читая лекции по экономике для выпускников экономфакультетов, никак не мог найти в них огня интереса к аферам и высокоприбыльным проектам. Все-таки настоящие

банкиры и инвестиционщики, как рок-н-рольщики, тащатся от своих соло!

Часто думая о банках, я обратил внимание, что в них нет ничего реального кроме чужих денег, красивой вывески и ожиданий будущих периодов. Брайан Эпштейн, менеджер Битлов, сделал четырех портовых парней звездами, в том числе из-за неистовой веры в них. Порой бывает, что товар просто отличный, группа звездная, но, чтобы попробовать это на вкус, нужно, чтобы некто заставил тебя это сделать. Сомнений в классности нашего безбарабанного трио не было ничуть. Руководитель факультета, очень мудрая и ироничная женщина, слушала меня и молчала, когда я ей обрисовывал будущее величие факультета, которое придет к нему после первого феерического мероприятия под моим руководством. Мое красноречие было остановлено вопросом:

– Ты уверен, что ты это сделаешь? Что тебе нужно для этого?

Ритмы харда забили в моей голове, солнце заблестало ярче, лед стал оранжевым.

– Нам не на чем репетировать! Нужны колонки и барабаны.

– Сделай дело. Привлеку студентов с факультета. Если нам понравится – решим. Но если нет, не взыщи. И не забывай учиться.

Не забывать учиться, улыбаться, работать, поздравлять, проставляться, дарить подарки, давать деньги на похороны и свадьбы меня всегда учили и учат мои родители и мои родственники. Вот я ничего и не забываю. Хотя давно бы пора.

Сроки, цели, механизмы были ясны. Машина моего творчества тронулась с места и поехала с шумом и скрежетом, не оглядываясь, назад, без больших сожалений и с большими ожиданиями.

В тот момент я впервые почувствовал то, что будет терзать меня потом всегда. Почувствовал себя директором. Человеком, который направляет других на достижение успеха. Успех для меня важен, как воздух, почти как музыка. Без него мне неинтересно. Просто неинтересно.

И еще. Иногда обижаю друзей. Нормальных ребят. Обычно когда выпью. Дурная привычка. Худшее, что может быть – когда под влиянием алкоголя тщеславие рвется наружу и реально убивает все, что было создано ранее. Совестно. Но мне кажется, что все

те, кого случайно или намеренно обидел или разозлил, понимают, что это демоны одолевают меня. Брать пример надо с Гита, моего соратника, брата и учителя, он, как бы ему хреново не было, тупо будет улыбаться и терпеть, пока проблема не рассосется сама. Но кто сказал, что в группе должно быть два ангела?

Чтобы сделать дело — большое или огромное — нужно все время его делать, доделывать, переделывать, думать как лучше, считать риски, работать с командой, дружить с соперниками. И главное — все время читать. Книги. Это лучшее!!! Газеты по специальности. Журналы дадут аналитическое восприятие.

Настоящий директор — это параноик, все ему кажется и чудится, но только свои страхи он держит при себе, не транслирует по пьяни друзьям-корешкам. Он с ними один на один, он их умаливает и умаливает, дает им отдохнуть, а с утра снова с ними бьется, пока они не отступят, и победа, такая родная и несловоохотливая, снова придет к директору. И запоет душа, трепет вызовет румянец на щеке, и закроет директор свою записную книгу, сверит баланс, выплатит премию команде, купит себе новую машину, чтобы хоть как-то запомнить ее, родную победу №9, и зафиксировать результат. На этом проект будет завершен, и новые силы будут приходиться к директору для новой темы, которая придет от акционера как созидание, или от ошибки операционного менеджмента, который так одряхлел от ничегонеделания, что не замечает очевидных косяков. И включит тогда директор свой любимый альбом *Depech Mode «Black Celebration»* (1986), набросает на компе план, разошлет его на утверждение в финансовую службу, получит срок решения у акционеров, и заскрипит директорское седло, разлетятся корпоративные вороны, взвоют юристы от необходимости проснуться, заверещат бухгалтеры, памятуя о непроведенных налоговых оптимизациях, побледнеют, и заголосит блок *sales*, впаривавший когда-то мимоходом на совещании о том, что конкуренты демпингуют на рынке и нужно больше скидку сделать (а это увеличение — их откат и новый джип, а что еще надо?), и только приемная хозяйина с всегда красивыми и ухоженными секретарями почувствует знакомое возбуждение от того, что директор взялся за дело, и лед тронется в сонном царстве Корпоративного Быта.

Но есть и другие директора: как правило, это либо друзья владельца, либо инженеры-исследователи, которые не построили свою ракету. Первые тупо проживают отпущенный старым другом период благоденствия, пока их не сменят либо не направят на уж совсем простую работу, вторые с упорством, достойным лучшего применения, обязательно «закопают» деньги, да еще и кредит возьмут, в какую-нибудь лабораторию или заводик с «лучшей» в мире технологией получения бензина из сена. А когда все грохнется, людей придется уволить, а контору закрыть либо за копейки продать, будут эти инженеры в окружении своих коллег, которые на этом активе погрели руки, выпив водки, орать, что России не нужны новые технологии, люди скоты, а власть прогнила. В этот момент хочется принести им зеркало и дать посмотреть на свое отражение. Эти герои вчерашних дней никак не могут смириться с тем, что у них не получается.

Но есть еще третий вид директоров. Редкий. В природе почти не встречается. Они способны создать идею, как пауки из своего тела вытягивают паутину и плетут сеть, ползая по ней. Все их идеи – это они сами. Из них самих. Это с одной стороны. С другой – они способны реализовать ее, несмотря на ее кажущуюся абсурдность и новизну, плохие отзывы с рынка, кривые лица коллег и неприятие большинством менеджмента компании.

Иногда в теории таких людей называют креативными директорами, но это скорее фантазеры. Управляющими директорами – но это скорее переговорщики. Я бы назвал их арт-директорами. Арт – суть творец. Директор – менеджер, настигающий успех, несмотря ни на что. Благодаря клубам и ресторанам арт-директором иногда называют мальчугана, который отбирает группы для концертов и корпоративных праздников. Но это скорее временное понятие, которое сгинет вместе с этими персонажами.

Я арт-директор. В 19 лет я понял это. И вот теперь мне надо было быстро сделать нечто, чтобы обеспечить будущую группу барабанами и всем необходимым.

Луна светила высоко, кусты засыпали, работали только таксисты и проститутки. И я не спал с ними долгими ночами, нащупывая будущие контуры своей первой арт-директорской темы. Утром

декан ждал меня с планом моей первой официальной вечеринки на очень консервативном юридическом факультете.

Глава 7

Хуже нет, чем заниматься не своим делом. Особенно в России. Одно может спасти: если твой шеф — суперпрофи. Быстро думает, жестко отсекает врагов и глупости. Но главное в шефе — доброе сердце. Когда властный, влиятельный и часто богатый мужчина готов тебе показать и рассказать, как надо работать, добиваться успеха, но при этом ты не унижен и не находишься в роли просителя, не проводишь недели в ожидании чего-то. Я встретил таких людей в жизни. Исключение для меня всегда составляли женщины. Впервые в 20 лет я глубинно осознал, что я не могу с ними работать, вернее, работать у них в подчинении. Тут был просто внутренний конфликт. Я любил женщин и прощал всегда им по жизни многое, но в работе это сложно — она превращается с мужчиной с 10 до 19 часов. А потом — снова в женщину. Это раз. Ну а второе — мне не приходилось встретить женщину, мудрость которой была бы неопровержима. Не повезло. За исключением одного раза. Наш декан вызывала у меня это чувство. Поразительное ощущение глубокой мудрости, иронии и доброго сердца. Ну и отличные менеджерские качества. Одна на сто тысяч.

«И ты должен понять, что задача не просто провести мероприятие. А раскрыть потенциал студентов юридического факультета в творческой самостоятельности. Если нам понравится — я имею в виду себя и заведующих кафедрами, — факультет позволит тебе приобрести аппаратуру. Справишься?» — это был первый менеджерский вопрос, который я получил. Их будет много потом,

но первый всегда самый трепетный. Из рта донеслось что-то утвердительное. До события оставалось меньше месяца. Потом начиналась сессия с уходом в Новый год.

В моих проектах всегда первична цель. Она как маяк, призывно и холодно сияет вдали. Кругом бушует море: скептики, дружки-неудачники, взросляки-трупяки и остальные соглядатаи, которым, с одной стороны, нравится быть в теме, но в душе они жаждут твоего провала. В этот момент на их лицах отражается едва уловимое торжество — мол, будь как все.

Гит проснулся от этого проекта. Я тактично попросил его сыграть актерскую роль в новом шоу. Ведь по сути я пошел на авантюру — пообещал феерическое событие, не имея за душой ничего: группы нет, материала, разученного вместе, нет, актеров и аппаратуры нет, сценария написанного нет. Нет ничего, кроме идей и ежесекундного желания сделать это Круто. Не круто — нет смысла. Надо так круто делать, чтобы люди не отрывали глаз от тебя и не забывали потом команду многие годы. Это того стоит.

И стоит потратить еще много времени, чтобы найти товарища. По музыке. Это как клад искать. Вокруг столько людей, симпатичных, с гитарами, с мыслями, с разными феньками, но нужно найти одного того самого парня, который будет как жена: любить, терпеть, помогать и прощать. Гит стал моей женой на многие-многие годы. Наша с ним совместная жизнь была трудной, часто безрадостной, но безрассудная любовь к року помогала нам всегда. Мы, играя многие сотни раз на концертах вместе, учились принимать друг друга, чувствовать настроение в воздухе, и, конечно, прощать друг друга. Лидер группы — вокалист — в классике всегда слегка психопат. Когда ты поешь на концерте со своей командой — это как пьяным ползти в гору: всегда хочется еще выше, кажется, что можешь летать, не контролируешь высоту, и только твой гитарист и барабанщик, когда ты падаешь, ловят тебя, втыкают в тебя еще пару батареек — и ты снова в норме. Такая вот тема. Такая братская истерика. Такая судьба.

В 1992 году на нашем факультете появилась девушка. Рыжие волосы. Зеленые глаза. Красные сочные губы. Длинные ноги. Она

стояла у окна. Сияло солнце. В моей жизни наступило затмение. Она вошла в меня сразу и навсегда. Иногда смотришь на человека и понимаешь, что ты никогда его не забудешь. Я просто не успел ничего сделать. Затмение продолжится 15 лет. Без шансов на выход на свет, без единого дня без мыслей о ней, безоговорочное и всепроникающее чувство зародилось во мне и, как антивирусная программа, за одну минуту просканировало меня и убило все чувства во мне, к кому они только были, оставив только ужасную и изматывающую любовь к ней. Я всегда любил русские народные сказки, меня вырастили русские соседи, ставшие моими близкими. Бабушка Лида часто пугала меня колдуньей, от которой не мог уйти Иван-царевич. Колдунью можно было только убить. В 14 лет я подписал на перекрестке контракт и отдал свою душу в обмен на судьбу гитариста. В 18 лет я отдал свое сердце на 15 лет колдунье, получив такое счастье, о котором не принято рассказывать словами. Только в 35 лет она перестанет мне сниться, какое-то время спустя я перестану искать ее глаза на улицах, разговаривать с ней про себя, сравнивать всех с ней. Мне часто кажется, что она родила меня тогда. Новый человек начал новую жизнь, глубоко погруженную в любовь и творчество.

У тебя две иконы, на которые ты молишься каждую минуту.

И все песни о ней, и радости с ней, и горе от нее, и все подарки ей, и деньги зарабатываешь для нее, и с утра просыпаешься с мыслью о ней.

Но самое странное, что при наличии таких побудительных сил во мне, каждую минуту требующих созидания, необходимо было учиться и познавать мир с юридической и даже где-то научной точкой зрения.

Такое триединство. Русская тройка: любовь, творчество, работа. И ведь к каждому элементу из этой тройки ты должен относиться со всей душой, с полной отдачей и откровением, и только тогда они заживут вместе, запоят на все голоса в душе, и не будет тоска грызть сердце, и улыбка хоть иногда будет блуждать по лицу. И только тогда что-то получится. Но каждый из этой тройки борется

за твоё внимание. Хочет получить как можно больше внимания, времени. Есть свои фавориты, есть свои лузеры, но ты как тренер должен для каждого найти время, защитить от внутренней тоски, и когда наступит время охлаждения и уйдёт любовь, ты должен подготовить тех людей, которые любят тебя, музыкантов, которые играют с тобой, людей, которые работают с тобой — к расставанию. И это самое мучительное и самое болезненное. Нереальная трагедия, когда отрываешь от себя то, что уже приросло к твоей коже, стало частью твоей дыхательной системы, твоими сосудами и глазами. Но без этого нет нового. А когда нет новых идей и вдохновения в жизни, когда нет нового возбуждения, нового чувства — тоска заходит в твою комнату, закрывает дверь, зашторивает окна и начинает душить тебя безжалостно и беззвучно. И каждый раз надо начинать с самого начала. Может быть, поэтому так притягательна была для Джима Моррисона бутылка виски? Алкоголь уносит эту тоску. Когда уходит любовь. Если бы можно было устроить так, чтобы и вдохновение, и любовь жили вместе и не уходили! Может, в 24 веке так и случится.

Мне всегда везло. Рядом почему-то оказывались люди, которые меня выручали. Мой лучший друг возник на горизонте, когда я не мог справиться с предметом «Логика». Скромный, умный, саркастичный, интеллектual в высшей степени, сын потомственных врачей и педагогов, внешне очень похожий на чеченца, слегка кривоногий, крепкий и жилистый, он был так глубоко отзывчив и несчастен, что это просто поразило меня. Сказать, что он мрачен — просто промолчать. Но мы подружились так сильно, что трудно сказать, что разлучит нас теперь. Мы вместе потеряли деньги в 1998 году, у нас были серьёзные личные разногласия, были пьяные драки, было всё, кроме предательства. Оба мы любим слушать песню группы «Пилот» «Братишка». Так я его и зову много лет. Братишка помог мне написать сценарий, он же сыграл роль в спектакле, который мы называли «Пауки-убийцы». Бред какой-то, а не название. Просто я был фаном видеофильмов, которые переводил гнусавым голосом переводчик Володарский. Я научился его пародировать и ради прикола придумал нелепое название. Оно

бессмысленно. Все шоу, которое в 1992 году потрясло тихий корпус университета, было построено на использовании трех элементов: живой музыки, приколов над рекламой, эротизма и драйва непрофессиональных актеров-студентов. Репетиции шли по ночам, это была первая проба пера в качестве режиссера. Братишка помогал. Между нами, однокурсниками, прошла волна дружбы. Истинное желание сделать что-то вместе выразилось в том, что мы сделали тогда нечто напоминавшее *Comedy Club*. Моя колдунья была частью нашего шоу. Если бы ее не было рядом, я бы везде искал ее, психовал бы и ничего бы не вышло, поэтому я придумал ей роль. У нас не было кулис – и мы просто стали выключать свет между сценами. Не было раздевалок – и мы просто переодевались быстро в темноте. Не было барабанов и барабанщика – и я просто занял денег, арендовал барабаны и убедил очень классного парня, Дмитрия, постучать. Феномен в том, что он стал потом прокурором, серьезным руководителем, мы часто видимся, и я всегда говорю, что он первый барабанщик группы *The Mood*. С тех пор как я встретил свою настоящую любовь, мое настроение стало жить вместо меня. Оно менялось десять раз на день. Я не мог назвать группу иначе.

Гит играл ключевую эротическую роль, звезда с факультета РГФ обнимала его прямо на виду у всего руководящего состава факультета. Гит был влюблен, они целовались по-настоящему. Все было по-настоящему. В рамках озвучивания и врубания визуальных сильных образов песни «Больно мне, больно» надо было бить парня, чтобы ему стало больно. Типа эффект. Но тот, кто бил – бил уже тоже по-настоящему. И больно было по-настоящему. И восемь парт было выкинуто в ту ночь возбужденными студентами по-настоящему, и все стекла были выбиты тоже не понарошку. Братишка был так пьян, что его несли на руках домой. На такси денег не было. Мы с моей любимой не могли наобщаться, так как в комнату, где мы были, врывались возбужденные пары, и я просил не делать этого в корпусе. Это было помешательство. Музыка, смех, поцелуи, секс и радость захлестнули факультет. Демоны вырвались наружу, эндорфины заполнили рекреации, улыбки и крики стали друзьями. Мой старший друг и друг по поездке в Польшу стали мне еще ближе. Впереди нас ждало такое классное будущее. Я растро-

йлся – стал директором пати, музыкантом и режиссером. Я был счастлив.

Я стал арт-директором.

Утром мама позвала меня к телефону. Меня просили срочно приехать в деканат. Декан был краток: «Тебе надо написать объяснительную. Декан экономического факультета, где проходила пати, просил тебя отчислить. Сломано десять парт, разбиты стекла, унитаза. Ты все уберешь. И никогда больше не будешь выступать в этом корпусе». Шум стоял в моей похмельной голове, кулаки разжались. «Но мне понравилось. Очень понравилось. Собери все осколки. Убери днем мусор на этажах и поезжай в центральный корпус в бухгалтерию. Получи миллион рублей и купи аппаратуру и барабаны. Факультет в восторге. Готовь «Студенческую весну».

Глава 8

Есть мнение у людей околмузыкальных, что парни начинают играть в рок-группе, чтобы понравиться девочкам. Это так и не так. Одурманенный постерами и видеоклипами с роскошными тачками и иными аксессуарами шикарной жизни, щуплый и талантливый юноша со слегка проступающей щетинкой берется за гитару – и о чудо! Его все хотят, причем не отрывая глаз от его *Fender Stratocaster/Limited Edition*. Иногда приходят мысли: а что если музыкой начинает заниматься человек, которого и так хотят?

Парадокс подобных мыслей в том, что внимание мужчин и успех у женщин, которые может принести музыка, во-первых, по странному стечению обстоятельств всегда приходят, когда тебе это уже не так Важно, как когда-то, а во-вторых, для пользования плодами возвращаемого успеха уже нет времени. Как хозяйка твоего времени, музыка уверенно требует своего, и все потуги выско-чить из ее страстных объятий оборачиваются лишь депрессией и тоской. Считается неприличным в рок-среде уделять много времени увеселительным мероприятиям с дамами, в то время как алкоголь или посиделки с друзьями приветствуются. Женщины чувствуют это, оттого их матери и предупреждают своих красавиц быть аккуратнее с этими музыкантами. А может дело в том, что для современной женщины, не обремененной серьезной интеллектуальной и художественной нагрузкой, свойственно употреблять в подавляющем числе случаев глагол «дай»?

Время, рассказы, знакомства, рестораны, подарки, принадлежность к новому кругу общения и далее по списку. Предсказуемо, что будет сказано и выпито, сделано и съедено. Три часа — оптимальный срок для этого успешного общения. Есть 1—2% преданных року девочек, которые такие же, как ты, чокнутые, и им все равно, какой ты и какие у тебя перспективы, но в силу своей искренности и внутренней свободы они стеснительны и не так эффективны, как вышеописанные реципиенты музыкантского успеха. Но уж если с такой познакомился — дорожи этим человеком, потому что они твои друзья до момента, пока не выйдут замуж. Ну а там бытовуха перемелет их в своей стирающей личность машине, грузнеющий понятный муж присосется к чистой энергии, и дети посадят мать на жесткие воспоминания о бурном пошлом. В этих женщинах так много жизни, что у некоторых в глазах остаются искорки, но в дело вступает Время, которое, как известно, весьма беспощадно к женщинам. Нам в группе везло на таких: часто приходила подобная девушка и дарила нам в разных формах свои заботу и нежное внимание. Про таких я бы сказал: они святые. Пусть поберегут себя подольше от объятий нормальной жизни. Самое парадоксальное, что у них, как правило, совсем мало денег, но они все выгребут тебе на пиво или бургер, а ночью до дома пешком пойдут. Питерская школа — наша гордость. Я иногда вижу таких женщин в метро. От них исходит живая волна. Они слушают плеер. Порой думается, что жить в Москве и ездить в метро для музыканта — как будто каждый день бывать на конкурсе красоты: стоишь в начале вагона и смотришь на наших женщин. Красота повсюду. В одном вагоне и утонченность, и вульгарность, и восток, и южная статья. Как повезло родиться и жить в России! Выходишь из вагона одухотворенный и заряженный. Только вагоны дают такое ощущение. Спросите у брата. Он шесть лет учился в Германии.

Наш первый барабанщик был человеком режимным. В СССР он был бы уверенным директором завода, в Германии — директором большого автозаправочного комплекса, а в уездном городе стал еврейским студентом. Стоматологом. Как ни крути, но стоматологи — моя судьба.

Гит — ортопед. Еврейский басист — ученый-стоматолог. Первый барабанщик — директор стоматологических клиник в Израиле. И все они — звезды в своем кругу. Умные, четкие, жесткие и очень ироничные. Дмитро, наш барабанщик, был и есть как скала. Если с ним договоришься — тебе повезло. Он, как Сбербанк, как нефть на Каспийском море, как кенийский кофе, — надежный, не падает в цене и бодрит. Отчасти потому, что он вырос в Западной Украине под присмотром авторитарного отца и стал, как дядя, отчасти оттого, что правильно женился на медсестре, став главврачом в семье, отчасти из-за язвы, которая заставляла его есть строго по часам. Жажда богатства толкнула его в общение с людьми, склонными к нелегальному бизнесу, но это не испортило его. Но! Не был бы он евреем, если бы за его слегка угрожающей внешностью не скрывался-таки веселый и авантюрный человек. Спортивный по сути, он объединил нас своим с виду простоватым обаянием, за которым скрывалась его мужская мудрость и великодушие. Относясь к нам как младшим по жизни, он в то же время проявлял большой интерес к музыке и к нашим размышлениям. Его пылливый ум заменял ему отсутствие утонченности, которой с лихвой было у нас с Гитом, его дисциплина и порядок во всем обуздывали мои деструктивные наклонности и кавказское высокомерие. Моя наглость вкупе с его тяжестью сделали достижимыми результаты, недоступные тогда многим. В 1994 году мы, как звезды универа, играли концерт в Доме Союзов. Большой зал, огромная сцена и всесильный радист, хозяин аппарата. Тощий, страшный, сутулый очкарик заявил, что аппарат он специально ставить для нас не будет. Ибо! Мои вежливые манеры, задушевные интонации не тронули его проволочное сердце. Есть такая тема у меня: если человек не понимает по-хорошему, боясь потерять время, так как концерт нельзя отменить, я, минуя стадию переговоров, пытаюсь решить вопрос по-плохому. Если не выйдет — надо избавиться от источника проблем: заменить либо зал, либо организатора, либо человека, либо (в крайнем случае) решить вопрос за деньги.

Если же и так не получается — не занимайся этим делом.

Глядя на радиста, мы с Дмитро поняли, что его мелкая душа скупает по настоящим чувствам. Стало очевидно, что его плечи, руки

и щеки давно не чувствовали крепких и быстрых мужских прикосновений, на его абсурдном и рутинном радистском пути больше пары лет не возникали непреодолимые препятствия. Он был нелюбим и неудачен и мстил всем за свое одиночество. Мы подарили ему с Дмитро радость новых и быстрых чувств. Кровь прилила в местах наших прикосновений к его белой нежной коже, тоска оставила его, страх же пришел в его сердце, и он стал человеком. Аппарат был установлен быстро и качественно. Дмитро, как *caporegime*, был немногословен.

В этом же году мы записали первый магнитоальбом. Первый альбом — это как первое понимание вечной жизни твоей души. Пройдут века, а альбом останется. Он — твоё отопление, твоё отражение, твоя связь с вечностью. Как мы были счастливы! Просто и каждую минуту.

Кастанеда пишет, что Воин пробует все на вкус, но ни к чему не привязывается. Эта мысль применима к современным слушателям — чаще всего можно услышать в ответ на вопрос о их любимой музыке, что опрашиваемый любит разную, то бишь любую музыку. Но как заставить его послушать нашу легендарную группу, думал я. Ответ пришел просто. Читая унылую и скучную университетскую газету «*Alma Mater*», я представил, что вместо этого читая студенты могли бы зачестить веселую газету о нашей группе, которая была бы одновременно и Афишей! Чудесная догадка потрясла меня. Конечно — что может быть лучше интересной газеты-афиши? Да просто ничего. В Универе.

Ведь надо понимать, что наши вузы давно прогнили от фальши и абсолютной скуки пребывания в них. Преподаватели доживают свои дни там, проклиная судьбу, а студенты никак не могут врубить, зачем им слушать этих неудачников. Но и тем, и другим интересно почувствовать вкус жизни в месте, где давно нет студенческого задора, горящих глаз, искреннего смеха равных и высокоинтеллектуальных людей. Для парней учиться в таком месте — как типа в армии проходить курс молодого бойца, только вместо зарядки — водка, вместо учений — общаги. Девушкам и того хуже: найти себе в провинциальном месте спутника жизни крайне сложно. И все

грустно и предсказуемо. И в этом летаргическом царстве безнадежных ожиданий и деньсурковых разговоров появляется свежая веселая газета, где говорится живым понятным языком, что есть классная веселая группа, и она повеселит учащихся не просто концертом, а шоу. Людям нужно шоу. Веселье. Брызги шампанского, тайна за семью печатями, шутки от души, а не механические фразы: «Наша следующая песня называется...» Да какая им в зале разница, как называется песня? Зачем им это знать? Сделай так, чтобы они орали и прыгали или неотрывно смотрели на тебя, сохраняя в себе твою энергию неделями.

Журналист, пьющий и добрый, обшарпанный и заброшенный, согласился помочь сделать специально выпуск газеты под команду. Я ходил к нему в общагу, приносил пиво, сам написал все материалы, подготовил все фото, и тогда пришло первое правило Арт-директора: все придумай и сделай сам, но если владелец ресурса или зала проявит инициативу — поддержи ее, разукрась ее в свои краски, сделай этого человека героем, оберни его идеи в свои и помести его логотип где нужно, вознеси его. Ибо для него это — возможно единственный шанс проявиться как личность, а от тебя не убудет. Журналист, с которым я делал все это, был сообразителен, но, как многие люди этой профессии, вял, неамбициозен и поверхностен. Эта жуткая черта российских журналистов — не понимать глубоко предмет своих сочинений — всегда ставила и ставит меня в тупик. Глубинный смысл такого отношения к профессии: лохи все сожрут, даже полный бред. Видно это из послевоенных лет, когда умеющий грамотно писать и публиковаться был априори звездой. Увы, в нашей журналистике такая же черная дыра, как и в инженерной мысли. Штампы и банальности загородили небо. А в начале 1990-х было ожидание, что наши журналисты пробьют царство лжи и застоя.

Мой журналист почему-то отличался уже тогда деловыми качествами и пробил тысячный тираж. Газета распространяется на факультетах через агентов. Я вербовал людей на факультетах. Отбирал по глазам и тщеславию. В первом случае — это настоящие помощники, любящие рок, во-втором — временщики, пользующие-

ся твоим успехом. И пусть будет так. Все разные. Декан был впечатлен моим размахом, ведь везде писалось, что мы группа с юридического факультета, хотя в ней играли три стоматолога из четырех участников. Мы становились модными. Журналист познакомил меня с радиостанциями. Радийщики тогда были небожителями и приняли меня вначале не особо. Но водка и подарки делали свое дело. Я всегда любил девочек с радио. Они были как конфеты с ликером — красиво завернутые и очень манящие. Их губы прикасались к микрофонам, как и мои, их хотелось целовать, эти наговаривавшие за деньги рекламу губы. Эти незамысловатые девушки вначале казались такими прелестными. Их сленг манил. Я был впечатлен сотрудниками электронных СМИ. Втайне я стал журналистом. Дюруа, герой моего любимейшего романа Мопассана «Милый друг», вселялся в меня в моменты общения с радиолюдьми. Но на них мое обаяние действовало втрое меньше обычного — они видели во мне просителя. У нас в России просителей не жалуют. Однако в этой истории с просьбами, классическими глубокими вздохами и цитатой «не жди, не бойся, не проси — сами дадут» есть один нюанс. В России настолько своеобразно понимают помощь. Например, ты идешь по улице и некто плачет горько на скамейке, ты подходишь и пытаешься помочь, но плачущий неожиданно бьет тебя. Ты помешал ему переживать, не вовремя подошел, или он был пьян и агрессия пробудилась. А когда муж избивает жену, ты, пытаешься обуздать колотящего, сам становишься колотимым. Женой. Он любит ее, вот и обижает.

Так что просить надо. Обязательно надо. И дадут просящим.

А еще всем скучно. Детям, студентам, официантам, директорам ресторанов, военным, бедным, богатым. Всем. И если твой концерт ассоциируется не просто с музыкой, а с чем-то новым, интересным — это то, что нужно. И это совсем не должно быть веселым. Рецепт хорошего концерта: мрачное настроение — 30%, провокации — 30%, издевательские шутки — 30%, приличная группа гормональной поддержки в зале — 10%. И вместе все это работает.

На наш концерт в областной Дом офицеров пришло более 400 человек, и они купили билеты. Газета делала свое дело, агенты

ковали нашу репутацию, я приглашал всех подряд. Мы собрали 1,7 миллиона неденоминированных рублей, за вычетом всех расходов наша прибыль составила около полумиллиона неденоминированных рублей. Фантастический успех неизвестной группы. Мне удалось подружиться с руководством ДОФа. На многие годы шеф этого заведения стал моим старшим советчиком. Бывает так, что руководитель чего-то большого, особенно военный, не имеющий сына, чутко отзывается на уважительное и внимательное отношение. Врожденное чувство уважения к старшим делало для меня общение со старшими товарищами естественным. Отчасти это было вызвано тем, что отец брал меня всегда с собой на встречи с друзьями, с которыми мне приходилось быть всегда в форме. Папа никогда не пренебрегал моими вопросами, терпеливо разъясняя, кто есть кто, кто с кем и так далее. С детства по речи собеседника мне приходилось определять его статус и предпочтения. Возможно, в этом коренится преемственность поколений. Друзья родителей становятся твоими друзьями, твои друзья становятся друзьями для младших. Так было с моим братом. Он был со мной, рос с моими друзьями, выросл с более взрослыми.

К тому времени музыкальная школа окончательно доконала брата. Несмотря на относительно неплохого преподавателя, ужасная модель российского музыкального образования, как тряси́на, засасывала всех, рождая непреодолимое отвращение к музыке. На вырученные деньги я купил для брата клавиши *Casio*. Примитивные и совершенно непригодные к записи в студии. Это был первый шаг к выходу из ямы, где он гнил все эти годы. Он изучил аккорды пары песен, и мы представили его как нашего нового участника. Ему 14 лет, и на него смотрят 400 глаз из зала. Эмоции. А для юноши, думается, это ох как важно. И во время одной из вещей, где брат только брал аккорды, я в тишине произнес два слова, которые перевернут его отношение к музыке: «Клавиши, соло!» Это был трюк. Глаза моего брата отражали ужас, но группа уже играла квадрат, спрятаться было невозможно. Либо играй, либо умирай, либо убегай со сцены. Мои парни знали за мной такую черту — никто в группе не знает, что у меня на уме. Я могу остановить компози-

цию, изменить аккорды, ритм. Это делает жизнь команды непредсказуемой, вселяет в нее драйв, интригу. Но даже они вздрогнули, когда я оставил новичка на его первом концерте без подготовки один на один с залом. Жестокий подход. Флюиды ненависти от Ара настигли меня, но до меня донеслись звуки органной импровизации. Колокол пробил, пушка выстрелила, музыка вселилась в нового музыканта на многие годы, разрушив монополию безумных преподавателей-мутантов, почти на 100% отбивавших с получением музыкального диплома у детей любое желание играть и выступать. Еврейско-армянский братский ансамбль замкнулся, отразив в себе в 1994 году непостижимый коммерческий успех студентов вкупе с приличным музыкальным материалом. В том же году мы заняли второе место на областном конкурсе «Кто круче», пропустив вперед коллектив, в котором играл сын губернатора. Местное жюри пожурило Гита за то, что, закинув гитару на голову, играл на ней. «К чему эти цирковые трюки, не надо позерства», — пробормотал уважаемый уездный судья. Таковы они, наши конкурсы. Лучший тот, кто ближе и понятней. Гит робко возразил, что это манера игры *Jimmy Hendrix*. Но остался без ответа. На лицах судей отражалось желание побыстрее свернуть обсуждение и побыстрее бухнуть в комнатах. Деятели культуры крайне утомляются от мыслительных процессов, и водка, как энергетик, возвращает к жизни их попорченные временем и праздностью лица. В такие-то минуты и надо оказаться рядом, подмахнуть дипломчик — и дело в шляпе. Но бессмысленность этого мероприятия переваливала любые настроения. Для директора группы такое поведение не особо правильно, но слабости есть у всех.

Целыми днями я ломал голову, как нам вырваться на новые просторы. Ничто не предвещало беды. Все было отлично, но вот в личном. Был привет. Но репетиции и концерты держали всех нас в суперформе. Беда прикатила, откуда совсем не ждали. В общем, так и бывает.

Глава 9

Без возбуждения перед концертом трудно. А с возбуждением крайне трудно работать. Сложно заниматься чем-то вообще, если по мере наступления даты концерта нарастает радостное напряжение. И вот говорит с тобой начальник, а ты смотришь на него и киваешь, даже записываешь в блокнот слова. Какие-то. Бессмысленные. Например, «согласовать с бухгалтерией форму справки» или «уточнить сумму задолженности на конец квартала». Квартала. Впитала. Опахало. Махала. «*Макала*» — кстати это отличный альбом группы *Clannad*. Очень красивый. Особенно песня «*In a lifetime*». Супертема. Пронизывает переплетение голосов, как будто занимаешься любовью с тем, кто близок. Как будто... «...записал? И не забудь поставить в шапке письма там их юридический адрес. Срок — 28 июля», — это мой шеф говорит. Я работаю в банке юристом уже 2 месяца. Уездный двухэтажный милый банк. Запах денег, белые блузки операционисток, серые костюмы валютчиков, вставные зубы безопасников, поджатые губы кредитчиков. Рай для мертвяков.

Только в одном месте всегда весело в банке. Там, где трейдеры. Они веселятся, продают и покупают, смотрят на котировки, пьют кофе, ругаются матом, в обед втихаря бухают, потому что торговая сессия уже кончилась, и, пока бэк-офис будет оформлять проведенные сделки, можно пару часов побыть подшофе. Еще трейдеры любят потравить бизнес-анекдоты.

Типа: трейдер ждет лифт на бирже, наконец-то приходит, а там

куча аналитиков. И он их спрашивает: «Без всяких если: вверх или вниз?» Е!

Я с ними на одной волне. Ведь в душе я трейдер, но лучше. Они зарабатывают деньги для банка, а я на концертах зарабатываю для слушателей несколько часов радости. Сколько это стоит? Три часа настоящей радости? 200\$? 10 тысяч рублей? 100 тысяч евро? В зависимости от возраста и настроения, но если в зале 100 человек и у каждого чек на 1000\$, вот тебе и финансовый результат. Я рассказывал трейдерам про свою группу, они делали вид, что им интересно. Но всегда есть в коллективе один парень, которому и вправду это важно. Это тот самый, который сам хотел играть, но стал клерком. И проклинает каждый день свой. Но со временем смиряется. На 3–4 году. Рождается ребенок, уносит печаль, жертва была принесена не зря. Ребенка обязательно в музыкальную школу, ну и, конечно, танцы и гармоничное развитие. «Он не должен повторить мою судьбу», — думает отец и наливает еще одну рюмку. А рядом хор родственников жены и троюродный брат из Рязани, который на практике в банке и завсегда согласен поддержать странноватого родственника. В глазах у такого парня всегда облако, и когда он видит меня, оно рассеивается и начинается общение. Радостное. Когда я уволюсь, мы еще по инерции будем видеться, но недолго. Ему ведь тяжело после моих концертов или разговоров возвращаться в финсклеп. Я люблю банкиров. Они тонкие нервные посредники, романтики цифр, игроки в термины. В 90-е они были кем-то. Меня к ним тянуло. Ну и, конечно, гормональный фон в операционном зале после 16 часов всегда на уровне. От девушек веет скрытой, но очевидной эротичностью, а если еще третья пуговица сверху неожиданно расстегнута, и с трудом нити рубашки сдерживают тяжелую и теплую энергию сотрудницы, возделение настагает юного юрисконсульта, и заключение о рисках по кредиту в большую радость пишется. Банки были для меня чем-то важным и чистым. Как Элвис. Девочки всегда самые красивые и воспитанные работали там. Раньше. Давно. Очень давно. В XX веке.

Я много слышал, что евреев не особо любят. Но искренне считал, что это ерунда. «Меня отчислят. Бельченко завалит меня на патфизе.

Точно завалит!» — наш басист уверенно твердил это, сверкая очками. Его бабушка подносила пирожки, охая и ахая. Гит говорил, что один препода в их медицинской школе глубоко ненавидит иудеев. Я не особо напрягался: басист был умницей, прирожденным врачом. Вдумчивым и прилежным. Впереди был День города. Мы на нем выступали, команда приобрела статус недостижимой по гитарной технике. Были вопросы с моим вокалом, Гит ворчал, что я кричу. А как же мне не кричать, когда я не слышу себя? Вечная борьба голоса и ритм-секции.

Его отчислили. Он уезжал в Брянск. С пониманием будущей эмиграции. Я слышал, что этого препода много раз хотели убить. Да не сложилось.

Потеря музыканта, который с тобой играет, — трагедия. Мы много пережили. Как братья. Он научил меня играть перебором и — во многом — петь. Всегда поддерживал. Я всегда из последних сил его поднимал, кормил армянской едой у нас, даже научился говорить с еврейским акцентом. Но этот мерзкий препода надломил его. И увел из музыки. Мы с Гитом и Дмитро были на депрессняке. Хотя нашего басера все больше тянуло в легкую музыку, а нас в рок. Черный тяжелющий *Diamant* сиротливо стоял в углу и ждал своего нового хозяина.

Я, скрипя зубами, начал искать нового человека. Найти его в группу так же сложно, как найти в огромном магазине, где тысячи костюмов разных цветов и фасонов, именно твой. Но я хотел, чтобы новый участник группы был эффектным. Я невысок, мрачноват, грузноват и полностью растворен в музыке. Гит — повыше, поутонченней, но тоже весь в гитаре. Барабанщик не в счет. Я собирал слухи, кто в Универе самый яркий и симпатичный парень. Только самого лучшего хотел я в команду. И всегда хочу. От лучших веет сказкой, мечтой, чем-то крайне важным для меня. Лучшие не боятся рисковать: не боятся ошибиться и упасть. А с такими перцами всегда радостно. И еще к лучшим всегда тянутся и сам тянешься. А кто тянется — тот растет. Перед талантливым человеком я всегда готов преклониться, поцеловать руку великому гитаристу — большая честь.

Поговорить с истинным певцом — счастье. И у Гита тоже такой пиетет.

Если армянин женится на русской девушке — дети на удивление красивые. Высокие. Статные. Полукровки всегда интересны. Ходили про одного такого слухи. И вот я его увидел.

И тут же меня пронзило — то, что надо. На него приятно было смотреть... Обаяние, все к нему тянулись, девушки — просто как к магниту. Но в глазах его я прочел грусть и неуверенность. Значит, ему одиноко, и женская популярность его не спасает, как и культовый статус лучшего актера студвесен. Дальше — дело техники. Но важнее важного понять: будем ли мы близки? Если нет искры — не играй с таким человеком. Как бы ни хотелось. Из последних сил не пускай его в команду. Любимчик Универа, актер, армянин-полукровка, носивший дреды, — он идеально вписался в группу. Гит его обожал, Дмитро не обижал. Он жил в общежитии. Много пил. Мало ел. Но ему больше нравилось быть на сцене, чем играть. И самое тревожное, что было в нем, — русская тоска по сильному женскому плечу. Воспитанный матерью, он искал, как многие, в женщине триединство: мать детей, друг, любовница. Мне почему-то грустно о нем думать. Самые большие несбывшиеся ожидания, самая большая нереализованность, загубленный талант. Подкаблучник во плоти. Это все о нем. Мы были вместе два года. Прекрасные времена, но его подруга поставила вопрос ребром: или я — или он. Узкие губы на вытянутом лице, боязливые глаза с ненавистью посверкивали, и уже пятую минуту я выслушивал рассказ несчастной нелюбимой бабы о том, что из-за меня он не может нормально жить, работать, и, в конце концов, у них ребенок (от ее первого брака) и они хотят жить нормальной жизнью, и вся наша музыка никуда не приведет. Унылая тетка не трогала меня, я смотрел на него, но он вздыхал и молчал. Что-то гнилое всегда было в нем: то ли зависть, то ли слабость, то ли трусость. Но стиральные машины, которые сиротливо ждали его, были милей его сердцу. «Сдай бас-гитару и живи как хочешь». Что я мог поделаться? Гит сдавал ГОСы. Дмитро тоже.

Моя любовь ушла. От меня.

В прокуратуру сельского района, где я хотел укрыться от себя и тоски, меня не взяли по национальному признаку, предложив послужить в Карабахе. Банк все больше бесил. Водка помогала ненадолго. Старший друг оказался в тюрьме. Я нашел нового старшего товарища. Циника. Он предложил мне поехать в Москву. Он тогда уже был на коне. И ему было скучно. Гиту было некогда, ему нужно было не угодить в армию. Дмитрий был озадачен тем же. Мрак поселился в моей душе. Я бухал и целовал чужие губы в надежде найти хоть что-то. *But it ain't nothing to me.*

Я не мог даже собраться, чтобы написать дипломную работу. Просто не понимал — зачем. Да и с армией действительно надо было что-то делать. Шла война в Чечне. Быть юристом не хотел, кем быть — не понимал, музыкантом хотел, но не в кабаке. Меня все больше тянуло в экономику. Покончить с собой я уже не мог.

Получил синий диплом. Собрал вещи. Уехал в Москву. Все было кончено. Почти. Когда я включал музыку, чудо возвращалось. Что бы я без нее делал! Ельцин уверенно вел страну к краху. Я подумал, что мне надо стать частью истории страны. Ценные бумаги все больше увлекали меня. Целыми днями я изучал котировки акций, отчеты эмитентов. Завтра меня ждало собеседование в крупнейшем банке России 1990-х. Новый жесткий мир без музыки и любви был рядом. Мне стало нечего терять. Я решил стать нормальным человеком. Все чаще и чаще я слушал группу *The Doors*. И читал Карлоса Кастанеду. Путешествие к нормальности спасет меня. Я не взял с собой гитару. Впереди было как-то очень неуютно, но выбора не было. Отец и мама были рады. Я становился нормальным. Человеком. Должен был стать.

P.S. Сказать, что мы ссорились, — не сказать ничего. Два максималиста. Телец и Овен. Я просыпался с мыслью о ней, думал о ней каждую секунду, мои сны тоже были о ней. Я много читал о любви, но не думал, что вытяну эту карту. Ее длинные красивые пальцы, сжатые в моих руках, ее расширяющиеся зрачки во время пробуждения, ее голос с ленцой, ее поразительная, всепоглощающая женственность и художественный вкус, ее непередаваемый запах, которым я не мог насытиться, захватили меня полностью. Но музы-

ка не отступала, лишь, свесив голову, смотрела на мое падение. А я падал. Ее Величество Ревность подбиралась ко мне тихо и твердо. Ее чарующая привлекательность сводила с ума мужчин, утонченность вкупе с милой вульгарностью делали свое дело. Не выдержал один гражданин, гордо назвавший себя моим другом. Когда мы ругались, он в том числе ходил относить ей розы, мои письма, шоколад и другие примирительные предметы. Околдованный, он потерял, как и многие, около нее свои рамки. Мы ругались. Мирились. Искали друг друга. Скрывались друг от друга. Он оказался уместен в одну из таких размолвок. Детали не важны далее. Сильвестр Сталлоне говорил, что любовь — это война. На этой войне я получал много выстрелов. Но тот выстрел оказался в спину. А в спину всегда больнее всего. Вначале легко будто, а потом ноги подгибаются, и, стоя на коленях, думаешь об одном — за что? Но жизнь — это бесконечный вызов. Либо принимай — либо дрожи от страха. Я любил ее больше всего в мире. Я был ее ребенком, мужчиной и учителем одновременно. Я ей посвятил свою жизнь. Но мое сердце разбилось. На сотни мелких и острых частей. До сих пор я их собираю, и все еще далек от середины. В тот черный день, когда прозвучал выстрел, мне казалось — я не доживу до вечера. Но надо как-то было жить.

Три недели я провел взаперти на квартире одного знакомого. Спал и смотрел в потолок. Иногда воду пил. Вкуса не было. Иногда кричал. Иногда плакал. Эти недели превратили меня в другого человека. Едкого, по-настоящему неприятного, желчного и агрессивного. Если взглянуть в зеркало, один глаз у меня нормальный, а другой как будто прикрыт и очень отстранен. Один радуется жизни, другому все равно на все. Глубокая апатия и отчужденность шаг за шагом завоевали свое место в моей душе. Необходимость выжить вынудила меня убить свою природную открытость. И смириться. С тем, «что счастья нет, а мы не дети, вот и надо выбирать — или жить как все на свете, или умирать».

Почему умер Элвис? Почему умерли Джим и Курт? Почему я жив? Зачем? И лишь маниакальная, всепоглощающая, невесть откуда взявшаяся любовь к музыке держала меня в форме. И еще мамы глаза. Мать полностью отдала свою жизнь мне. Это не фраза —

это ее ежедневный материнский подвиг. Бескорыстный. Я просто не мог ее предать.

Когда я вышел на свет, мир стал другим. Плоским. Чужим. Поролоновым. Невкусным. Банальным. Того чуда, в котором я жил, больше не было. Ничего не трогало и не волновало меня. Кроме музыки. Но она затаилась. В ожидании своего часа. Общаться со мной стало совсем неуютно. Все чаще я вымещал свою злобу на людях. Издевка стала моим кредо. В некоторых компаниях к этому так привыкли, что мое появление означало начало некоего шоу. Чокнутого тщеславного армянина. *One man show*. Но в городе мне все напоминало о ней.

Улицы, деревья, светофоры, кинотеатры, пицца, паста, трамваи, крыши, запахи, тропинки, кусты, лавочки. Везде была она. Везде. Я так боялся ее потерять, что потерялся в ней. Агрессия росла в моем новом сердце. Это было уже слишком. Мне нечего было терять. Я не искал помощи и не ждал ничего. Я уезжал в далекую и чужую Москву. Выживать и искать нового себя. Со старым было покончено. Мне нужно было создать совсем новый мир. В котором бы не было места для любви. Это оказалось дорого — любить. За счастье надо платить. Деньги в этих платежах не принимались. Я стал расплачиваться. По полной программе. С собой.

II

Вторая книга.

Клерк.

10—19 главы

Глава 10

Так бывает. Едешь пьяный домой. Сделка не закрыта. Все на рогах. А ты понимаешь, что все зависит от тебя. И, как правило, в этой сделке задействованы трудовые коллективы, порой большие, и ты думаешь, что ты – вершитель их судеб. И ты незаменим. Сделка начинает жить в тебе. Она тебе снится. Она может длиться полгода, 9 месяцев, год. Ты привыкаешь к рабочей группе, перестаешь на время сделки с кем-то общаться из реального мира, ходишь с важным видом. Ты про нее знаешь все: ты ее начинал, проверял актив, находил в нем проблему, описывал риски, считал цену, оценивал риски. И на выходе получил структуру сделки. Описал в презентации, и она – точная, красивая, из 15–20 слайдов – это и есть твой альбом. Каждый слайд – как песня. Название слайда – как имя песни. И под каждый слайд у тебя целая история, файлы, папки. Целая жизнь. Все как с песней. Но есть одна разница. Если ты заболеешь, то песню на концерте никто не споет. А сделка? Сделка не остановится. Она продолжится. Твой дублер на соседнем стуле или твой шеф возьмет микрофон и продолжит концерт. Может, поэтому я не боюсь. Не устаю. Моя проблема – я опаздываю. Всегда опаздывал. Мой тренер (его так называю) однажды сказал мне, что тот, кто опаздывает, хочет привлечь к себе внимание. Если так, то у меня это от музыки. Певца ведь должны замечать. С одной стороны. С другой – твои опоздания бесят коллег. И меня бы бесили. Иногда ритм играет со мной злую шутку. Когда звенит будильник, я воспринимаю его как ритм, барабан, гитару

и начинаю под него приспособливаться и снова засыпаю. А он играет и играет. Отбой.

Конец рабочего дня – всегда трогательный момент. Менеджер, уходя с работы, как будто оставляет на ночь свою сделку, понимая, что завтра будет встреча. Пройтись по Меморандуму: все ли так? Ведь в подготовке сделки можно дойти до совершенства, тем самым увековечив себя в своих глазах, а можно оставить ее недолговечной и непривлекательной. Все равно новые менеджеры исправят ее, сделают правильной, но только создатель сделки, носитель переговорного процесса глубинно понимает и холит свой проект. Это иногда похоже на хит. Хорошо сделанная сделка, без рисков, с будущими выигранными судами нравится всем, как хорошо записанная песня. Потом этот проект можно модернизировать, дублировать, клонировать, так же как хорошая песня дает вдохновение новым трекам. И в конце дня эти мысли проносятся во мне. Мой лучший шеф говорил: «Некрасивые самолеты не летают». Тут и получается, что если тебя не вставляет от того, как ты готовишь проект, то бишь эту самую сделку, настроение у тебя всегда на нуле. А первые люди, кто всегда с тобой на связи, и мучают тебя, и заставляют радоваться, – юристы.

Я забыл представиться: тружусь в корпоративных финансах. Это гвардия любой лютой компании. Не у каждой компании есть корфин. И корфинщики несут в себе смысл и настроение акционеров. А юристы, эти в высшей степени образованные и утонченные оформители, помогают гвардейцам срубить голову контрагенту. Но юристы, их психотип, ментальность, их бесконечное жонглирование терминами и нормативными актами требуют особого внимательного описания.

Юрист – друг человека, порождение цивилизации, отображение страха перед жизнью, логическая связь того, чего нет, и того, чего не будет, через предположения. Это апофеоз абстрактного мышления. Это просто молодцы. Продавцы слов. И тревог. Туш. Юрист ищет ошибки в документе, ищет все время, борется с чужой точкой зрения. Но трагедия квалификаitora в том, что ему порой –

и позже, и все время – Все Равно. Так мало спецов, которые работают на результат проекта, а не на то, чтобы написать очередное заключение, из которого последует еще одно, и еще одно. И зная юридической доблести будет колыхаться над офисом. Всегда. Пока есть риски. Перепуганные директора-подписанты, измотанные непостижимыми последствиями, сдаются на милость этих милых беспощадных специалистов. Мышеловка захлопнулась. Юристы начинают делать вид, что им некогда. Менеджеры ждут. Компании теряют деньги. Люди теряют ЗП. А юристы получают бонус. И это логично. Они приучают нас бояться, и мы начинаем думать о рисках. Риски становятся основной побудительной силой принятия решений. Но все не так мрачно. Есть иной тип юристов. Крайне редок. Юристы-менеджеры. Расскажу о них позже.

Особенно не впечатляют ситуации, связанные с поездами и самолетами. Возьмешь, бывало, билет, а потом никуда не едешь. Не успеваешь сдать. Не успеваешь увидеть родителей. Не успеваешь всего, что запланировал. И перестаешь планировать. Не оттого ли так неприятны вопросы, когда твоя девушка или близкий друг просто спрашивают: «Какие у нас планы?» А ты так нервно-устало отвечаешь: «Не знаю!», думая, что это продолжение работы. Это ранит близких, они замыкаются и ждут. Твоего хорошего настроения. Которого нет. Отчего так? Но если бы меня перевели работать в операционный зал банка, я бы вносил цифры в таблицы, ел бы мармелад и чай бы пил, женщина-начальник в 16:00 проверяла бы меня, я бы брал сумочку в 17:57 и ровно в 18:00 стоял бы на улице, и никто бы не звонил мне после этого времени. Разве не об этом мечтаешь ты, парень из корпоративных финансов, когда вместе с подругой пьешь четвертый бокал вина дома, а потом в 21:30 звонит мобильник, и ты на 20 минут уходишь в коридор разговаривать? Рассказывать, что гарантии, которые мы дали, носят формальный характер, нет у нас непогашенных векселей, и денег на счетах достаточно для покрытия налогов и... А твоя подруга в этот момент меняется. В лице. Ты возвращаешься, понимая, что ты молодец, в тебя вселяется снова он. Твой шеф. И продолжает жить в тебе. Твой любимый и недожданный босс, который всегда

с тобой. И даже в снах. И твоя подруга чувствует, что для нее нет места в твоей солдатской жизни. И тирамису ничего не меняет. Ничего. Так что — хочешь отправиться в операционный зал? Жить понятно и правильно! Почему же я не там? Что движет нами в нашем нежелании жить спокойно и упорядоченно?

Злость на шефа проходит иногда так быстро. Начальник улыбнется, поддержит, приободрит, и настроение уже совсем другое. Совсем. А юристы ведь совсем ни при чем. Они делают свою работу. Оттеняют депрессию. Как могут. Когда я начинал в банке, в большом федеральном банке, юрисконсульт по ценным бумагам, мне казалось, важнее квалификации происходящего нет ничего. А ведь квалифицировать что-то — не более чем упражнение в логике.

И все же парни из *Alice in chains* хороши. Вокалист проникает в сердце. Их боевик «*Man in the box*» не в бровь, а в глаз. Вчера целый час подряд слушал песню группы *The Cult* «*Painted on my heart*». Есть такие песни — не можешь наслушаться. Вот такая странность: водой напиться можешь, едой, даже самой вкусной, тоже, даже от вина прекрасного можно устать, а вот песня не приедается. И каждый раз в нее влюбляешься. Она отзывается на все твои проблемы, не дает скучать. Может, от этого мне не скучно одному? Или от этого не могу общаться с теми, кому не нравятся любимые мной песни? Такая карма, такой бред, такой эгоизм.

Когда мы с Гитом играем вместе, между нами рождается напряжение, индукция. Если мне что-то не нравится — и он, и барабанщик нервничают тоже. И наоборот. Важно сделать так, чтобы источник раздражения был уничтожен — будь то старая «любовь», мимоходом заглянувшая на концерт, или пьяный фан, который тянется к микрофону. На концерте, на торжестве иногда пробивает тоска. Как обнаженный перед собой, внутри гитарного романтического напряжения и безмерной радости — и к тебе подкрадывается тоска. Потому что нет в зале той, чьи глаза и поддержат, и вознесут. Вокалистское горе. Недолговечное. Острое. Нежное.

Меньше 20 вещей на сольном концерте играть не стоит. Разго- нишься — и облом. Но если поймал волну — а я ее любимчик —

тогда в зрителей столько энергии войдет, что они долго радостными ходить будут. Как позавчера. В новом месте играли. Адский зал. Плохой звук. Нет акустики. Хорошие владельцы. Это для меня всегда почти самое главное. Они — родители, а гости — дети. Ну, а мы с детьми работать умеем. 20 боевиков. Зал на ушах. Реактивный многоразовый рок-оргазм. Два биса. Автографы. Владельцы клуба признались, что они счастливы. 2,2 часа гитарного урагана. Но мне так не хватает ее жесткого и ироничного взгляда. Ее овердрайва и маниакальной любви к успеху. В ней так много жизни и стремлений. Я смотрю на ее фото: какой парадоксальный твердо-нежный взгляд. Я вижу в ней себя — не удивительно ли это? Хочу пригласить ее в ресторан и петь под рояль тебе F. Sinatra. Как хорошо, что она есть: настоящая принцесса. Будущая королева. Эта слабость обнаружится в певце лишь во время концерта. Но грув и группа сдерживают ее. Всегда. Если не так — распускай команду.

Жить в Москве так невесело, что и представить сложно. А без нормальных денег как-то пошловато, что ли. Нет особого смысла. Но в начале карьеры всегда нет денег. В федеральном банке мне положили ЗП ровно, чтобы не умереть от голода с элементами пива и фаст-фуда. Первый и самый божественный *McDonalds* на Тверской. Дай тебе от души долгих лет. Всегда вкусно, тепло и спокойно. Мне некуда было деться в отчужденном и неприветливом городе, и меня спасали бесплатные концерты и обалденные бургеры. Как я благодарен группам и музыкантам, которые играли бесплатно. Леван Ломидзе, Гия Дзагнидзе, «Акварель», *Stainless blues band*, *Off beat*, *Telenn Gwad*. Эти прекрасные музыканты в 1990-е согрели меня и научили музыке. Эти гитаристы вдыхали в меня такую жизнь, о которой трудно было мечтать. Преклонен и безмерно благодарен этим героям.

Олег Янковский, на мой взгляд, лучший актер в мире. Даже когда совсем не по себе, смотришь на него — и хочется стать лучше. Даже когда он играет отвратных алкашей, в нем есть удивительная нежность. Его становится жалко, а в этом и чудо. Глаза Янковского, смеющиеся и хулиганские, честнее не придумаешь. Каким бы он

был певцом! Он как Иисус. А если бы таких, как он, было больше – были бы добрее люди в нашей жесткой стране. Может оттого и тянет в СССР – там была доброта. Странная такая. Доброта.

Каждый день в офисе думаешь только об одном человеке. О шефе. Если он тебе неприятен – совсем худо. Шефа нужно любить. Как любимую девушку. Если не хочешь увидеть шефа – совсем не годится. Но если можешь обмануть шефа – любовь может уйти. Шеф оттого и есть шеф: 1) умнее, 2) лучше, 3) чище, 4) сильнее. С таким шефом и горы свернуть можно. А не с таким шефом можно свернуть шею: 1) подставит, 2) разведет, 3) разочарует, 4) развеет мечты.

Мне повезло впервые только в 1998 году. Мой первый настоящий шеф был, как и подобает нормальному инвест-банкиру, реальным параноиком. Он воспринимал меня как блатного, священную корову. Моя трагедия в том, что я блатной. Абсолютно. Дитя коррупции и рекомендаций. Выкормыш договоренностей и пьянок. Ловец нюансов. Жнец настроений... Он был невыносим. Строг, недоверчив, пристрастен в деталях, дотошен в мелочах, странен в подозрениях. Только вот такой мерзкий параноик и остается в памяти. Я ему премного благодарен, но увы... Как и любой выходец из простой бедной семьи, он возомнил о себе, и из шефа превратился в повелителя. А это уже другие расклады и другие деньги. Как-то раз объявил мне: «Лучше мы Вас вые... м, чем Вас другие вые... т». Но фишка была в том, что это уже был перебор. А перебор – всегда плохо. Так уж сложилось. Перебор. Какая-то молдавская фамилия. Андрей Перебор.

Юристы. Шефы. Финансы. Нюансы. Все смешалось в том далеком 1997 году. Утром я смотрел в пустынный двор. Опустошенный и безликий. Нелепый и обеспеченный. Домашний телефон зазвонил в 10 утра. Нехотя я поднял трубку. Эти звонки могли быть только от армян. Подтвердить хронологию прошедшего либо банальность будущего. В трубке раздался голос. Космический. Невероятный. То, о чем можно было лишь мечтать. Он был прелюдией моего счастья. Короткого. Настоящего. Чем я его заслужил? Может, смирением,

а может — бесконечной преданностью своим музыкальным идеалам? Неважно. Дышать мне стало нечем. И я совершил Невероятную ошибку. Из моего горла, сжатого и передавленного чувствами, раздалось два слова: «Да. Где?»

Глава 11

Нервяк. Плохое настроение. Разводки. Интриги. Раз в неделю на работе это всегда случается. Основная причина — неудачный начальник. Как правило, женщина. Если мужчина — то сам виноват. Как правило. Если шеф слабый, то в тебя вселяются его пороки и проблемы. Ты начинаешь им подыгрывать, додумывать, подстраиваться под его настроение и тому подобное. А когда начинается такая игра — тут не до работы. Самое, на мой взгляд, неприятное в работе — неопределенность. Это в целом не особо приятно, но в сделке — втройне. Страдает все: ты сам, твоя репутация, твои отношения с людьми. Хуже всего, что ты не можешь ничего ответить людям, с которыми работаешь, и из-за этого начинаешь их избегать. Полгода — абсолютный максимум со слабым шефом, потом начинается трагедия. Делай *stop-loss* — фиксируй убытки.

Слабость шефа может возникнуть из двух базовых вещей: несоответствие и неспособность. Приходит в банк милая простая операционистка, делает свое дело спокойно и ровно. Пять лет. Без взлетов и падений. Каждый день, как прошлый день. Муж. Декрет. Снова на работу. Всех знает. Становится начальником отдела, вице-президентом — как бы невзначай. И тут на 45-м году президент банка, например, умирает или увольняется. А всего-то делов в устойчиво-растущем организме — поддерживать его и не воровать. И звездный час наступает. Не обремененный знаниями и хваткой человек вдруг становится первым лицом. Аксессуары шефа застилают мир: личный шофер, представительская карта, внимание таких ранее

недоступных мужчин-клиентов, лесть подчиненных. Поддержка акционеров, которые довольны безболезненным переходом управления в надежные руки. Все Гут. Но, по теории бутерброда, через три месяца после назначения обязательно случается кризис: клиент крупный ушел, по кредитам задержка долгая, проверка ЦБ беспощадная. Вздрагивает сердце президента, такого не готового к этому ужасу. Впиваются ногти от напряжения в холеные руки белые, а истерика низвергается на головы подчиненных. Вот-с. И мир рушится вокруг. Не знаешь, чего ждать от нее. Как у нее там? Что у нее? Достраешь белый чистый лист и выводешь синим точным почерком: «Прошу уволить меня по собственному желанию». А в ответ — «неблагодарная свинья» и так далее. Занавес.

В такие моменты приходится напиваться. Иногда и по-черному.

Иногда и с женами люди приходят на такие отходные. И? Шучу. Стеблю. Чужая жена. Не отрывает от меня взгляд. Я. Этому. Не. Рад.

Есть, однако, история и про неспособного шефа. Тут все разворачивается более грустно. Не всегда понятно, что ты не справишься с тем, на что решился. Часто шеф, будущий шеф, понимая, что он интеллектуальнее многих, ошибочно принимает это качество за способность руководить. Ну, например, великолепный гитарист далеко не всегда может рулить своей группой. Чтобы быть шефом, нужна определенная энергетика. Я бы сказал — вечный задор вкупе с системным мышлением, стратегическим видением и обостренной подозрительностью. Без системности контора работать не сможет долго, без стратегии свернет не туда, без подозрительности растратит деньги, а без задора народ в офисе забудет на работу. Только от шефа веет животворной энергией, в ней черпаем вдохновение, от шефа такого и наказание в радость, и порицание не в тягость. Но на сцене, как правило, другой персонаж. Часто. Имитатор чужих поступков. Где-то что-то видел, пару раз ездил учиться за границу, был около чего-то, что-то делал, что-то понял. Научился убедительно говорить, стал уважителен к акционерам и непримирим к врагам. Приобрел жесткий взгляд, вальяжность, выдаваемую за значимость, и оказался в нужное время в нужном месте. Где-то лизнул. Где-то промолчал. Где-то как-то что-то сказал. С кем-то вовремя выпил. Кому-то что-то подарил. Некого было назначить —

назначили его. И покатился профессиональный дилетант по полям бюрократии, набрал на работу льстецов-знакомых, переманил пару спецов из соседних контор — и Все! Жизнь удалась. Вроде. Пока не грянет гром, требующий решений. А не имитации. И если нет рядом толкового человека — не выдюжит второсортный шеф. А его, верного соратника, рядом нет. Давно нет. Занавес.

Сны не контролируются. Продолжаешь работать во сне. Переживания. Сомнения. Все они уходят в сон. Удивительная способность мозга работать ночью приносит свои плоды иногда. Только иногда. Открытие последних лет — сериалы. Доктор. Наблюдаешь за логикой серии. Считаешь риски героя. Поведение его врагов, интриги его подруг, подставы его коллег, видишь ее ошибки, следствия — и мозг успевает переключиться. На 5—10 минут, но какой вклад в ВВП! Идя на работу после этого, работаешь на перезагрузке лучше и быстрее. Два дня. Но смотреть же можно постоянно. Две реальности. Нет, три. Твоя. Сериальная-Аномальная. Рабочая. Но как цифры могут быть связаны с эмоциями? Никак! А мы все время паримся... С появлением цифрового телевидения праздник наступил какой-то. Утром смотришь сериал, примерно, если не поздно проснулся, как раз серия 45 минут. Как урок в школе. Перезагруз. Погружение. И перед выходом в шахту планируешь запись следующей серии. Думаешь, что там будет, а утром снова смотришь. Праздник, который всегда с тобой. Ты его сам создаешь. От тебя зависит его продолжительность. Ты же можешь и прекратить его. Твой праздник.

Выступать с концертами становилось все страннее. Наш барабанщик Дмитро сделал отвальную. Найти уездном городе профи было нереально. Только среди металлистов, но они, как бы сказать, не в себе. Как инопланетяне, что ли. Скорость и тяжесть для них реально очень важные ценности. Я стал шататься по московским клубам и искать очередного кандидата на величие.

Но все-таки иногда бывает удача. Она идет за тобой. Приезжаешь один в город. Идешь куда-то, звонишь по присланному телефону кому-то. И находишь жемчужину, которая вознаграждает тебя

за годы тоски и рыданий. Думаешь о ней и представляешь, как она тихо дышит. Луч солнца хочет заглянуть ей в глаза, она хмурится, и солнце решает подождать. Ее согласования. И тогда ты понимаешь, что все твои страхи и проблемы — это лишь замещение того, что в твоей жизни еще нет этого нежного и глубокого чувства.

Удалось на задворках очередного блюзового джема (удивительно, но когда писал предложение, Айфон исправил слово «джема» на «Джима») найти барабанщика. Скорее симпатичного и стильного, чем умного и способного. Есть в Москве такая категория людей — *high flyer*. Они есть и в бизнесе, и в музыке. Хайфлаер внешне привлекателен, обаятелен, даже местами харизматичен. Бывают такие мгновения, что песня так красива, она так завораживает тебя, что руки опускаются — и замирает все вокруг. Счастье полностью проникает в тебя, ты, как часть музыки и слов, живешь в этой песне. Такова «*A bridge*» группы *Clannad*. Мне нравятся хайфлаеры. Как нравятся красивые звери в зоопарке. Я работал с такими. Распознать такого человека не под силу простым людям. В смысле доверчивым и добрым. Слово «простой» многогранно. Очень сложное слово. Крайне опасное для употребления. Хайфлаеры красиво говорят, утонченно убеждают, серьезно рассуждают и трезво смотрят на вещи. Которые им выгодны. И не замечают того, что им не нужно. Они обворожительны и публичны и на фоне планктона из офиса кажутся просто героями. Около 6—7 месяцев. Примерно столько времени нужно, чтобы проверить первые результаты их работы. Их нет. И не будет. 2—3 месяца на уточнение этого отсутствия. Вот и год прошел. Хайфлаер заработал свои 100 тысяч долларов, контора потеряла время и не получила прибыли. Но это порождение информационного общества. На Руси таких звали «верхогляд». Я бы их назвал «понторезы». Иногда они становятся шефами. Вот это действительно беда. Так как он знает, когда уйдет, тебя он обязательно разведет и подставит. Тут не зевай. Заявление через месяц подавай.

Таким был и новый барабанщик. Банщик. Пропарил нас.

Все реже собирались мы на репетиции. Нас объединяли лишь концерты, а чтобы их делать, нужно было время.

Брат поступил учиться в уездный университет. Через год выяснилось, что он лучший студент на курсе, лучше не бывает, немецкий у него автоматом сдается, а он не знает, что такое инфляция, и не может прочесть простейшую статью в немецком журнале «Шпигель». Впервые я понял, что нужно качественно иное решение по брату. Сидя в Госдуме как помощник депутата, я изучал как быть мне. Брату. Моей группе. Как быть? Барыги, которые наживались на статусе помощника, хохотали, глядя, как я пишу законопроект, аналитику к нему, и предлагали начать зарабатывать. Только бухгалтеры жалели меня, принимая мою задумчивость за растерянность. Так я не смог начать работать с шулерами из парламента. Глуповат.

В 1997 году в Москве было мало ответов. Но тот телефонный звонок от нее все решил. Тогда. Мы встретились впервые за три года. Увидел ее — и все рухнуло. И страхи, и сомнения. Крылья при взгляде на нее выросли за считанные минуты. Любовь ударила мне в сердце, сокрушила печаль, убила тоску, растворила желчь. Дала ответы. Она улыбалась, глядя на меня, ее глаза светились от радости, она говорила, что все эти годы ждала меня. Термоядерная энергия вошла в меня. Я стал действовать. Очень быстро. Как шеф.

Глава 12

Странное дело, если работа тебе не по душе. То и деньги не по душе. И ты хочешь от них избавиться, чтобы заглушить то, что тебе не нравится. И в этом есть какое-то проклятие. Пока работа не в радость — все не в радость. И отражение этого проклятия — ожидание конца рабочего дня. Тревожное. Нервное. Прерывистое. Кофе с коллегами. Обед с единомышленниками. Шутки, над которыми смеются во весь голос. Это важные моменты рабочего дня на постылой работе, которые глушат тоску ожидания конца дня. И вот миг настал. Невидимый свисток, как команда «вперед», выдавливает тебя из капсулы офиса на улицу, полную огней. Но часто формат рая, то бишь свободы, подменяется ожиданием следующего дня. И странность этой ситуации, что деньги, которые должны компенсировать эту тяжесть, не выполняют своей задачи. Заглушить это можно либо резкой сменой деятельности сразу после работы, либо алкоголем. Если не успел пойти на концерт или на хороший фильм — пиши пропало. Водка с пивом уберут резкие и неприятные ощущения какой-то западни, в которую ты угодил. Но можно и привыкнуть к этому ироничному коктейлю: 150 водки на 0,3 литра пива — и намного легче. Хорошо если в конторе появляется балагур-пересмешник в лице топ-менеджера: с таким пообщаться — как свежим воздухом подышать. Но дистанция, которая у него всегда с собой, не даст вам стать друзьями. Да и на том спасибо. Вырваться из матрицы, не изменив себя, невозможно. А изменить себя — это задача не из легких. Целый путь. Война.

Как сказала героиня российского сериала «Последний из Магикян»: «Быть замужем за армянином — то же самое, что ехать по встречной полосе». Что-то подобное можно сказать про игру в армянской рок-группе. Непонятно, что же будет в следующий момент на концерте, на репетиции. В нашей рок-н-рольной жизни наступил период взросления. Без прорывов и побед мне сложно, а первый год полноценной работы в Москве не очень-то располагал к настоящему радостному творчеству. Мы выступали в разных местах, но я чувствовал, что с Гитом и мной что-то не так. Я делал звук громче — он убавлял, я хотел играть тяжелее — он возражал. Попытки поговорить с ним приводили к его раздражению и резкости. Я начинал заводиться с пол-оборота. Так в группе бывает — охлаждения. Вместе много пережито, много сыграно, давно вместе, как в семье. И он смотрит на меня, и немой вопрос: «Ну и что дальше? Ты говорил, что мы станем звездами! Ты столько обещал! И сколько ждать?..» А как мне ему ответить, что мы лучше всех, но надо подождать, и далее — и пресноватый дух официальной непризнанности портит воздух в команде. Уже через час после окончания репетиции не хочется снова, как раньше, собраться, потому что есть непонятная усталость друг от друга. Я глушил это чувство в себе как мог. Алкоголь. Пустые разговоры. Ненужные люди обладают уникальной способностью убивать твоё время. Не остаются в памяти. Стираются их лица. Но в тот момент, когда тебя грызет тоска, они очень даже в тему. Может, они так же думают обо мне? Вот стоит он в баре, знакомимся, общие знакомые, пара фраз о концертах, обсуждение нового альбома *Metallica* и очередная треп. После пива быстро засыпается. Но чтобы опьянеть, надо добавить немного водки. Идеальная пропорция вечером — 200 водки и маленькая бутылка пива. Именно бутылка. Отличное снотворное. И сны снятся не особо мрачные.

В это время мне стало нравиться делать тематические концерты. Культовые. Это как вести бизнес-проект: идея, расчет, механизм, рабочая группа, сроки.

Только вместо прибыли — удовлетворение. Как правило, все рождается от места выступления. Это как искать на рынке нишу для

работы. Просто видишь классный недооцененный зал с большим потенциалом. Начинаешь там выступать, бывать, бухать, делать свои пати, и в нем появляется новая энергия, люди и потом уже — деньги. Но все зависит от первого концерта. Как он продуман, какая концепция внутри посылка на афише, как идет промоушен. Как поставить звук, каков порядок песен, как мы выйдем на кульминацию. Но самое важное тогда было для меня — вывести команду на федеральный уровень, а для этого я принял простое решение. Сыграть вместе с лучшей блюзовой группой страны. Я нашел ее. И сыграл.

История длиной в полгода. Радио, телевидение, конференции, прямые эфиры. Все это станет предтечей будущего жесткого подхода к СМИ. Полупустой зал. Две тысячи долларов убытков по тем деньгам, которые я остался должен шефу отца. Это были первые расставания с мечтой о музыкантском братстве. Как книги испортили человечество, заставив поверить в существование вечной романтической любви, так и музыкальные журналы убедили меня в районе 15 лет, что рокеры — как братья. Но в туманном 1997-м я начал осознать, что деньги много значат в судьбе свободных и таких брутальных музыкантов. Это был огромный проект. Который не дал никаких результатов, за исключением того, что мне вдруг предложили возглавить в уездном городе телерадиокомпанию. С содроганием я представил себе общение с бездарями, которые пять лет страдали на филологическом факультете, так и не врубившись. Ни во что.

Все меньше времени я проводил за книгами, все больше за чтением отчетов эмитентов. Ценные бумаги. Акции, векселя, облигации, деривативы. Я в них был как рыба в воде. Диссертация на эту тему пополнялась все новыми подробностями. Каждый день я все больше узнавал об экономике компаний через стоимость бумаг, их поведение на бирже. Это было как музыка — смотришь на котировки и понимаешь действия менеджмента. Тогда впервые я купил первые в своей жизни бумаги. «Хабаровскэнерго». За один цент акция. Через месяц они стоили 3 цента. Я вложил 1,5 тысячи

долларов. Я богател по дням. Золотая лихорадка охватила мое сердце. Новый пульс забил в моей голове. Алчность заполонила меня.

Фильмы полны тайн и чуда. Но фильмы не будешь смотреть больше одного раза, если это не шедевр. А песни всегда с тобой.

Смотрю сейчас фильм «Морозко». Там молодая Чурикова сосет во сне леденец. Да так зрело и задорно, что не оставляют порочные мысли. Вот она — сила кино. И, работая в офисе, порой ловишь себя на мысли, что дело в том, чтобы все было неизменно. Правильно. Например, приходя в ресторан, точно знаешь: креветка и угорь — правильно, а осьминог — не особо. Но, возможно, просто никогда не пробовал именно того самого осьминога? Брат однажды направил в Барселоне в ресторанчик и убедительно попросил попробовать именно его. С содроганием я сделал это. И — о боги! Как это было прекрасно. Так же в жизни. Что-то удивительное рядом и выглядит порой совсем непривлекательным. А ты открой глаза!

Но столько не сделано. Но столько не сделано. Но столько не сделано. Но столько не сделано. Но столько не сделано.

Но столько не сделано. Но столько не сделано. Но столько не сделано. Но столько не сделано. Но столько не сделано. Но столько не сделано. Но столько не сделано. Но столько не сделано. Но столько не сделано.

Но столько не сделано. Но столько не сделано. Но столько не сделано. Но столько не сделано. Но столько не сделано.

Есть такие люди. Фантазеры. Вполне приличные и даже порой притягательные. Если вдуматься, их задача придает миру новизны. Они рассказывают о новых проектах, новых бизнесах, оптимизации, новых технологиях, отношениях, новых тенденциях. Они раскрашивают мир рутинного клерка краской новой фантазии, выдыхают жизнь в постоянные мысли о потерянном времени. Чем они плохо поступают? Чем? Ничем, но при одном условии: не имей дел с фантазером. Ведь делать дело для фантазера — это же убить фан-

тазию, предать мечту. Но странное дело: если не обладаешь фантазерскими качествами, трудно продать проект, компании и просто себя. Поэтому в корпоративных финансах нужны как фантазеры, так и менеджеры. Главное, чтобы фантазеры были в твоей команде. А то не ровен час — поверишь ему и... Все. Я поверил несколько раз. Это как влюбленность. А я люблю чувства. В работе. Люблю.

С фантазером всегда отношения идут как с девушкой — должна быть влюбленность. Ведь для фантазера очень важно быть любимым, если его не любят — он чахнет. Обижается, сердится, выдумывает новые поводы для встречи. Интригует и... Даже иногда начинает заниматься самим делом, но так как он неспособен делать дело больше трех месяцев, то быстро устает и выдумывает фантазии — почему бросил дело либо нанял других, а те, естественно, зафакпили. Поэтому в фантазера можно влюбиться, но желательно предохраняться, ибо, если поверишь ему на 100%, тебя может ждать банальная развязка — ты любишь фантазера и ждешь от него, когда его фантазии станут Явью. И когда? Никогда. И ни за что.

А как вычислить фантазера? Существует довольно простой способ: фантазер не знает терминов. Он их запоминает, но не знает их значение. Вот и все. Останови фантазера — прикинься чайником, спроси, что значит тот или другой термин, и он запнется, побледнеет, затрепыхается и вдруг сдуется и лопнет.

Русские фильмы 1990-х обладают какой-то странностью. С одной стороны, несовершенно, грубые, пошловатые, без спецэффектов, снятые за гроши на коленках, они, как лазер, высвечивают пороки. И не только переходных периодов. Сытые фильмы 2000-х, бекмамбетовские боевики, неотличимые от американских хитов второго сорта, претензии на драмы и триллеры, ну и вал елок и палок, где талантливые юмористы из *Comedy Club* превращаются в актеров третьего сорта, не несут никакой морали, глубины и уж тем более не вызывают желание задуматься о том, кто ты и зачем. А те смешные и вульгарные по форме фильмы, над которыми похотывают критики новой волны, ожиревшие от безделья, будили и будят новые мысли и по иронии судьбы становятся все более

актуальными. Они не списаны с американских штамповок ни о чем, не псевдоэлитарны, как какой-нибудь шведский арт-хаус. Эти фильмы несут в себе наше безыскусное Русское желание осознать свое место и ценность в мире несовершенства. Актеры, играющие в этих фильмах, теперь отрешиваются, давая интервью: дескать, голодное время было, приходилось спасаться, типа не по себе от того, что это было так непрофессионально. Вечные желания быть чище и выше не вводят меня в заблуждение. Я горд теми, кто в 1990-е не сошел с ума, не спился, а Нашел в себе силы творить, писать книги, снимать фильмы, играть музыку. В эти годы были созданы лучшие газеты, журналы, программы, записаны лучшие альбомы в рок-музыке, несмотря на отсутствие денег, компьютеров, студий, хороших инструментов и многих аксессуаров, которым сейчас придается решающее значение при анализе творческих продуктов. Студенты 1990-х нещадно пили и гуляли, но с негодованием относились к глупости, подлости и коррупции в институтах, которые сейчас становятся нормой. Девушки 1990-х ценили молодецкую удаль и кураж в мужчинах, отдавая дань способности зарабатывать деньги в те лихие годы как качеству мужчины, способному выживать в хаосе, в то время как сейчас отсутствие денег сразу ставит многих юношей перед новыми женщинами в странное положение некоего недоразвитого существа. Это и толкает миллионы ребят на мысли о смешных заработных платах, в то время как юношество создано для развития личности и своих лучших черт. Мне кажется.

И офисы 1990-х были похожи на фильмы. Снятые и обставленные наспех, так как время было дорого по-настоящему, они аккумулировали в себе заряженных на результат менеджеров, которые поглощали пачками все новые книги по экономике и рекламе, бесчисленные вестники и аналитические отчеты, которые так трудно было достать. Последние деньги тратились на новые семинары, поездки — на все, что делало тебя умнее и сильнее. Обсуждение новых статей, законов, инициатив, изменений и музыкальных и киноновинок носило в офисах живой и естественный характер, порождая истинные дискуссии. Из которых выросло семя личностей, будущих основателей компаний, империй. На собеседовании

говорить о зарплате считалось дурным тоном, и в конце беседы об этом говорилось как бы вскользь, с пониманием, что дело первично. Вначале дело — потом деньги.

Мне опять повезло. В таком офисе мне посчастливилось оказаться туманной осенью 1997 года. Молодой аспирант, игрок на рынке ценных бумаг, несложившийся юрист, музыкант с элементами мании величия, влюбленный в рок, пришел на работу в новую растущую компанию, у которой были планы стать лучшей в мире. А есть смысл в 23 года работать в другой компании? На собеседовании я с содроганием (мысленно закрыв глаза) прошептал на вопрос о желаемой заработной плате 700 \$. Это в 2,5 раза больше, чем в банке. Это было богатство. На эти деньги можно было купить настоящую американскую электрогитару!

— Отлично, начнем с этого, но ведь это только начало? — глаза моего будущего начальника светились добротой. — Уверена, что мы сработаемся. Жду тебя завтра в 9.30 с трудовой.

На ватных ногах я спустился на улицу. И позвонил ей, чтобы сказать, что я работаю в финансовой службе большой корпорации. Я смогу купить себе настоящую крутую гитару и новые комбы для команды. И я буду приглашать родителей и ее в лучшие рестораны. Солнце пробиралось ко мне через тучи, цена на мои акции росла, я получил работу, мой отец наконец-то был горд моим успехом.

Мне было страшновато.

Но весело. Глаза боятся, а руки делают.

И еще — выросли крылья. И захотелось летать. Очень. Высоко. Долго. Быстро.

Как в песне «Алисы»:

*По ошибке? Конечно, нет!
Награждают сердцами птиц
Тех, кто помнит дорогу наверх
И стремится броситься вниз.*

*Нас вели поводыри-облака,
За ступенью – ступень, как над пропастью мост,
Порою нас швыряло на дно,
Порой поднимало до самых звезд.*

Глава 13

Отношения с цифрами у каждого человека отражают, на мой взгляд, его страхи и мечты. Цифра 13 благодаря моей довольно суеверной матери с детства представлялась мне чем-то мистическим и слегка опасным. Но в то же время мой соратник по музыке Гит родился осенним месяцем именно в это число. Частенько заканчивая разговор по телефону, я обращаю внимание, что именно на 13-й минуте он заканчивается или на этой минуте делаются какие-то выводы либо открытия. Но суеверие все равно живет в нас и, например, играть в концерте 13 песен я не очень люблю, поэтому и концерты либо часовые (12 песен), либо больше 2 часов. Цифры живут в нас и иногда заставляют менять что-то. Джон Леннон больше всего любил цифру 9. И я полюбил ее. Детская радость переполняет меня, когда мне выпадает в кинотеатре девятый ряд и девятое место. Или в поезде. Эти билетки — как светофоры странного нерационального счастья. Вот такие цифровые радости.

Встретить на работе единомышленников — как в группу пригласить играть правильного музыканта, который с каждым концертом все лучше. Найти же там товарища, который станет учителем, но без возвышения и назидания, ненавязчивого, но твердого в своих взглядах — больше чем удача. Научиться чему-то у кого-то всегда было для меня большой радостью. Так я учился играть и петь. Слушал сотни часов, как мои учителя (в записи) делают это, и пытался быть не хуже. В работе порой нет такой возможности. Не всегда

есть возможность смотреть, как работает твой вновь обретенный учитель. Но если он этого хочет и несет в себе эту миссию на личностном уровне — это возможно. И признаюсь — это реально дорого стоит. С каждым годом встретить учителя сложнее, ведь становясь старше, ты все реже представляешь собой ученика. Я так думаю!

Наша встреча произошла при обсуждении плана действий по довольно странному активу. Есть такие проекты, где все неправильно. Чем-то напоминает игру на немного ненастроенной гитаре. В целом все нормально, но диссонанс слышен, и чем дальше — гитара расстраивается все больше. Остальные инструменты играют правильно, но из-за ненастроенной центральной гитары и голос певца кажется фальшивым, и барабаны раздражают, и бас-гитара бухает и ухаает. И когда гитара начинает играть соло, расстроенная струна на определенных нотах дает очевидную фальшь, но... группа должна играть, не замечая этого. Типа. Когда сделана запись — ты приносишь ее на прослушивание, и тут становится ясно, что это просто отстой. Но запись можно переписать, гитару настроить и, в конце концов, заменить. В данном же случае этого нельзя было сделать. Команда менеджеров вынуждена играть на неправильно настроенных инструментах, записать эту песню и самое главное — продать кому-нибудь фальшиво записанную и поэтому ничего не стоящую запись. Вот такой проект. Без шанса по успех, без надежды на удачу. Это произошло оттого, что нужно было создать некую идеальную модель для выполнения временных задач и после достижения результата созданный ребенок должен бы жить, но еды у него было в обрез, пить неоткуда, да и жить негде. И он стал болеть, худеть и в итоге был отдан на временное проживание людям, не имеющим опыта в уходе за детьми. Да! Малышу исправно привозили что-то на пропитание, но по мере его роста становилось понятно, что ему нужен нормальный дом и родители. Ну как тут быть? И с этим справился он. Я не хочу высокопарных фраз. Я назову своего друга-учителя Модератором. Он согласовал этот термин. Он смог описать эту ситуацию перед принимающими решения, поддержал поставки еды и книжек для брошенного

ребенка, он усилил его сильные стороны и не акцентировал внимание на недостатках. День за днем он говорил одно и то же и пестовал сделку, становясь на пути формалистов, которые пытались сделать вид, что ситуация более праздничная, чем есть, а в итоге это привело бы к срыву сделки. Я опишу его. Тремя предложениями.

Он похож на застывшую мудрость, на заповеди, высеченные в скале, но если ты вчитаешься в них, это не догма, а меняющиеся в зависимости от ситуации адекватные выводы, приправленные изрядной долей иронии и отменных притч и анекдотов, иллюстрирующих нюансы принимаемых им решений. Он напоминает холодного отстраненного человека, делающего каждый день одно и то же, торжество западной цивилизации, немца по сути, но если поработаешь с ним – увидишь, что форма в данном случае не так важна, просто это отражение и дисциплины, которая может быть изменена, если того требует дело. И особенно хотелось бы обратить внимание, что у Модератора есть качество, отличающее его от многих топ-менеджеров: ему не нравится казаться кем-то, ему куда важнее быть тем, кем он является, что вкупе с его добротой и решительностью, несомненно, сделало бы его президентом любой нормальной страны. В трех предложениях – это он.

Работа в офисе, на стуле, не приводит к отличному состоянию, и поэтому надо заниматься спортом. Об этом все знают. Так вот только спорт не для спортсменов – рутина, и работа в офисе – рутина, а вырваться из рутины – это экзистенциальная потребность клерка. Вот и выходит, что ментально спорт в спортзале чужд сотрудникам. Тот же офис: с расписанием, с графиками, с абонементами и т. д. Миллионы фитнес-карт в России куплены, но так и не активированы. Просто скучно ходить в зал. Очень скучно. Можно, конечно, влюбиться в кого-нибудь в зале, но в офисе ведь тоже можно. Снова рутина.

Но можно креативить по утрам и сделать разминку. Например, до прихода поезда в метро от дома 7 минут спокойным шагом, а ты выходишь за 5 и очень быстро идешь, обгоняя сонных обывателей. Быстрый шаг – как на беговой дорожке. Заходишь в метро,

видишь из-за поворота огни локомотива — бежишь, чтобы успеть, одну минуту — бег. В метро дышишь и сбрасываешь вес. От метро до работы — снова быстрый шаг. Снова 5–7 минут на беговой дорожке. Ну а в офисе включил комп и пошел пить кофе с коллегами — это как бы свежесжатый сок у бассейна. А сама поездка в метро — легкая сауна. Вот таким образом менеджер и на работу успел, и физкультурой быстро и сносно позанимался. Побежала кровь по венам, розовые щеки напомнили детство, засияли глаза сказочным синим корпоративным огнем. *I did it again!*

Иногда дома задержишься. Встреча отменится. Смотришь телевизор. А там фильм. Ни о чем. И вдруг как пронзит. Наша медсестра находит раненого. Он умирает. Она перевязывает. Он видит ее грудь и просит показать ему ее полностью. Ему 19. Умоляет. Он никогда не видел женскую грудь. Она раздевается для него на морозе, и он смотрит на нее и умирает. Успокоенный на мгновение. И как будто вся жизнь проносится перед глазами, и хочется рвать и метать. В надежде успеть хоть что-то.

При работе в офисе приличной компании невольно задумываешься о пальто. Носишь пальто — и это как-то меняет твой внутренний облик. Выбрать правильное пальто — серьезная задача. Оно должно быть и скромным, и модным одновременно. Сидеть должно по фигуре, но и скрывать ее недостатки (если нужно). С первого раза трудно въехать, как купить пальто. Но есть выход: купи такое же пальто, как у шефа. Не экономь. Лучше поймешь его и станешь ему ближе. Это не трюк. Тебе бы стал ближе человек в таком же пальто, как у тебя? А если бы он перестал его носить, не захотелось бы тебе узнать причину? Мне кажется, что носить пальто тоже нужно уметь, в этом, что ли, какая-то миссия. Ведь в куртке и легче, и капюшон есть, и не мокнет. В пальто есть какая-то легкость, шик, что-то битловское. Особенно если оно не ниже колен. И носить без шарфа, например весной, и видны рубашка и галстук. Получается, что подбираешь всю одежду в тон пальто. Ну а в тему подобранное вельветовое пальто — вообще просто кайф. От него глаз не оторвать. Как будто любимый фильм «Мимино» пересматриваешь.

Как прикольно слушать плеер в режиме случайного воспроизведения, если у тебя накачено больше 1000 песен. Все время ждешь: а какая следующая? И такие сюрпризы. Например, идет *Sepultura*, а потом вдруг белорусские «*Песняры*», внезапно после этого пошловатые «*Арабески*», а затем размеренный ритм «*Чумо-гумо*» сменяется выверенной распевкой *Alice in Chains*. В такие минуты особенно остро понимаешь все многообразие жизни и красоту мира. Особенно в минуты расставания с, казалось бы, близкими людьми. Которые на твоих глазах за 45 минут купили билет и уехали навсегда в Америку. И вначале рвется сердце и хочется орать. Но в плеере орет Джеймс за тебя и для тебя. И приходит эсэмэс от МММ или от шенгенской визы. И жизнь продолжается. Но в плеере снова вещь, которую слушали вместе, и ты вдруг понимаешь, что сам стал героем этой глупой песни. Вот такой пердимонюкль. Мать-перемать. И вдруг врубаются успокаивающий и сильный *Coldplay* с их «*Everything's not lost*». И ты думаешь: «А может, этот пиратский плеер острее все чувствует, чем ты сам? Может, это чудо?» Может, и так.

А может случиться и такое чудо — можно влюбиться в песню. Как в человека. И в первые дни, недели тебе все в этой песне нравится. Ритм, голос, гитары, смысл. Начинаешь разбирать ее по слогам, через 1–2 месяца окончательно ее понимаешь. И вдруг приходит, что смысл не так нов, и гитары могли бы быть посильнее, и голос получше можно было бы прописать. И влюбленность проходит, а рядом другая вещь играет и случайно становится тебе ближе. И потихоньку перестаешь слушать свою любимую песню, с которой засыпал и просыпался. О которой целыми днями напролет думал. Которой так восхищался, что казалось — конца и края этому не будет.

И даже на гитаре ее выучил и с группой стал играть — ну это уже почти любовь. И вот провожаешь свою подругу-песню. Клянешься ей в вечной любви и понимании. А сам уже неделю другую вещь слушаешь. Как в жизни. Так похоже. Как с подругой, которая нашла другого парня или выходит замуж. И понимаешь всю трагедию этого, но в кинотеатре ты сидишь с другой, которая играет в твоей голове сквозь слезы. В старых вагонах метро приходит-

ся, чтобы не пропустить станцию, вытаскивать один наушник. Такой облом. Особенно когда ты с любимой песней. Как если тебе звонят с работы, когда ты вместе с девушкой. Но обломы запоминаются очень остро. Сейчас меня прервали на крутой вещи *The Dandy Warhols* «Boys Better». Уже влюбился в нее. Мы вместе уже больше 30 раз за 2 часа. У нас второй день. И впереди еще столько! У меня. С ней.

Трещина между мной и моим соратником по рок-музыке росла. Трещины часто растут и рушат за 5 дней то, что строилось 5 лет. Он устал от меня. От моего тотального контроля, от моей паранойи, моего тщеславного желания всем понравиться и от многого другого. Я пытался сочинить новую песню, Гит считал, что это смешно. Репетиции под разными предлогами переносились. И я испытывал какое-то удовольствие от этого. Наша близость нарушилась. Работа и растущие в цене ценные бумаги увлекали меня, но в душе я знал, что нет ничего важнее музыки. Ничего.

Мои отношения с ней становились по-настоящему близкими. Я тосковал без нее. Это был мощный стимул ждать выходных, но времени на родителей, и брата, и группу уходило много и... Мы ссорились. Обычная тема. «Ты не останешься на ночь?» — слезы в глазах. «Сегодня гости отца приехали, и я должен помочь ему. Пошли со мной», — говорил в ответ. «Тебя никогда со мной нет».

Жить на два города, на две семьи, урывать время для группы становилось стилем. Встречи в комнате, которую я снимал у знакомой бабушки в московской квартире, усиливали тяжесть. Нужно было обрести свой угол. Это был первый серьезный вызов. Я понимал, что жизнь с девушкой, работа и музыка, как я понимал ее, как я трепетно относился к ней, не уживутся вместе. Нужно было защитить диссертацию, купить квартиру, сделать карьеру, начать нормально жить с любимым человеком. И в этих заботах моим гитарам совсем не оставалось места. А можно ли жить иначе? Способен ли человек, который влюблен в свое творчество, жить на две жизни, воевать на два фронта, делить чувства на две части? Кто знает.

На работе бушевали страсти. Мое положение становилось все более шатким. К нам в финансовую службу пришла новая команда. Есть такой корпоративный момент: когда приходят новенькие, они «убивают» стареньких. Не оттого, что старенькие плохи. Есть четкое понятие, которое до недавних лет мне казалось чудовищным: ты или свой, или чужой. Я вдруг становился чужим. Это было новое чувство. Как стать своим среди чужих?

Через три недели я должен был покинуть вновь обретенный борт. Своего корабля. Выжить в условиях тотальных увольнений представлялось нереальным.

Отец так гордился моей работой, читал о нашей компании в газетах, хвастал об этом друзьям... Новая задача 1997 года казалась зловещей и невыполнимой. Ночью я часто смотрел на нее и думал, что кроме нее мне ничего не нужно. Но через час мысли о работе колоколом в ухе будоражили мой нервный сон. Смутные дни. Такие тревожные и сладкие одновременно. Дни полного побуждения к действиям. Я ждал. Ждать надо уметь.

Глава 14

Ночью часто стучат виски. Они и днем стучат. Но не слышно. А ночью ритм слышен четко. Невидимый барабанщик, в зависимости от того, сколько ему налили, то бьет сильнее, то затихает. Если отвести его в душ, залить холодной водой, а потом напоить крепким чаем, он, пожалуй, может утихомириться. В противном случае — будет долго играть. С давлением трудно бороться. Но если подойти к вопросу с музыкальной точки зрения, височный ритм можно рассматривать как запись, и можно наложить на нее в голове гитары и голос. И так в полной тишине ночи в твоей голове играет музыка, причиной которой стала твоя вечерняя выпивка.

Ритм в группе важен как ничто. Если мы одинаково чувствуем его, переживаем и держим его, в сердце вселяется большая радость. А иначе очень мучительно. Представь: четыре музыканта разгоняют ритм такой мощной термоядерной вещи, как «*Black Dog*» *Led Zeppelin*. Барабанщик уже в 10 секундах от оргазма, гитарист (Гит) на грани, вокалист (я) готовит парней, чтобы все случилось одновременно, а твой басист еще разгоняется. Он еще в двух минутах от экстаза. Но я не могу задержать двух других, точка невозврата пройдена. Да и мне затормозить крайне сложно и обломно. Подхожу к басисту, пытаюсь ускорить его орально — то бишь громче пою, кричу, предпринимаю разные усилия, а он улыбается в ответ, радуясь моему вниманию. И, о чудо, ускоряется, и глаза его начинают блестеть тем самым нужным прозрачным блеском, дыхание

учащается, руки дергают басуху все хаотичнее, еще 30 секунд! Ну! Давай же! Я закрываю глаза, чтобы успокоиться. Жду его. Но те двое уже сорвались. Уже. И это очень трудно. Несовпадение.

Надо обязательно слушать Баха, если становится грустно. Он примиряет с мыслью о смерти. Привносит в эту мысль спокойствие. Смирение. Иногда сны начинают создавать новую реальность. Сегодня снилось совещание, на которое я опаздывал. И вдруг заиграла музыка. Такая приятная. Она играла долго, и мне показалось, что в офисе включили специальную мелодию. Мне это так понравилось, что я проснулся – и обнаружил: это играет будильник. Добрый и грустный, он превратился из мучителя в друга. И через час сегодня же я приложил пропуск к турникету в метро. Может быть, метро превратилось в часть ресепшена нашего офиса, а вагоны стали нашими специальными служебными машинами. У китайцев нет понятия выходного дня. Я слышал. Неоткуда выходить. Все и сразу. И все едино и красиво, и полезно. У истинного менеджера так и есть. Полная вовлеченность и преданность. Делу. И губы становятся розовее, и глаза больше, и фигура поджимается, вытягивается шея, распрямляются плечи, уходят морщины и сомнения, природная красота проступает в каждом движении такого человека. Один мой знакомый, сейчас это очень влиятельный человек, фактически, олигарх, отвечал с голливудской улыбкой: «Много работаю, поэтому хорошо выгляжу». Хотите так? Все хотят.

И помочь тут может только одно. То, что ходит рядом. Удача. Она, родная. Ненаглядная. Только она. Надо встать и заорать, и позвать ее. В полный голос. И жди.

«Люблю грязь. Она делает тебя невидимым», – говорит мой друг-модельер. А он пожил.

Мне трудно ходить в русские магазины покупать одежду. Както, приехав в Германию к брату, я зашел в мужской магазин *Hugo Boss* и довольно сухо сказал: «Мне тридцать два, я из финансовой сферы, у меня 1000 евро, мне нужно купить костюм, три рубашки, два ремня, туфли». Продавец-турок предложил кофе, пахло манящим парфюмом, через час вышел полностью одетым и довольным,

получив на границе еще и *tax-free*. В Москве в мужских магазинах работают в основном женщины, которые, увы, не могут одеть мужчину. Все дело в том, что они не мужчины. Мне кажется. Хотя мне в последние пару лет удается приодеть женщин. Может, и я не мужчина? Уже. Все меняется в XXI веке.

Друг-модельер работает с турками и занимается мужской одеждой, и, приезжая к нему на оптовый склад, я пью кофе, пытаюсь почувствовать парфюм, говорю, сколько у меня денег, и он одевает меня. Без шика, но с модерном. Он услужлив и обидчив. Несчастен и восторжен. Внезапен и упрям. Романтичен и пошловат. Эротичен и стеснителен. Он меня постарше, но его сердце по-прежнему ищет любви. Без претензий и упреков. В этом деле ему не сильно повезло. Его самая младшая дочка смогла предотвратить перелом его жизни при падении. Я стараюсь быть с ним мягче. Чем с другими. Иногда не выходит. Я стараюсь.

«Блюз — это как проблемный ребенок в вашей семье. Вам немного стыдно показывать его другим людям. Вы его очень любите, но все же не знаете, как остальные примут его» (*B.B. King*). Похоже на правду. Блюз — то, что я умею на гитаре лучше всего. Но как-то неловко его играть для людей. Имею в виду для неограниченного круга либо для поп-людей. Как-то стесняешься. Им. Показывать его. Твоего бейби-блюза. Но если человек любит это — тут уж так вставляет!

Ехал в метро сегодня. Жена прощается с мужем. Он читает планшет. Она его целует, он поворачивается на миг — и снова в планшет. Потом по инерции поворачивается, улыбается — и снова в планшет. Она встает — ее станция, снова к нему. Он дежурно улыбается — и снова в планшет. Вот если ему завтра суд вынесет решение: можно жить с женой, но при обязательном условии отсутствия планшета при ее нахождении в зоне 50 метров. Сможет ли он выполнить предписание суда? Наверяд ли. Мне кажется. Пойду Чижа «О любви» слушать.

Как показывает практика, самое лучшее место для написания книги — тамбур электрички. В тамбуре стоишь. Смотришь на людей.

Слушаешь плеер, смотришь на сидящих людей. Неудобные сиденья усиливают несчастье пассажиров, которые мечтают не ездить в электричках. А мне кажется, это очень романтично. В тамбуре холодно или душно, но можно ходить и приплясывать. И писать книгу и эсэмэс. Пока не «сядет» Айфон. Мой друг и товарищ. 4s. 64 Гб. Последнее творение Стива Джобса. Поклон тебе, Стивен. С его появлением моя жизнь стала в 9,5 раз интереснее и мобильнее! Целую Вашу иранскую руку, мистер Джобс!

20 минут назад меня задолбило от *Slayer*, потом потанцевал с *Editors*, ну и сейчас баллада от *Bon Jovi*, женщина продала *Fanta*, люди вышли в Зеленограде. Ну разве это не чудо? Очень интересно и реалистично. Как будто Джим Джармуш снимает снова свой фильм «Мертвец». Эх, если бы можно было сделать мир в электричке черно-белым, это был бы кайф! Люди в вагоне открывают рты, смотрят в пол, качаются в ритм вагону, а ты лишь догадываешься под музыку, о чем они там думают. Наверное, о деньгах. Это стало модным в России в новое время — думать о деньгах, но не зарабатывать. Типа не дают. Правители. Ну и евреи, конечно же... А вот сейчас Роллинги предлагают провести ночь вместе! Пытаюсь выбрать из вагона девушку, с которой хотелось бы провести ночь. Есть одна, но очень грустная. Смотрит в пол. В черном. Как и все в вагоне. Траур по мечте носят пассажиры электрички. Ну, я мог бы к ней подойти, но я же внешне — лицо кавказской национальности. Не комильфо. Ну — у меня голубой шарф, синее пальто, шоколадные брюки, бордовые туфли, желтая сумка, блюзовые глаза, шикарные китайские часы в стиле регги... но этого же мало! Я — лицо кавказской национальности. Это мой диагноз. Всегда хотел стать блондином, но отец запрещал. Когда его не стало — мама была очень против. А ей после инсульта нельзя нервничать. Да и перед своими сотрудниками как-то неудобно в офисе. Начальник красится в блондина... ну знаете, это уж слишком. Согласны?

А вот сейчас — акустический правильный гранж! начался в плеере! Это так реально правильно звучит в тамбуре, что хочется крикнуть в мегафон: «Люди, давайте помянем Курта Кобейна!» Ну, 15 человек сразу встают и говорят: «Мы готовы». Я разливаю водку в пластиковые рюмки, делаю на сидении бутерброды с шпротами

и под команду *Days of the New* пьем за упокой души Курта. А после первой и второй перерывчик небольшой. И уже на третьей я предлагаю спеть Курта, но те, кто не пьет в вагоне, косятся на меня, а та девушка, с которой я хочу провести ночь, все же смотрит с интересом. И я достаю из сумки гитару и затягиваю любимую вещь *Nirvana* — акустическую «*My Girl*». И тут мужчина встает и говорит тихо и жаростно: «А потише нельзя?!» А я предлагаю ему выпить и делаю огромный бутерброд, и он тыльной стороной огромной ладони вытирает давно не целованные губы и говорит: «Ну давай!» И под *INXS* мы это делаем. А моя будущая девушка уже от меня взгляда не отрывает. И я начинаю петь ей вещь «*Hey, baby*» из фильма «Грязные танцы»: «*I wanna know if you be my girl?*» А пока я пою, она подходит к моему телефону и что-то пишет. И улыбается. Отличная у нее фигура и взгляд влажный. Я беру телефон, а там: «А ты мне нравишься. Позвони». И телефон. Но эта ошибка в написании глагола как-то все внезапно портит. Это у меня врожденное. Нервно реагирую на ошибки в написании слов. Надо меняться. Позвоню. Конечно позвоню... Но в тамбуре, однако, холодно. Стало. Вот и отрезвляющий джаз заиграл. Сейчас. Сядет Айфон через 5 минут. Пойду читать и мечтать. И благодарить судьбу, что мне, зануде-параноику, еще хочется писать, играть и любить.

На одной из репетиций мой соратник Гит заявил, что ему некогда ехать, куда — я не помню; я просто вдруг ощутил, что между нами какая-то пропасть. Девять лет вместе, все время в подвалах, каморках, подъездах, на прокуренных квартирах. Все время перед концертом выгружаешь колонки, несешь, ставишь, после концерта снова несешь, грузишь, снова выгружаешь. Звука нет, акустики в залах нет, денег от концертов нет, хоть это и не цель. По итогам каждого года у меня с 1991 по 1998 год минус 10–15 тысяч американских рублей. Но суть в том, что волшебство между нами стало пропадать. Это как перед встречей с девушкой: вдруг пронзает мысль, что ты ее не хочешь. А раньше считал часы до встречи с ней. И встречу факапишь. Откладываешь. Переносишь в кафе. В общем, надо было расставаться. Это было просто невероятно. Не играть вместе? То есть умереть? Ну. В общем. Да. И я как-то не заме-

тил, как наступил август 1998 года. Я все готовился к разговору с ним, но 18 августа, открыв газету, ощутил странное чувство нового ужаса. Россия объявила дефолт по всем своим обязательствам. Я бросился звонить трейдеру, но он ответил сухо: знаю, что спросишь. Да. Это п...ц. Все продаем? Цена? Не тяни. Скоро не будет вообще цен.

В моем любимом баре *Moose head* в тот вечер почему-то не было людей. А еще пару дней было не продохнуть. Стало пропадать все. Машины. Встречи. Клубы. Организации. Номера. Обладатели валютных долгов с каждым днем становились все бледнее. Не пропасть стало задачей. Но как вытащить из дефолтных (то бишь уже не погашаемых) гособлигаций все мои деньги — часть я занял у отца, часть — у лучшего друга, мы оформили все на меня — я не знал, и это становилось моим кошмаром...

Глава 15

Мой отец был старшим из четырех братьев. В ранней юности он потерял родителей, и трое младших остались на нем. В пальто и с чемоданчиком он приехал в конце 60-х годов XX века в уездный город N. Поступил в Политехнический институт на машиностроительное отделение. Он был лучшим. Смышленным. Но три младших брата в далеком Азербайджане ждали денег, и он стал работать на вокзале по ночам, начиная со второго курса, делал за деньги курсовые и дипломы. Ему были нужны деньги. По-настоящему. В 27 лет он уже стал директором завода. В 40 был заместителем директора огромного областного объединения. Он учил меня тому, что деньги надо зарабатывать. Самому. У него была приличная по временам СССР зарплата, но он не был транжирой. Он был щепетилен, точен и бережлив. Это позволило нам — его сыновьям — не знать нужды, хорошо одеваться, ездить на машинах с детства. Он не баловал меня, старшего, потому что никто никогда не баловал его. Но за мои успехи в учебе и достижения в постижении гуманитарных наук в 16 лет он подарил мне машину. От которой я отказался, понимая, что я не смогу ее содержать. В 17 лет мне понадобились деньги, чтобы купить гитары и положить к ногам любимой весь мир. Отец холодно выслушал меня и посоветовал начать зарабатывать. Первые деньги пришли от перепродажи ваучеров в 1992 году, потом я стал оптом продавать пуховики, колготки и скиды. Это такие надуманные сапоги. Брал у бати на реализацию и в больших сумках сдавал в кооперативы уездного города. Сам я это не носил. Почему-

то. Эра одежды стремительно исчезала. К этим же кооперативам я стал подгонять грузовики с сиропами и газировкой. Их я уже пил. Сам и разгружал с магазинными грузчиками. Расчеты только налом. Все деньги — на музыку и цветы, шоколад, рестораны. Для нее. А как поругаемся — чтобы забыть ее. Но в 1993 году рынки насытились продуктами, одиночки типа меня вытеснились большими оптовиками и магазинами. Два года я продавал по выходным на колхозном рынке города шаурму. С компаньоном-армянином. В 3 часа ночи подъем, в 4 утра ставим мясо, товарищ режет хлеб. Я — лук. Плачу. Жгу свечу. С 5 до 7 утра свободное время. Научился спать стоя, сидя. (Этот навык сильно пригодится мне в сибирских командировках, когда вылетаешь вечером, а прилетаешь утром прямо к заседанию Совета директоров. И голова должна быть ясной). А с 7 утра до 3 часов дня голодные торговцы и посетители рынка, а их было много тогда, толпились у нашего ларька. Я готовил шаурму — резал мясо — есть было некогда, и я научился есть с ножа. С тех пор так. Любую еду. Очень удобно: одной рукой режешь и ей же ешь. И приятно во рту чувствовать нож. Всегда в форме. Мистики твердят, что буду злым. Но мне и так рай не светит. Говорю что думаю. Живу как хочу. Ем с ножа. Играю рок. Пью водку. Некоторых женщин я целовал в подъездах. Этого ли недостаточно для приговора?

Отец внимательно следил за моей карьерой и понимал, что я должен сдать. Сложно учиться, репетировать, выступать и двое суток в свои выходные работать на рынке. Продавцом шаурмы. Рынок научил меня понимать людей бизнеса. Считать. Не тратьте лишнего. Не говорить попусту. Я полюбил простых душевных женщин, которые были добрее многих из тех, кого я встретил в богатых домах, хотя в кармане у них часто свистел ветер. И часто, подвыпив, особенно зимой, они наливали мне и угощали меня своими пирожками. Подмигивали мне и пытались как-то по-женски утешить меня, глядя в мои невеселые армянские глаза. Они жалели меня, не зная, что я из обеспеченной семьи, что я музыкант и частенько выступаю по радио и телеку. Мы были из разных миров, но я полюбил их русскую доброту. Без понтов, без корысти, без упреков и ожиданий.

Эти женщины научили меня ценить время, заставили задуматься над историей страны, в которой мне посчастливилось родиться и вырасти. Если они могут все это вынести, не сдаться и всегда быть в форме, в хорошем настроении, неужели я – молодой мужчина – чего-то не могу? Тогда я понял, что значит фраза отца «Нет такого слова „не могу“ – есть слово „надо“!». Это я постарался передать младшему брату. Мне пришлось научиться общаться с рыночной братвой – они собирали деньги с торговцев. Я кормил их. Это была моя дань. Они разговаривали со мной, как с холопом, но я никогда не хамил им. И не врубал сына босса (отец знал криминальных шефов рынка). Я для них так и остался воспитанным странным хачом, который делал неплохую еду. С этими людьми нужно было быть всегда начеку. Вежливость и молчаливость сделали свое дело: торговцы стали обращаться ко мне замолвить слово, когда возникала конфликтная ситуация. Моя карьера шла в гору. Зарабатывал я за 8 рабочих дней больше, чем 3 работника отца за месяц, но мне было неудобно за такую ситуацию, поэтому чем больше у меня было денег, тем скромнее я себя вел. 50% заработка я тратил на группу, все, что нужно, для мамы и брата. Остальное – для нее. Моей слабостью было такси. Просто я люблю парфюм, а в уездном городе от мужчин в общественном транспорте пахло чем-то другим. Думаю, что в 1990-е многие баловали себя такси. В этом был какой-то шарм. Кстати, так в нашем городе назвалось агентство красоты. Святая святых. Храм.

Как-то раз я задумался в поезде о том, что измена священна для жены. До измены ты – святой. После – прокаженный. До измены ты – ангел. После – демон. До – рай. После – ад. До и После. И Стикс между. Измена живет своей жизнью. Ее обсуждают, она имеет хронологию, начало и конец. Обсуждение и степень, а значит, и тяжесть. Мне представляется иногда картина, когда жена и муж находятся в одной квартире, в доме. В разных комнатах. Она ест чизкейк и увлеченно смотрит сериал «Гранд-Отель», а ему позволила знакомая. Пьяная. И шепчет ему в телефон, что хочет его. И мужа настигает такое сочное чувство, такое сильное и внезапное вожделение, что помимо его воли с Ним происходит то, что назы-

вают поллюцией, и не во сне, а наяву. Это странно, ведь обычно это происходит при воздержании, но видения и чувства от небрежного хрипловатого голоса бывшей подруги взбеленили мужчину и вознесли его затаенные потенциальные атомы на вершину желания, устроив гормональную микрореволюцию. Потрясенный этим, чувствует ли он измену? А если он расскажет честно, как порядочный и абсолютно преданный, супруге об этом? Возможно, его спонтанный акт будет истолкован как измена? Как знать? И сомкнутся крылья белые, и дрогнут устои семейные. От появления неуместной чувственности, запрещенной в мире современных правил и морали. Как знать? Кто наймет адвоката, как сохранить семью, как доказать невиновность? Как? Как бы поступил Сергей Довлатов в этом случае? Он бы нашел слова, но великого мастера грустной иронии нет с нами. Мы брошены одни в этом мире. Творец покинул нас, и юмор перестал править бал. И рулит скандал. Бытовой и банальный. Бесконечно сакральный.

Отец оценил мои успехи на рынке. И указал на то, что пора на нормальную работу. Быть нормальным я так и не научился. Хотя внешне — я просто супернормальный. Юный юристконсульт заменил матерого продавца шаурмы. Право возобладало над риском. Прибыль опустилась на колени перед зарплатой. Свобода заканчивалась, как сахар в голодное время. Сумасбродные городские афиши только усиливали гротеск: в банке я получал в три раза меньше, чем на рынке, а работал в пять раз больше. Закон неправильной работы: чем больше — тем меньше. Мой компаньон по рынку был раздосадован, но не по-настоящему. Он, как кавказский человек простой генетики, уже все рассчитал: процесс ясен, возьму наемников и буду директором. Столько историй пошло прахом из-за этого. Тут ведь в чем фокус, как говорил мой лучший шеф: девочку не учли. Девочка — это ошибка, которая растет при масштабировании деятельности либо при отсутствии ежедневного жесткого контроля. А в бизнесе по фаст-фуду контроль необходим ежечасный. И, как говорил тот же чудо-шеф: ежели не так все это обустроить, тады — сливай воду, целуй рельсы. Я часто в мечтах пытаюсь поцеловать рельсы. Меня манят рельсы, но пока я их все же не поцело-

вал. Но хочется. Мне кажется, что Вуди Аллену это бы удалось. Вуди вообще знает толк. Он и джазмен хороший.

Иногда на рынок приходила она. В шубе соболиной, в шапке боярыни, с румянцем задорным да взглядом упорным. Шла с родителями строгими, меня не примечала, с ними находясь. Зазорно больно было на такой холопской работе потеть, в то время как люди в офисах деньги зарабатывали. Как красива была она! Как любовался я ее статью и женской красотой! Пройдет мимо ларька похабного, повернет в мою сторону голову, опалит взглядом малахитовым, и будто стакан вишневого ликера отхлебну, улыбнется мне, ямочками завлекая, как спирту хватану, а если руками по бедрам роскошным проведет – задохнусь от любви, задышу, и скрежет зубовный заполнит во мне все звуки. Как мне не хватает ее! Как я вообще выжил без нее? Мне помогали, очень помогали, особенно один человек. Да все не то. Не то. Я ведь так с ней был счастлив, что все беды кажутся ерундой. Но настигла судьба-злодейка. Не смог я. Не сберег ее. Нет боле светлой радости во мне. Улетела. Навсегда. Но всегда в церкви прошу о ней: чтобы была радостна и здорова. Слаб человек, но всегда по глазам видно, была ли в его жизни истинная любовь. А если была – как будто по-настоящему родился он. Я родился как человек только после встречи с ней. Преклонен перед ней. Всегда.

Маятник нормальной жизни качался все тяжелее. Дефолт 1998 года принес осознание призрачности происходящего. У меня появилась квартира. У отца была звериная интуиция. Мы купили квартиру и зафиксировали деньги в метрах. Позже можно было бы сделать лучше. Но можно было бы и не смочь. Тогда я понял отца очень отчетливо и понял, как мы похожи: не жди у моря погоды, плыви, пока ясно. Лучшее – враг хорошего.

Как правило, твои отношения с людьми завязываются помимо твоей воли. Твоя бы воля – да вот только нет ее. И просто между делом, на пути домой или в последние 29 секунд твоего пребывания где-то кто-то или некто обратит внимание на тебя или на твой

словесный пассаж. И увлечется тобой, хотя ты на это и не рассчитывал. В 1990-е многие еще ездили на поездах, машин у некоторых пока не было. В поезде всегда очень приятно познакомиться. Вагон напоминает чем-то квартиру, комнаты которой ты арендуешь с соседом на несколько часов. Особенно приятно заползти в вагон под сильным шофе. И зависнуть перед окном. Как-то раз в адском купейном вагоне со смешанными запахами угля, чая и простыней, который направлялся то ли в Мурманск, то ли на Северный полюс, я нащупал чье-то плечо. Девушка была нежна и бледна. Я не особо помню предмет нашего разговора, но губы у нее были дрогнувшие и очень мягкие. Через неделю она оказалась у меня дома. Потом еще раз. Она была так молчалива и грустна, что с каждым разом она нравилась мне все больше. Потом она пропала, как в песне Шуфутинского «Наташа». Я звонил. Через 10 лет я встретил ее в поезде. Я был трезв и взросл. Она прекрасна и далека. Я не звоню. Мне нравится думать, что она придет ночью туда, где я буду сидеть и смотреть в окно и молчать. Нервный и раздраженный. И не будет пустых разговоров и фраз о том, что «мой парень сейчас через час приедет, и надо торопиться». Сторожа-парни всегда рядом. Идут по твоему следу. Это надо чувствовать. Ведь почти у каждой девушки, которая тебе нравится, есть парень. Или бывший, который звонит и хочет жениться. После того как расстались. И «с ним у меня будущее, а с тобой — интрижка». А разве плохо иметь хорошую, интересную, веселую интрижку? Которая обязательно закончится и после которой будут приятные и добрые воспоминания вместо проклинаний отношений, которые для девушки, любившей тебя, не закончились свадьбой? Наверное, время для женщины в 9 раз дороже, и, тратя его на несерьезные отношения, она рискует нарушить условия глобального договора между мужчинами и женщинами: определенность и комфорт в обмен на принадлежность одному и семейный быт. Этот договор подписала — надо выполнять. А кто вне его — либо дура, либо шалава. Меня к таким всегда тянуло. Они менее обидчивые и требовательные. Но никто не любит жадности и грубости. Это уж увольте... Джентльмен, если дословно перевести, как-то странно прозвучит: нежный мужчина. Но ведь нежный парень — это здорово. Особенно если в плеере играет *Iron Maiden*. Романти-

ки, подарившие россиянам бессмертную и беспощадную к порокам этого мира группу «Ария». До сих пор миллионы седеющих перцев уносятся в музыкальный оргазм, слушают культовый Арийский альбом «Герой асфальта» (1986 год). Так в России на гитарах по-прежнему никто играть не умеет. Респекты гитаристам. «Арии».

Приходя домой с работы, очень не хочется расшнуровывать ботинки. Крайне. Я ношу обувь без шнурков. Работаю только с мужчинами. Живу один. Играю только с лучшими, на мой взгляд, музыкантами. Не сплю по ночам от осознания своего бессилия и невостребованности, потому что мои герои, кумиры мертвы, а новых героев я так и не могу найти. Нигде. Как листок, который сорвало с отличного дерева, болтаюсь и летаю, мешая людям спать. Жить. И умирать. Болтаю разный вздор, сочиняю байки, фантазирую на разные смешные темы, а сам только и думаю, где мне найти хоть на час человека, от которого у меня захватит дух и зажгутся глаза. С тех пор как я потерял ее.

В глубине своих финансовых игр на бирже, сибирских командировок, выполненных поручений и первых закрытых сделок, первых бонусов и купленных костюмов я все больше времени проводил сам с собой, погруженный в карьеризм и самолюбование с одной стороны и отчаянный поиск своего музыкального пути — с другой. Брат учился в Германии, родители старели, я становился все мощнее и хитрее, и... Она, чувствуя это, просила меня быть ближе, мягче, лучше, но мой ненасытный характер искал чего-то, что отвлекло бы меня от странной, ненасытной тоски. С Гитом мы решили сделать тайм-аут. Гитары рыдали в углах. Ржавчина жрала струны. Мы жили в новой квартире. Нужны были ремонт, мебель, новая одежда, машина, дача. Свадьба. Семья. Карьера. Музыка. Англия. Блюз. Сделки. Мама. Ее коттедж. Квартиры. Счета. Слезы. Упреки. Старые мечты. Новые разочарования. Я стал уставать и задерживаться на работе. Близость переставала быть трепетной. Москва переставала быть доброй и интересной. Шеф-параноик выбешивал все чаще. Дома меня ждали надутые губы и неприятные фразы. Пульс все чаще бил в плечах, глаза подергивало. Джим Моррисон,

мой герой и поэт, поющий в *The Doors*, говорил про себя: «Я ранимый, чувствительный, интеллектуальный мужчина с душой клоуна, который взрывает все в самый неподходящий момент». Мой голос на 99% повторяет тембр Джима. Он умер, как все приличные музыканты, в 27 лет. Мне было 25. Глядя в зеркало, я все чаще видел в нем грим и бесовскую улыбку клоуна, так напоминающую песни величайшего альбома *The Doors* «*Strange days*». В воздухе пахло этими песнями. В моей квартире пахло валерьянкой. Все сильнее.

Глава 16

День увольнения всегда очень важен. Торжественный и невероятно грустный день. Обрываются твои отношения с людьми, с которыми ты проводил месяцы и годы вместе. Сама Работа не имеет такого уж значения, ведь можно найти и лучше, и престижнее. Но людей, с которыми ты сблизился, делился, как с близкими, завтракал, обедал и порой ужинал, никогда больше не найти. Потому что всегда на работе после первых трех месяцев начинается либо дружба с кем-то из коллег. Либо нет. У меня один раз было, когда нет. Это была большая корпорация, публичная, с логотипами, котировками, своими СМИ и прочими элементами превосходства. Но я обедал один. Сам с собой решал какие-то проблемы. Одинокое поедая крошку-картошку, думал о том, что когда-нибудь моя каторга закончится. И не было ни грусти, ни печали в последний день. Контора была качественная, а люди — так себе. А бывает удивительно наоборот. Контора буксует, будущего почти нет, решения хаотичны и внезапны, а люди очень высокого класса. И у тебя раздвоение: уходить надо, а с людьми расставаться не хочется. Очень. Может, это любовь? Жизнь подкидывает разные испытания. Но в такие моменты и понимаешь, что ты живешь. Стиснул зубы, дрогнула рука, дернулся глаз, день пробежал — и ты уволен. Не забыть мне моих прекрасных коллег-друзей. Вовек не забыть.

При увольнении по соглашению сторон, то бишь сокращению, весьма сложно выторговать себе правильные условия: иногда кон-

тора не хочет платить тебе несколько окладов. Тут нужны осторожность и настойчивость. Можно уйти в тяжбу, а можно протянуть время, и тем самым возместить те ЗП (заработные платы), которые тебе формально не хотят платить. Здесь имеет место быть феномен. Когда работникам выплачиваются, например, пять окладов – это весомая сумма, а если он три месяца ходил на работу, ничего не делая, и ему на руки выплачивают два оклада – сумма вроде и небольшая, и не вызывает раздражения. В российской действительности такие парадоксы приводят к большим ошибкам и убыткам, но ведь это наша фишка: терять там, где потерять сложно. Но когда к конторе прикипаешь душой, написать заявление об увольнении очень сложно. Однажды я две недели подряд каждый день доставал лист и, написав заявление, рвал его. Если вдуматься, ты ходишь в офис 8 лет, знаешь там всех, есть тайны, есть любимые места встреч. Если в офисе больше 500 человек и у тебя 10–15 близких товарищей – это же семья. Дни рождения, пикники, поездки на отдых, пьянки, ссоры, примирения. Как без этого жить? А тут надо самому за один раз написать прощальное письмо, за один день собрать вещи, написать долбанное прощальное письмо и... уйти. Почему так устроена жизнь, что отношения строятся годами, а потом по воле одного человека, недружественного акционера или правителя страны, компания умирает? И ты с ней. Почему?

Сегодня с младшим братом оказались в Ереване на отличном завтраке. По-армянски. Много еды, водка, великолепная атмосфера, виды. И почему-то в минуты радости начинает жрать сердце печаль. Оттого, что не могу лучшей и единственной для меня чистой девушке на земле, которую мне посчастливилось встретить, подарить эти мгновения. Эту еду. Эти горы. Эту радость, что переполняет меня, но в то же время, как отраву, напоминает, что сладкой жизни для одного быть не может, радости без любимого человека недостаточно и на час. А если буду и дальше беспокоить ее собой – опять поверит мне, отбросит все, а мне через некоторое время начнет становиться все скучнее. И по сторонам начну озираяться, понимая, что вокруг не чистый снег, а манящее болото порока, но так уж я создан. Откуда эта терзающая меня порочность и неуспокоен-

ность? Может, в таком положении вещей и заключается единственная возможность быть вместе с музыкой, заниматься литературным творчеством, находить новое и в итоге оставаться живым?

Жрет и жрет душу тоска. Грусть, печаль моя. Ты печаль моя. Где как быть моя. Где как даль моя. Ну иногда становится просто невыносимо. Горло бредит бритвой. И знаю одно: нет жизни мне без любви, но и с ней нет жизни. Гитары, мои подруги, спасите меня! Протяните ко мне свои струны! Голос, мой брат, проснись и сбрось тяжесть со связок, что сдерживает тебя! Музыканты мои, не обратите внимания на мою черную тоску, и сыграйте со мной снова в тысячный раз, как в первый, «*Hear my train coming*» J. Hendrix! Подружки мои, верные и не очень, закройте глаза на то, что не люблю вас так, как хотите, унесите хоть на 20 минут мою тоску под потолок. А когда наступит ночь, буду просить прощения у той, что посвятила мне годы, и забудусь в тревожном алкогольном сне, который для меня добудет старый добрый *Jim Beam* с фамилией бусурманской Бурбон. И проскочит ночь, и с первыми лучами московского хмурого солнца проснусь, побреюсь, запахну своим любимым *Chanel Allure*, неторопливо надену розовую мягчайшую кольчугу-рубашу, ярко-малиновый изысканный галстук от *Armani*, натяну зауженные датские брюки *Sunwill*, тонкие длинные хлопковые фиолетовые носки от *Calvin Klein* и мягкие туфли *Mario Bruni* с прочными шнурками, в Милане купленные. Не устают в них ноги, гонят вперед подошвы резиновые. Не люблю бродить по офису в пиджаке и ношу безрукавки от *Gant*. Заварю живой кофе в чашке с коричневым сахаром, в знак любви к *The Rolling Stones*. Ничего не съем с утра. Повяжу голубой шарф с ворсинками на конце, надену приталенное пальто кашемировое, шоколадного цвета, и под звуки волшебного плеера в 4-м *iPhone*, в восторге от волшебного голоса *Dave Gahana* из *Depeche Mode*, выйду пружинящей походкой в новое утро, раздавая свою энергию гражданам, стекающимся в жерло метрополитена. Наберу родному брату около 8:45. Он как раз едет на работу в своем джипе американском, обсудим курсы, тренды, парадоксы экономики нашей алогичной, восхитимся очередным вывертом нашего великого ВВП, все ближе становящегося царем истинным, приколемся над ни на что не способным правительством, ибо

не может оно быть иным, умилился моим племянникам, особенно младшему, и расстанемся в ожидании новой битвы на работе. В которой обязательно будут свои победы и гамбиты, траблы и бенефиты. И ни одна живая душа не догадается, что ночью иступленно ждал рассвета и мечтал о прощении за запредельную гордыню и врожденный эгоизм и адский креатив, которые «на троих» лишили меня человеческого счастья. Они всегда вместе. Эти трое.

Быть довольным и счастливым семьянином, как мой младший брат, — об этом я столько раз молил. Но тщетно. Пока.

Отзовется нежно кнопка лифта, и унесет меня быстрый и умный корабль в мир решений и результатов. И если есть дело под стать натуре широкой — умрет тоска черная до вечера, а коли нет дела такого — так ищи его везде, унижайся и лебези, не жалей ни времени, ни денег, но найди. Потому как мужик без своего дела как орел с оторванным крылом. Глазами только сверкает да тяжело вздыхает. Одним машет, а второе сломано. И даже когда одно крыло сильное и крепкое, ибо семья счастливая дает мужчине такую способность, но без дела тем более это крыло начинает раздражать, когда нет полета. Нет второго крыла.

Но иногда дело может найти тебя само. Редко такое бывает. Как это так? Надо просто в правильном месте затаиться и сосредоточенно подождать. Около месяца. И оно придет. Секрет только знать надо. И волшебное действие совершить. А для этого надо пойти в одно место и посмотреть. В зеркало. И услышать от него в ответ лишь одно. Что для тебя на свете всего важнее и интересней? И только этим заниматься стоит, только это получится, и только это придет. Если верить, искать и ждать. И дождутся. Те, кто ждет. Верь себе. Не веришь — все равно как живешь и что делаешь. Все равно ничего не выйдет. Снимай трубку и дозванивайся до Люки Брази. Не дозвонишься. Дрогнет нога. Задует ветер жизни. Сорвется с каната клоун.

Сейчас. Я. Жду.

Глава 17

Считать время могут не все. Жить в отрезках времени можно выучиться, но это стресс для нервной системы. Некоторые умеют. Мне пришлось научиться. Это как режим ускоренной перемотки. Именно так. Врубаеть его — и понеслось.

Часто ведь как происходит. Сидишь с девушкой. Улыбка ее живет в твоём глазу. Манит молочная белизна бедра, скрытого тяжелой материей юбки, и настроение растёт, но она скажет фразу, вдруг, не подумав, и станет ясно, что пришла к тебе, заранее настроившись на отказ. Некая игра, выдуманная наспех и напоказ себе, прежде всего. И вот здесь важно вытерпеть и дать времени протечь спокойно. Так важно дождаться состояния, когда девушка начнет нравиться тебе все меньше. И меньше. Если все-таки до этого дотерпеть, вернется ирония и не будет противно. Поедет машина, только погаснут фары, и на первой остановке пассажир выйдет. Тут нужно терпение. Но это невероятная школа для переговорного и иных менеджерских процессов.

Юристы вечно тянут время, чтобы получить больше денег.

Эту фразу можно отнести к основной позиции с точки зрения поведения в офисе. Чем меньше ответов, тем быстрее течет время, тем быстрее приходит зарплата. И бонусы. В конце года. Это железобетонная, беспроегрышная тактика. Но не стратегия. Всегда есть предел. Ожиданий. И когда он наступит — сотрудник убудет.

А вот ошибка в работе с начальниками — это действительно проблема. Ее решить довольно сложно. Нет смысла говорить о том, что руководство ничего не забывает и не прощает, иначе они бы шефами никогда не стали. Тут вопрос в другом: в чем причина ошибок? Почему хорошо, в общем-то, зная начальство, можно допустить ошибку, которая приведет либо к увольнению, либо к стагнации в карьере? Много всего об этом думается, но сдается мне, что никогда не стоит забывать: 1) шеф такой же человек, как все, 2) шеф не всемогущ. Если это учитывать — вероятность ошибки значительно меньше.

Москва — реально город одиноких. Найти душевную подругу в нем нереально. Приходит на ум, что если остановку, например троллейбусную, назвать «Одиночество» и поставить там лавку, всякий, кто на ней будет сидеть, — одинок. И это будет сигнал, как в «Семнадцати мгновениях весны», что с этим гражданином надо пообщаться, а дальше — как сложится.

Особенно одиноко почему-то бывает в день концерта. Этот день так долго тянется. До саундчека. Это проверка звука. Так как в нашей великой стране почти нет залов с хорошим звуком, приходится звук настраивать столько же порой, как и сам концерт. Нет худа без добра: на чеке можно еще раз пройти песни, которые не очень готовы. Это новые. Чек иногда выматывает не хуже репетиции. Поэтому основное, важное, невероятное важное правило: Чек Надо Вовремя Закончить. Он может длиться вечно. Всегда звук не особо нравится. Особенно барабанщику. И его ноге. Но если не остановиться, безумие поглотит группу. Я приезжаю на чек последним. По странному стечению обстоятельств, я мало что могу делать руками: не знаю, как правильно настроить комбик, заменить струны, натянуть ремень. Даже настраивать гитару лучше не мне. Но вот играть на ней, петь и вести концерт — это моя тема. С недавних пор я стал играть на бас-гитаре. В одной из команд. Своих. А почему? Да опять вышло смешно: на носу был концерт, а басера не было. Пришлось научиться. Но как играть на басы и петь? Это, как если бы ты ехал на мотоцикле и одновременно писал эсэмэски,

еще и проверяя их. В первый раз я думал: свихнусь. Поешь одно, играешь другое. Бред.

Даже кошка может смотреть на короля.

Какая мудрая поговорка. Английская. Все лучшее идет из Англии. Музыка. Мысли. Традиции. Бодрость. Остроумие. Фильмы. Англичане говорят: «Мир – шокирующее место. Но мы в нем».

Созданный англичанами сериал «Аббатство Даунтон» может дать ответы на очень многие вопросы.

Почему-то с чопорными англичанами веселее всего. Свежий ветер будит их на острове, лишает иллюзий и ожиданий.

Я учился в Англии пару недель. И почувствовал то, чего мне не хватает в России. Отвязности. Можно бросить все и начать все. Можно взлететь к звездам или упасть в пропасть. Но это как бы нормально. Дух Лондона пропитан напряжением и весельем. Пятницы. Бары. Пабы. Бабы. Очередной миф – о некрасивости англичанок. Они настоящие красотики, любят парней и повеселиться. Может, есть смысл поехать туда?

И, как они говорят: «Если бы у нас были только высокоморальные мысли, что бы стали делать бедные церковники?» Язык намеков и недомолвок чрезвычайно впечатляет меня. Жаль, что в нашей стране часто не с кем поговорить в таком стиле.

А что можно сказать о фразе: «– Надеюсь, мистер Бейтс ведет себя хорошо? – Да, он ничем другим больше не занимается». Или как вам это:» – Значит, Вы со мной не пойдете? – Я скорее пойду на костер» или «Вас запрут, а ключ выбросят»? Внезапно открыл для себя простую фразу» – Не хотите чашечку кофе? – «Нет. – Это всего лишь кофе, и Вам не придется поступаться независимостью». После этой фразы мало кто устоит, не так ли? А это: «В Швейцарии есть практически все, кроме хорошей беседы»? Это очень по-русски. А как дорога и трогательна фраза: «Я завидую Вашим чудесным воспоминаниям». И мне с этим не сравниться. И напоследок: «Жизнь кажется слишком бессмысленной, если долго о ней думать».

Право, иногда мне приходит на ум жениться на англичанке. Если бы у меня был шанс говорить и шутить на равных с ними.

Может, поэтому я все время читаю книгу «Портрет Дориана Грея»? Может, оттого мне так нравится этот странный образ? Столько лет. И знаете. Во всем этом есть одно качество человека, которого я так остро не чувствую у нас. Вернее, все реже чувствую. Достоинство. И в слугах его не меньше, чем в хозяевах. Камердинер делает замечание лакею: «Вы лакей, а не зазывала на ярмарке». Нашим бы официантам хоть толику такого достоинства.

Удивительная вещь: никогда не думал, что ожидание следующей серии сериала будет так сладостно. Может, мы все становимся детьми, и сериалы – это просто индикатор?

Я родился в Азербайджане, будучи армянином. Рос в летние месяцы там. Родители до смерти отца часто говорили на азербайджанском. По-армянски не говорю. Потому как бы неполноценный армянин.

Мы часто живем, как рыбаки: пробуем людей, даем им наживку, и если они ее едят, понимаем, где слабо, и начинаем дергать за крючок, когда нужно. В этом глубинный смысл манипулирования: даешь, что ему нужно, и берешь, что тебе нужно, управляя наживкой. Может поэтому истинные шефы так любят рыбалку? Они как бы продолжают управление. Рыбами. Вопрос в том, когда перестанешь быть рыбой. Или хотеть быть.

Моя любимая вернулась полностью ко мне. Вечерами я бывал дома. Семейный ужин не такая унылая вещь, если рядом родной человек. Без которого тебе все равно кусок в горло не идет. Арифметика.

Меня все чаще посылали в Сибирь. Я бы так много хотел написать о сибиряках. Но постараюсь не впасть в гламурную восторженность. В современной России все больше людей, для которых данное обещание, или, как говорили наши предки, слово чести, ничего не значит. В Сибири я встретил людей, у которых слово не расходится с делом. Порой кажется, что им недостает утонченности или шика, но дело в том, что Это к делу не относится. По этой причине, пребывая полгода в одном нефтяном городе на краю Земли, я раздумывал, не поселиться ли мне здесь. Я абсолютно неправильно-

ный армянин. Вместо долмы я всегда просил пельмени, вместо пшти (горохового супа) — борщ, вместо зелени уплетал картошку. Может быть, мои русские соседи, которые меня вырастили вместе с мамой, подмешали мне зелья приворотного? И я полюбил все Русское. Вот такая же ерунда с погодой. Люблю холодрыгу. Чем холоднее, тем лучше для меня. Зимой я даже перчатки и варежки не ношу. Такой кайф, когда холодно. И вот чудо. Я у лучшего друга сейчас пишу этот кусок книги, стоя в тени, потому что жара, и тут подходит он и говорит: «Брат, давай перенесем качели в тень». Вот это мистика.

Как-то раз в 90-х я выступал перед миноритарными акционерами некоего общества и убеждал их в чем-то, и им это страшно не понравилось. Времена были голодные. Они двинулись на меня. Отступить можно было только в стену. А за стеной болота. Страшно стало за недописанный альбом. За мать и за нее. Закрыв глаза. И тут слышу зычный родной голос начальника НГДУ (нефтегазодобывающего управления): «Стоять! Кто тронется с места, сегодня же будет уволен. И молчать». Он подошел ко мне, отвел в кабинет, налил коньяку. Отправил в гостиницу. Сибиряки — кремни. Респект. И поклон.

Правда, есть и мутанты, у которых мания величия накрыла мозг. Ну это со всеми произойти может, но нефтяные генералы — отдельная каста. Они, как князья в Шотландии: хочу убью, хочу помилую, хочу в горы отвезу. Захожу я с мандатом к одному такому, кабинет у него метров сто. Он в нем потерялся. Неохотно читает мандат: подателю сего письма оказывать всяческое содействие, жмет пальцами крючковато-холеными на кнопки свои и шипит: «Позанимайтесь тут с товарищем из Москвы». Окидывает меня глазками, заплывшими от нефтедолларов и откаченных конвертов, и забывает обо мне. Негоже барину с холопом тусоваться. Но мандат со мной. На утро следующее появляется халдей его в обличье управляющего делами. И вежливо игнорирует. Знаю одно: если тебя ни в грош не ставят, горло драть — последнее дело. Сам не люблю шум. Достаяю перо из штанов, бумагу гербовую и пишу письмо опричнику главному нашему: «Довожу до Вашего сведения факт умышленного саботажа в выполнении поручения царского. Даты и детали. Прошу в течение трех часов предпринять меры по рассле-

дованию факта сего и принятию в отношении злоумышленника мер дисциплинарного и иных воздействий вплоть до уголовного». И голубиной почтой отправляю. Быстро голуби электронные летят. Вернулся с обеда сытного, а халдей вокруг меня, как юла, кружит. И, запинаясь, бормочет, дескать, недоразумение вышло, просто заминочка, не угодно ли-с вечером в клуб ночной поехать да местных блюд отведать. «Отчего ж, — отвечаю, — можно и отведать, только вот отчет к вечеру мне и опричнику сделай. А потом и в клуб». Велика Сибирь. Гордость и кормилица наша.

Руководство меня ценило, аккуратно поднимало зарплату. На первый серьезный бонус я купил мне и Гиту лучшие в мире электрогитары. Словами не опишешь наши чувства. Вскоре, в начале 2000-х, я стал заниматься сделками по приобретению разных компаний, но тогда уже понимал, что я — часть сделки. Не видя начала, идей, смысла приобретения, я не понимаю суть, а значит — мне становится неинтересно. Сибирские темы закончились. Мы все чаще ругались с ней. Ревность. Она не хотела меня делить с кем-то. А работа требовала все больше общения вне офиса. Такая развилка: или ты рыба-клерк, которую ловят и едят, или ты шеф-рыбак, который ловит и есть рыбу. Но удочку надо достать — нужно время и общаться с рыбаками. Музыка тихо и упорно ждала моего возвращения. Гитары я увез из дома. Она не любила их. Они отнимали ее время. Я смирился с этим, думая, что это пройдет.

Но прошло не это. Как-то раз после очередной размолвки раздался треск. В моей голове. Лампы радости, которые горели в ней 12 лет, вдруг разом лопнули. Боли не было. Почему-то. Опустошение. Как будто кто-то за одну секунду украл все твои достижения, прочел твои тайны и стер все файлы. Только Бессонница и апатия. Хандра. И огромная невероятная усталость. Я побросал вещи в рюкзак и съехал жить к товарищу. Дверь мне открыла его подруга — я не мог оторваться от ее горящих глаз. Шутил. Пил. И ночью осознал, что, во-первых, я пошляк, который заигрывает с чужой невестой, а во-вторых, было несколько секунд в этом туманном вечере, когда я не думал о Ней. Не обращался к ней каж-

дую секунду. Не обожал ее все время. Другая женщина на секунду стала мне милей и лучше. Крах, как неумолимый краб, в ту ночь методично разрезал мое сердце на миллионы частей. Я хотел умереть. Но нужно было идти на работу. Брату в Германии нужны были деньги. Я уходил в семь утра и возвращался ночью, чтобы не видеть подругу товарища. Иначе я бы не выдержал, и моя потерянная нежность обрушилась бы на нее. Я сделал круг. Нашел счастье. И потерял его.

Зазвонил телефон: «Ты где? Срочно подготовь презентацию и свое резюме. Ты едешь в Лондон». Мне было все равно. Автоматически я оформил документы. Завтра предстояло полететь на учебу в страну, о которой я так долго мечтал.

*Но кто-то разбил хрусталь наших грез и вырвал из жизни дни –
Дни, когда мы верили в то, что все еще впереди...*

Глава 18

Пожалуй, одно из самых важных в моей жизни — сочинить песню. Вначале музыка, какой-то риф, пара нот, потом слово, потом еще. И вдруг из этого сумбура рождается песня. И в этот момент ее надо кому-то спеть. И тот, кого наберешь и споешь ее по телефону, — твой близкий. Такая вот любовь.

Но в последнее время я не сочиняю. Думал, что рок мертв, а я еще нет. Но 23 апреля 2015 года в Ереване я ощутил такой прилив сил и радости, что осознал, что пора за дело. Снова. Они спасли меня.

Эти парни.

Четыре армянских юноши хотели быть счастливы. Они создали группу *System of a down. SOAD*. Тяжелая музыка, высокий голос вокалиста Сержа Танкяна, безумная гитара Дарона Малакяна. Я был впечатлен этой группой, некоторые вещи в плеере. Их несокрушимая энергия и воля привели в том числе к тому, что ООН и многие страны (не хочу вдаваться) признали геноцид армян 1915 года преступлением против человечества. Мой вновь обретенный родственник говорит: «Кровь должна заговорить». Слушая их, я порой испытывал странное чувство тоски, грусти — и слезы в глазах.

Искал обменник месяц назад (у нас кризис) и наткнулся на афишу — *SOAD* в Москве. В мерзком Олимпийском. Спортивный гроб, куда загоняют народ слушать, как по нелепой спортивной коробке гуляет звук. А у меня на этот день концерт назначен. Роюсь в сети, и — о ЧУДО! — они играют в Ереване 23 апреля 2015-го,

накануне поминания жертв геноцида, случившегося в 1915-м. Звоню барабанщику. Он в ауте и согласен ехать. В сомнамбулическом состоянии беру билеты. Гостиниц и хостелов нет. Товарищ помогает с квартирой. Буднично идет день перед концертом. Напиваемся днем. Спим. Вечером как бы спокойно идем.

Сцена на площади Республики — как ворота в ту ужасную историю 1915 года. Как воронка. Как труба. Как подсознание.

Парни выходят. Чувствую: просыпаюсь. От своего многолетнего сна. От своей вялости и страха перед новым днем. И улыбаюсь от осознания своей новой мощи. Внутренней.

Хлещет дождь. В тему.

Дарон Малакян вопит: *«It's not rock-n-roll concert. It's ReVenge!»* И открылись ворота. Чувства, доступные людям, открылись в нас с моим братом-барабанщиком. Гитара Дарона, как ластик, стирает всю накипь и флюиды страха с наших душ. Голос Сержа, как адская сирена, не дает уснуть, в тысячный раз отложив важное на завтра. Барабаны Джона Далмаяна делают из моей нехрупкой фигуры под дождем Еревана спортивного гимнаста-практиканта. Бас Шаво Одаджяна сверлит мозг каждую секунду, напоминая том, что отступить просто некуда и никак. Хочется водки. Выпить. Ее нет. Но и это фигура. С каждой секундой на этом концерте ощущаешь, что ты просыпаешься. Твои чувства, мысли, мечты, которые мы за последние 10 лет благоденствия загнаны. Ниже плинтуса. Вырываются наружу, и я понимаю, как и в 1991-м в Тушино на концерте *Metallica*: музыка и творчество важнее страхов и денег. Любовь сильнее комфорта. А жизнь любит смелых и рискованных, как и всегда. Я преклоняюсь перед музыкантами *SOAD* за их любовь к Родине, невероятный талант и безрассудную смелость в отстаивании своих идеалов и принципов.

А музыка у них, как говорит БГ, чтобы лох цепенел.

Если они могут, и мы сможем. *Wake Up Souls*.

Кричим и воем, плачем и стенаем. В конце концов, мы все поумираем. Отличная английская поговорка, и надо поспешить. Но суэта погубит мир. В Москве суэта прописалась. Есть немного мест, откуда она изгнана.

Например, многие годы играет потрясающую британскую и старинную музыку фантастический музыкант Олег Бойко. Когда он берет в руки гитару, лютню и начинает петь свои сказочные британские песни, мир наполняется какой-то благодатью и покоем. Я горд общением с ним. Его первый альбом проекта *Telen Gwad* я заслушал до дыр. Сегодня он позвал меня на свой концерт, отложил дела. Сижу в театре. И вдруг удар. Прямо в сердце. Девушка, лучший человек, которого я знал и которого я страшился увидеть, пришла на концерт. И как вор, как укушенный, сбегая на дальние ряды. Она не заметила меня. Она настолько красива и чиста, что мне нет права и думать о ней. И воспоминания, как цунами, наваливаются и не дают нормально дышать. И Олег со своей сказочной музыкой усиливает это ощущение. Ну почему прекрасные люди не созданы для меня? Почему я всегда чувствую вину уже оттого, что знаком с ними? Мне скоро придется уйти, чтобы не тревожить эту прекрасную девушку, которая посвятила мне несколько лет своей чудесной жизни, не ощутив со мной долгожданного счастья. Все рядом. И радость, и печаль. И ангелы, и демоны. И куда от этого деться? Куда?

День рождения — тема для диссертации. У меня в мае. Думал, как об этом написать. Но вот получил эсэмэс с поздравлением, и трудно описать это явление лучше. Прикладываю.

«Мужчины, играющие музыку, обречены быть пьяными, всеми любимыми и одинокими. У них грустные глаза, они будто что-то знают. Но это всё виски. Раз семнадцать на дню они думают о смерти. То ли с похмелья, то ли от одиночества, то ли от всеобщей любви, то ли из солидарности с Джимом. Мужчины, играющие музыку, не любят женщин. Они мешают им любить музыку. Их тело — гитара, голова — барабан, руки — флейта. Такие мужчины, играющие музыку. Я знакома с одним. С днём рождения!»

Вы понимаете? Она как в душу заглянула. Нет более одинокого дня, чем твой день рождения. Я стараюсь куда-то деться в этот день. Но и туда, куда ты денешься, могут дозвониться те, кого ты боишься услышать. Люди, которые являются твоим смыслом и которых с тобой нет рядом. Может, оттого день рождения и такой мрачный

и долгий день. И надо его просто пережить. Изю всех сил. Как поют *System of a Down*: «*Such a lonely day // And it's mine. It's a day that I'm glad I survived*».

В офисе часто сталкиваешься с ситуациями, когда тебе приходится общаться с людьми не из офиса, но имеющими отношение к шефам: водителями, личными помощниками, домоуправителями, поварами и другими людьми, которых можно отнести к категории «близкий к начальству обслуживающий персонал». Я всегда четко определял их по чуть заметным признакам: они отводят глаза, более молчаливы, чем обычные офисные сотрудники, у них более конкретный взгляд, порой заискивающие нотки в голосе, ну и, конечно, их выдает речь. Как правило, это рубленные и короткие фразы, которые точно передают данное шефом задание. Я с огромным уважением отношусь к таким людям, потому что они рядом с твоим шефом, и они ему реально помогают жить. И часто любят его.

Такой у меня водитель, который шесть лет со мной. Знает все мои проблемы, тайны и мой жизненный график. Он не обсуждает мои проблемы, он не хочет меня чему-то научить, но он переживает, когда мне плохо, и радуется, когда мне хорошо. И я так же отношусь к нему.

Иногда я замечаю, что некоторые юные челы непочтительно говорят со своими ребятами, которые занимают у них подобные должности. Меня от этого просто передергивает. У таких челов гармонии в жизни не будет. Академик Капица писал: «Если ты будешь говорить с простыми людьми на непонятную для них тему надменно и снисходительно, они тему не поймут, а если уважительно и внимательно — обязательно поймут». В современных офисах все больше специалистов напоминают людей из обслуживающего персонала — деградация достигает почти апогея в современной России, поэтому нежнее и внимательнее. По индивидуальной программе. И со временем этот, на первый взгляд, непонятливый человек, сделает для тебя все и без слов. Просто он примет тебя. И все будет нормально. Я поздно к этому пришел. Но ведь дошло. В нашей стране все непросто...

Карьера вступала у меня в интересную фазу. Закрытых сделок становилось все больше. Бонусы росли. Команда в мои отпуска регулярно выступала в Германии. Лишившись личной жизни, я обрел время и нового барабанщика, лучше которого было сложно найти. Гит снова был рядом. Двухгодичный развод только укрепил наши чувства. И виртуозность. Отец хотел, чтобы я пел на русском языке. Почти полгода я тайно пел в караоке-залах и вдруг понял: я не умею петь. Следующие шесть месяцев я так впахивал, разучивая песни Александра Серова, Муслима Магомаева и Юрия Антонова, что внезапно стал... певцом. В ресторанах отец отчаянно улыбался, видя, как *«Я люблю тебя до слез»* в моем исполнении вышибает слезы у женщин. Голос стал чуть ниже и в 9,5 раз четче. Гит перестал ворчать, что я ору на концертах.

Учеба брата в Германии шла в гору, и на время моя печаль оставила меня.

Начало 2000-го было для России благостным временем. Цена на нефть неуклонно росла, у компании появлялись деньги на приобретения, мне даже удалось за особые заслуги в деле корпоративной успеваемости поехать на неделю учиться в Лондон. Я побывал в Ливерпуле. Сходил в клуб «Каверн». Мечты сбывались. Меня все чаще как заказчика услуг приглашали в рестораны, на футбол. Общение с иностранными менеджерами таило в себе элемент элитарности. Я все чаще чувствовал себя избранным, читая в газетах о своих проектах. Предательские мысли о том, что у меня не особо много денег, прятались при понимании того, что скоро я войду в опционную программу: такая мотивация — тебе дают, например, 10 000 акций, каждая стоит, например, 100 долларов, но не сразу, а частями. По 20% каждый год. И ты через 5 лет миллионер, но за эти 5 лет ты так выращиваешь свою контору, что акции уже 200 баксов стоят. А у тебя 2 миллиона. Всем хорошо. Наше гвардейское подразделение по праву вызывало уважение и внутри, и среди контрагентов. А получить респект у инвестиционных мировых банков — это еще суметь надо. Секрет наш был в безупречном подборе кадров и правильной постановке задач всем и каждому. Вместо шефа-эгоиста, который вдруг пропал, появился новый люк-

совый шеф, который был так далеко в облаках, что не мешал нам работать. А как нужно работать, это мы и сами точно знали. Если хорошо знаешь свою контору — все делается быстро и красиво. Но подобрать правильных людей в корпоративные финансы — это задача просто высшего пилотажа. А удержать таких — 100% победа. Проектный менеджер похож чем-то на генерала без войска. Но со штабом. У меня проект. Срок — 6 месяцев. Надо найти, проверить, купить и интегрировать новый актив в существующую структуру. И делается распоряжение о том, что все сотрудники в рамках этого проекта должны делать, что ты им скажешь. Да, они тебе не подчинены, но если дело касается твоей темы — сразу подчинены. И вдруг внебюджетные платежи с проклятиями и стенаниями проводятся. Казначей смотрят на тебя с ненавистью — твое появление означает испорченный вечер, нервы и конфликты. Бюджетники скрипят зубами — твой приход перечеркивает их запланированные платежи. Бухгалтерия трясется от тебя — твои срочные проекты не позволяют сдать в отчетный период необходимые документы. Профильные подразделения слегка в шоке — приходится быстро менять устойчивую жизнь, так как новый актив требует быстрой интеграции. Ты становишься объектом ненависти и интриг, но ты менеджер в корфине. Не умеешь выигрывать и держать удар — свободен. Иди в аналитики или в продажи. В первом случае ты король и мало кто врывается в твои презентации, во втором случае можно присесть на откат и купить джип. Так говорят. Но для меня все это какой-то бред. Я в корпоративных финансах. И я этим горд. Был. Многие годы. Наши парни как скалы. Как триста троянцев, которые держат тысячи врагов. И трепещут лохи и недоброжелатели. Ты в бою, а когда нужна помощь, твой всемогущий шеф всегда рядом. Он знает, что мы, его дети, будем биться до последнего, и потерять менеджера — его личный проигрыш. Как-то раз наши самые сложные контрагенты заперли меня в комнате после бессонной ночи и за два часа до подписания документов начали издеваться надо мной, так как наши юристы слегка ошиблись и не учли одного момента по сделке, из-за которого она могла бы сорваться. Это был бы провал. Скандал. Капец. Но я знал, что мы правы, а насмешникам эта сделка нужна не меньше нашего. Я пошел ва-

банк и холодно ответил, что проблемы будут. Но и у них будут. Я дал им свою личную гарантию. И застыли улыбки на их губах. И замерли фразы. И в ответ прошипел мне их начальник: «А ты не из пугливых. Ладно, хотели тебя на понт взять. Все в порядке. Сами все исправим».

В этот момент испытываешь чувство, схожее с тем, когда концерт идет уже 30 минут, а люди тебя не слушают: у Гита начинается нервяк, барабанщик начинает грустить, и тут надо переломить. Надо так сильно врубить энергоблок твоей души, чтобы проснулась в людях любовь к музыке. И я счастлив, когда у меня получается. Это как рулетка. Как русская рулетка.

Работать меня научили мои дорогие коллеги. Новый непосредственный шеф, который мне был ближе всех, напоминал внешне охотника и лесоруба. Он научил меня не задавать вопросов и все продумывать наперед. Он не любил много говорить. И лишь когда ты ошибался, флегматично бросал в воздух: «Неправильно. Думай, где ошибка». И я теперь знаю, что у менеджера не должно быть ошибок. Иначе сдавай пропуск — и в банк на платежи. Второй руководитель — сухой, отчужденный и резкий и в то же время добрый и отзывчивый — научил меня точности и вниманию к деталям. Работать с профи — это как смотреть на совершенную группу. Не надеется. Никогда. А третий (мы до сих пор дружим) — импульсивный сибиряк, на первый взгляд суетливый и нервный — научил никогда не сдаваться и всегда искать выход, новые мысли, новые темы. Неистовство жило в нем. В этом треугольнике, состоящем из продумывания ошибок, внимательности к деталям и неистового желания победить, работал я, погруженный в осознание величия своей работы и компании, которой я служил. А если кто-то не гордится компанией, в которой он работает, — уходи и найди место, где будет просто здорово и где будешь испытывать гордость. За свое дело.

С подачи кадрового управления я стал выступать с командой на проводимых компанией мероприятиях. Меня стали фотографировать. В офисе мне стали чаще улыбаться. Но какие-то сигналы говорили, что наш главный владелец, самый лучший менеджер огромной страны, хочет большего. Хочет принести народу новые идеи, новые мысли. Это означало самое страшное заболевание,

от которого мы все держались как можно дальше, — политика. Только не это! Ни я, ни парни не верили, что это возможно. Мы строили великую компанию, с лучшими стандартами, лучшими кадрами. Мы жили во дворце, куда вход был закрыт. И вот в этом дворце стали появляться люди, которые раньше даже на пороге бы не появились: журналисты, активисты, общественные деятели. Просители и жулики, которых мы на дух не переносили, вскружили голову вождю. Вздохи поселились в наших кабинетах. Но мы надеялись, что он опомнится. Остановится. Однако медные трубы играли все громче. А наши голоса становились все тише. Я поехал в Германию к брату в мае 2003-го со странным ощущением чего-то надвигающегося. Большого и неотвратимого. Чего-то, что мы не знали, как назвать.

Глава 19

Записать великий альбом – мечта музыканта. Но как написать тексты на английском языке, если ты не носитель языка? Русский язык так многолик, что его знание порой может создать ложное впечатление о простоте, например, английского языка. Видимость, сгубившая не одну команду, которая, сочинив отличную музыку, не придавала значения текстам и прошляпила такой важный момент, как «песня». Песня – это не музыка и написанные наспех в рифму слова. Такова на 90% история всех песен, и в них нет именно этой самой золотой середины между музыкой и текстом, из которой вырастает дерево правды и любви. К песне. Слова усиливают значение музыки, которую творец слышит в своей душе. Слова привлекают людей, наделяют музыку могущественной силой, которая, как сирена, манит к себе слушателя. И он ставит повтор трека и не может оторваться от песни. Это чудо, удача, совпадение. Это как в личной жизни: влюбляешься в человека и ночью понимаешь, что у тебя есть совпадение с человеком, который тебе так нравится. В темпераменте, в ритме, в запахе, в понимании следующего движения. И музыка твоего сердца обретает нечто новое. Хочется петь, и ты поешь. Про себя. Очень громко. И засыпаешь, не так боясь смерти, которая вечно ездит за тобой с выключенными фарами. Песня – твоё вознаграждение за все, что ты делаешь.

Он был иностранец. Он знал русский на 97% прекрасно. То ли гены, то ли невероятный талант. Легкий акцент выдавал в нем ино-

странца... и боязливые глаза. Иностранцам почти всегда не по себе в России. У нас не любят их. Образ жадного и закомплексованного шпиона въелся в наш мозг. Западных женщин не берем в расчет, ибо эмансипция и борьба за равенство лишили их всяческой женской привлекательности, и они не могут тронуть здорового российского мужчину. Мой брат не смог за 6 лет даже тронуть немку. А вы говорите: отчего в Европе такие мужчины? Им не оставили выбора, и они любят только друг друга. А нам повезло. Очень. Мы любим наших удивительных и невероятно красивых женщин. Мой иностранец был представителем западного мира. Заокеанского. Он был слегка странен, суетлив, завистлив, небогат, а оттого несчастен, романтичен, но не обаятелен. И в нем была черта, которая поражала воображение. Он не любил тратить деньги: не то чтобы он был жаден, он был так бережлив, что потратить для него даже доллар было трудной и мучительной задачей. Со временем я понял, почему западные люди так не любят траты, но в то время я был ошарашен его космической скаредностью. Но он любил музыку. Сильно. И меня это очень трогало. Люди, выросшие в рациональном обществе, любят пересчитать время на деньги. Он тоже любил.

Но ведь как бывает: делаешь что-то, и вдруг как будто попадаешь в ловушку апатии, или беспросветной лени, или московской усталости. И тогда что-то важное, как песок сквозь пальцы, утекает из твоих рук, и ты начинаешь ждать. Ждать. Когда придет снова. Но московская усталость (далее – МУ) бывает сильнее. Я был ее жертвой первые два года. Вот ее краткие симптомы (выдержка из эсэмэс одной серьезной девушки, которую подкараулила МУ): «...дело не только в том, что занята (а еще в истощении). Я так устаю, что с трудом поднимаюсь по утрам... Просто много всего – и хорошего, и не очень. Я физически на пределе, не могу так дальше, мне надо восстановиться чуть-чуть – иначе не могу общаться, сил нет... У меня физическая усталость, головная боль... Не катастрофа. Но долго так нельзя, мне надо просто выспаться, а возможностей как-то мало, и в ближайшие дни тоже...»

Вот такие первые признаки.

И главная ловушка в том, что сон, который вроде как может помочь, ничего не решит. Ведь ночью ей будет опять сниться работа, с бесконечными ошибками, ставшими обычной нормой российской бизнес-жизни, и идущим за этим страхом, который так любит женщин. Глубинная причина истощения в том, что человек устает Сам от Себя. И вырваться он может, только если найдет силы изменить свой привычный вечер, график, прогноз, сон на что-то новое и интересное. Но ведь усталость заставляет его отказаться от прогулки, кино, концерта, театра, поездки к другу. Муж и добрые маленькие дети усилят ее и лишат надежды. Чем честнее и лучше человек, тем сильнее его МУ. Раньше я пытался помочь людям, попавшим в ловушку, но получается, увы, очень редко. И, как правило, с парнями, потому что девушки начинают путешествие по Большому Московскому Кругу. Об этом расскажу позже: это реальный и сложный феномен, требующий времени для раскрытия.

Американец был болен МУ, Интернетом и мечтой жить в Норвегии. Мы создали вместе альбом. Он получил очень высокие оценки в российской музыкальной прессе. Он был никому не нужен. Он был такой стильный и глубокий, что слушатели просто утонули в нем.

На нем мы достигли запредельной честности, но желание добиться успеха, его зааранжированность, находки в стиле *Pink Floyd*, когда я и американец вместе с моей на тот момент помощницей читают некий приговор людям, назидание и излишний пафос в текстах породили чуть видимый крен в сторону попсы.

Одна песня, которую я написал на стихи великого английского поэта Одена «*Funeral Blues*», лишена этого. Песня о смерти друга, о потере близкого человека, об отчаянии — я до сих пор испытываю трепет, когда ее слушаю. Божественная красота поэзии с каждым годом только сильнее. Вот она.

Wystan Hugh Auden (1907–1973)
Funeral Blues/ (The Mood/Zima/CD 2005)

*Stop all the clocks, cut off the telephone.
Prevent the dog from barking with a juicy bone,
Silence the pianos and with muffled drum
Bring out the coffin, let the mourners come.*

*Let aeroplanes circle moaning overhead
Scribbling in the sky the message He is Dead,
Put crêpe bows round the white necks of the public doves,
Let the traffic policemen wear black cotton gloves.*

*He was my North, my South, my East and West,
My working week and my Sunday rest
My noon, my midnight, my talk, my song;
I thought that love would last forever, I was wrong.*

3 июля не стало Джима. В этот день спустя 51 год не стало мамы Гита. Мы стали ближе... Все ближе. И ближе. Теперь слова почти не нужны нам.

«I thought that love would last forever, I was wrong» — «Любви, считал я, нет конца. Я был неправ».

Не может человек взять и просто так пропасть.

Внутренняя работа над альбомом продолжалась 2,5 года. Осознание сочиненных песен, аранжировки, сама запись, которая заняла несколько месяцев. Первые серьезные траты. Ну и, конечно, дизайн альбома. Сладостный миг творения на новом поле. Все музыканты в душе художники, а все художники мечтают стать музыкантами. Есть тут фишка: в большинстве своем главные музыканты XX века — англичане, выходцы из художественных колледжей. Кит Ричардс, смутьян из *The Rolling Stones*, писал в своем шедевральном произведении «Жизнь», что все его кореша-студенты грезили о том, чтобы стать рокерами. Многие как раз и стали: Кит, Джон Леннон... И если вдруг находишь в пыльном, растерянном и слегка неряшливом дизайнера такого несостоявшегося музыканта, дела идут быстро и упоительно. Дизайн альбома «Zima» сам по себе был отдельным стильным произведением. Дизайнеру Егору большие респекты

за почти годовую парку. Стильный, высокий, с детским лицом и мгновенным пониманием твоих желаний, в те годы он еще не был болен МУ и у него еще не проскальзывала такая ужасная для дизайнеров мания величия. Совместная работа сблизила нас, я даже подумал, что мы можем подружиться, но тогда я еще не знал, что дизайнеру, наверное, как и художнику, никто не нужен. Интроверты вторгались в мою жизнь, оставляя большие воронки разочарований. Со временем я пойму, что я... такой же. И перестану искать с ними дружбы. Не трать время на тех, кто не хочет его потратить с тобой.

Я горжусь моим вторым альбомом, я благодарен всем, кто его делал. Гиту, брату, который сыграл почти все басовые партии, всем. Он стал моей вершиной, и он же опрокинул меня. Я всеми фибрами души осознал, что мое великое творение не востребовано, не актуально, оно не взорвало мир. Оно вторично. Третично. Я просто ощутил такое одиночество и одновременно понимание, что я опоздал на 30—40 лет с этой работой, как и, впрочем, со своим рождением. Он почти не продавался, продюсер, умный и жесткий молодой человек, издал его скорее из симпатии ко мне. Первые шаги в мире шоу-бизнеса, который представлялся для меня упоительной сказкой, вызвали странную реакцию: стеснение. Странная вещь: я стеснялся этих людей. Просто по сравнению с теми глыбами, с которыми я работал, они казались мелкими, смешными и примитивными. В 2003 году мне и в голову не приходило, что скоро многое станет таким. Наступала новая эпоха троечников, дилетантов, костюмных жуликов, недоучек и серых мышей. Великая Россия, в которой жили самые великие и умные в мире люди, на моих глазах стремительно погружалась в тоталитарно-застойную Зиму, в которой бал правили временщики и мерилом величия становились твоя способность встать в нужное время на колени и сделать для хозяина ожидаемое. Дорога — мой дом, для нетворцов это не место. Отчасти поэтому с того времени в нашей музыке так ничего и нет нового. Земфира закрыла за собой дверь. И мы все еще в комнате со спертым дурным запахом ностальгии и нафталина. Когда мы ее откроем? Когда??? Ждать просто уже невыносимо.

Так же невыносимо было заново начинать работать в качестве топ-менеджера на большом машиностроительном заводе. Я получил должность, хорошие деньги, близость к директору. Мы сошлись на рок-музыке. Он был тоже американец. И русский одновременно. Я был типа в шоколаде. Но запредельно низкий уровень людей на этом заводе, их примитивные шутки, отсутствие какой-либо перспективы и врожденное плебейство перечеркивало во мне всяческие мысли. А ведь создание идей — моя епархия. Я назвал себя директором по развитию бизнеса, взял замом товарища из нашей великой компании, поставил диван в кабинете. Директор, огромный и иностранный, любил меня. Мы дружили. Слушали под бурбон музыку, он позволит мне часто бывать в Питере, жить в лучших гостиницах, бывать в ресторанах. Он позволит мне многое, я стану ненавидим всеми заводскими холуями-топами, зависть станет вызывать моя близость к шефу, и раздражение — безаппеляционность.

Часто я слышу: «Везет тебе». Но те, кто так говорит, не знают одного — ужаса стеснения: когда ты просто сторонись своих коллег, потому что они не твоего поля ягода. Это раздвоение между сытой жизнью и отторжением людей, которые с тобой должны сделать что-то важное, терзали меня. Нельзя сделать шедевр с пустотой. От осинки не родятся апельсинки. Питер, родной и пьяный, не заглушал эту растущую печаль-тоску. Барыжить с топами я отказывался, подписывать непонятные мне сметы — тоже. Мои дни были сочтены. Я считал дни, когда мой директор скажет заветные слова: «Старик, давай, может, отложим пока сотрудничество, как насчет уволиться?» И радость появится в моих глазах. И мотну головой. И не будет печали при прощании. Потому что знаю: с лохами жить — лохом быть. А мечтать надо о великом! Так учил Карен Шахназаров в своем бессмертном фильме «Курьер».

Десять лет проведу я в корпорациях в Москве. Буду на острие лучших сделок, но неготовность быть корпоративным халдеем вытолкнет меня из мира клерков. А грамотный клерк — будущий шеф — это очень круто. Но нельзя быть крутым среди тех, кто ничего не вызывает в твоём сердце. Невозможно создать нечто удивительное, когда твой шеф не восхищает. Деньги просто глушат эти мысли.

Мой отец стал все чаще забывать факты, цифры. Его рука стала слегка трястись. В 60 лет мой любимый отец стал чем-то болеть. Я ехал в уездный город со странным чувством чего-то нового. Неотвратимого. Клерки махали мне вслед. Я очень любил их. Они всегда помогали мне и даже жалели порой. Они честно делали свою работу. Просто мне было никак с ними. Никак.

Отец заболел так не вовремя, думал я. Мне предлагали место моей мечты – в новой успешной растущей нефтяной компании. Я долго к этому шел. Четыре года. Но кто бы я был, если бы не отец. Он никогда не просил о помощи, его твердость вызывала восхищение. Но сейчас передо мной был слабеющий, грустный человек, который верил только мне. Мой отец, мой герой, мой друг болел. Мне нужно было справиться, но в этот раз противник был куда как сильнее и беспощаднее.

Я возвращался в уездный город, чтобы спасти отца и добиться успеха там, где успех не живет.

III

Третья книга.

Директор.

20—33 главы

Глава 20

Кем бы я хотел по-настоящему стать? В слове «стать» есть какой-то странный смысл: если кем-то стать, значит быть статным? То есть нельзя стать кем-то незначительным, мелким, ужасным? А может, это игра слов? Мне кажется, что нет.

Кино, которое я смотрю в любое свободное время, наталкивает на ответы. Частенько. Смотрю сейчас довольно изнурительный и стильный фильм с Джоном Траволтой «Любовная лихорадка». Вообще-то, я начал его смотреть из-за Скарлетт Йохансон. Эта странная красавица-актриса не дает мне покоя. Я все время пытаюсь найти ее двойника, но увы. А так бы мы дружили, и я спрашивал бы ее обо всем, и в один прекрасный час мы бы поцеловались. Я бы называл ее Скарлетт. Она бы ругалась, говорила, что не понимает меня, я бы дарил ей парфюм и шоколад. Она бы простила меня. И в момент нашей первой близости я бы шепнул ей на ухо: «О, Скарлетт». И она бы вышла из себя, но тем приятнее было бы помириться. Мириться надо после размолвок в первые 40 минут, пока чувства остры. Самое интересное в Скарлетт — это ее раздвоение. Она женственная и задиристая. Очень привлекательное качество. С такой девушкой ты как будто на пороховой бочке, но порох не калечит, а ослепляет. Фильмы с ней часто как приманка: смотришь на нее, а открываешь для себя новых артистов. Так я открыл для себя шедевр Вуди Аллена «Матч Поинт», где главную роль сыграл Джонатан Риз Майерс. Сногшибательный актер, который полностью раскроет свой израненный и маниакальный дар в яростном

сериале «Тюдоры». Порой мне кажется, что в нашей группе Гит, приятный и великий гитарист, вызывающий симпатию и любовь у 97% слушателей, выступает в роли Скарлетт, а я — в роли приглашенного актера. Потом уже появятся поклонники и у меня, но приманкой является чарующий и невероятно привлекательный Гит-Скарлетт. Само его присутствие — удовольствие для людей.

Траволте удалось в этом фильме показать образ учителя английского языка, влюбленного в музыку. Я поймал себя на мысли: это мой образ. Вот кем бы я хотел стать. Учить языку и играть музыку. Учить кого-то по-настоящему на результат, видеть, как из несовершенного, угловатого, невежественного парня вырастает утонченный, обаятельный интеллеktуал, — не чудо ли это? Поэтому нет смысла преподавать в вузе, когда твоя энергия поглощается ненужными мне и безразличными ко мне посредственностями, вместо того чтобы наполнить силой и знанием того самого твоего ученика, который воплотит в себе твои черты и способности. Иногда бывают срывы. Как правило, это родственники. Мама попросила с одним позаниматься. Два года насмарку. Пока он был со мной — дела шли. Ну а дальше грустно. Очень грустно. Армянские долги. Дороги они. Знаете ли...

В начале XXI века в мире стало модным слово «инвесторы». Бессменный премьер-министр нашей страны Дмитрий Медведев, склонный к созданию неработающих слоганов, от безделья даже придумал три «И»: инвестиции, инфраструктура, инновации. Все три существительных по-прежнему непонятны и незнакомы большинству населения, но пишут об этом часто. Главное ведь в новой России — создание видимости. Или, как мрачно шутят топы новых государственных корпораций, ИБД. Кто лучше всех освоит эту вещь, тот и получит медали. ИБД — имитация бурной деятельности, основа успеха нового русского менеджера, сидящего на высокой ЗП. Как верный лорд в сериале «Игра престолов» получал замок и челядь за верность, так и современные бояре, то бишь министры, директора ФГУПов и госкомпаний, а также верные престолу губернаторы получали в свое княжение (т.е. управление) земли и активы. Имитация китайского экономического чуда. Но без чуда. Ибо за чудом

должна стоять неистовая вера и чудовищная энергия и правда. И если первое есть, второе встречается, то с правдой, как основой русского духа и величия, не получается. А когда нет правды — нет и достижений. Деньги как не каналы в России, так и не канают. Оттого и грустны так евреи-миллиардеры — нет им того почета и славы в стране нашей, как на милом и беспощадно скучном Западе. Ибо там бал правит успех (деньги), а у нас правда (нелогичная и русская), которая и ассоциируется часто с любимым нашим словом «счастье».

В уездном городе в 2007 году тоже появилась мода на слово «инвесторы». Причиной тому стал прогрессивный, умный, технологичный губернатор. Мне он был симпатичен. Тогда казалось, что тучи средневековья, укутавшие город, стали рассеиваться. В город даже вернулось веселье: губернатор устраивал фестивали, вечеринки, привез много стильных и красивых сотрудников и всячески поощрял инициативы, новые проекты, публикации, активно пользовался социальными сетями и другими прелестями новой цифровой эпохи. Мой старый приятель, художник и бизнесмен, которому я помог познакомиться с новым лидером уездной провинции, много и смачно рассказывал мне о победах и больших планах нового лидера, намекая, что и мне может найтись место в этой красивой песне, которую везде называли «растущая инвестиционная привлекательность региона». Иногда, как бы не всерьез, я думал о том, что мог бы работать в уездном городке, строить большую федеральную компанию, играть в своем клубе. Но вспоминал лица владельцев местных бизнесов, и мечты лопались, а на меня из монитора компа смотрели другие лица: цифры финансовых моделей, которые никогда не улыбались и требовали от смотрящего терпения и понимания их будущего поведения.

В детстве мне казалось, что кинотеатр — это храм, в который никогда не проникают пошлость, глупость, лицемерие. В черном зале всегда так спокойно — бегство от мира. Каждый день я думаю пойти в кино. В любое время. Но все чаще смотреть ничего не хочется. И ведь видно, что и режиссер толковый, и актеры молодцы. Но играют они на какие-то доли процента от своего

потенциала. Как будто простаивают в ожидании чего-то большего. Ожидание – опасная штука. Свернуть его вовремя – большая храбрость тут нужна. И по-прежнему все, кто делает кино, влюблены в него. Какая-то суперкоманда воодушевленных людей. Но кто же превращает труд этих людей в довольно примитивные подделки? Мне так все больше думается, что сценарист. Просто вижу, как просыпается жулик-сценарист. Типа неделя осталась до сдачи сценария, получен большой аванс, а мыслей нет, желания нет, и надо как-то развести лохов, то бишь предложить им очередную сладкую на вид жвачку. А тут еще и друг режиссера подослал хитроумного нувориша, который хочет затесаться в историю и пытается втиснуть в сценарий либо свою тачку, либо свою телку, либо своих корешей, либо свою адскую физиономию и предлагает нашему кудеснику 40 купюр по 100 американских рублей. А ведь на эти деньги сценарист может в Турцию в отель с пятью звездочками сгонять. Дрогнет от радости голосок бездарности: ведь за пару абзацев такой навар пришел. И, как и многие парни из шоу-бизнеса, мотнет головой в тиши и примет деньги от страждущего славы. А тот-то и рад: это ж на всю жизнь потом рассказов. Как в анекдоте про Аллу Пугачеву: 80-е годы, Баку, в гримерку певицы заглядывает щуплый азербайджанец в кепке и предлагает за 5 тысяч рублей помахать ему с трапа самолета и сказать громко: «Тофик, до свидания!». Пугачева в замешательстве, но соглашается. На трапе она поворачивается и, глядя на героя и толпу его хищных друзей, говорит заветную проплаченную фразу, а Тофик небрежно и с явным акцентом громко вскрикивает: «Лети, да, лети! Надоела, Эээ, надоела!»...

И потянутся километры бездарных фильмов и сериалов.

Георгий Данелия, замечательный советский режиссер, к своему ужасу угодивший в Новую Россию, в своих ироничных и одновременно грустных книгах рассказывал, как они писали сценарии – это сказочное и упоительное время. Режиссер и сценарист уезжали за тридевять земель, отключались от мира и писали сценарий. День за днем. Переделывали по сто раз. Пили. Не спали. Ругались. Гуляли. Хандрили. Чертили. Ждали прихода вдохновения. Оставались без денег, но не позволяли себе работать на отъе... сь. Потому что это их

творение — то, что потом сотни и даже тысячи людей будут создавать в форме кино. И потом долгие лета будут смотреть люди это кино. Сценарист, на мой взгляд, в наше время больше, чем поэт и писатель. Ведь поэты и писатели ушли в прошлое. Недавно около заплеванного уездного магазина нашел на земле том русского культурного поэта Валерия Брюсова, а у мусоропровода в своем доме — полное собрание любимого писателя Ги Де Мопассана. Сценаристы выхватили у них эстафетную палочку, и теперь они хедлайнеры. А может, они хеллайнеры? Может, они, как и многие современные врачи, найдут в себе силы и сдадут свои дипломы обратно, где их получили, устроятся работать администраторами в хорошие рестораны и будут там менее безопасны? *Let it be.*

Мой отец всегда хотел счастья. Себе, своим рано осиротевшим младшим братьям, своим любимым друзьям (которые внезапно стали пропадать по мере усиления его болезни) и, конечно, своей семье. Со своей женой он не особо ладил. Причина — они разные люди, которые смотрят в разные стороны. Я, его старший сын, был так сильно похож на него по характеру и масштабности взглядов, что, несмотря на его первоначальное тотальное неприятие моих музыкальных пристрастий, моя успешность (весьма условная, но несомненная по меркам уездного города) и целеустремленность превратили его сначала в моего поклонника, а потом в моего фаната. Я приезжал поздно из Москвы, но отец ждал моего приезда и лишь после сыновнего поцелуя засыпал спокойно. Почти каждый выходной он ждал меня как можно раньше к себе в спальню, а просыпались мы с ним всегда очень рано. И это тоже нас сблизало. Я вообще заметил, что тем, кто рано встает, очень удобно друг с другом. Я ложился рядом с ним и начинал рассказывать, как идут дела, какие цены на нефть и другие продукты, какие трения на рынке акций, какие новости на работе и в отрасли, кто всех богаче, и дальше — про богачей (армянский нюанс), знаком ли с этими богачами лично я (улыбка истинного удовольствия проскальзывала по лицу моего отца в эти моменты) и далее по списку. Эти утренние программы были для него истинной отрадой. Я сейчас называю такие выступления трансляциями с «радио „Марат“, частота

007 FM». После этого отец чувствовал себя отменно, и вся неделя шла у него в ожидании моего приезда и нового увлекательного рассказа о моих достижениях и приключениях. Мама всегда стеснялась того, как отец хвалит меня: она считала, что он сглазит меня, но ей, может, и невдомек было, что отец видел в моих поступках свои отложенные и, в конечном итоге, нереализованные мечты. И рассказывал он про себя, называя мое имя вместо своего. Оттого и горели его тронутые первым пламенем болезни огромные карие глаза, что он чувствовал себя востребованным и федеральным человеком — ведь он к этому всегда шел, но желание быть, как он говорил, первым в уездном городе, а не последним в Москве, где ему предлагали высокий пост в Главке (так они звали министерство) и квартиру в центре города, не позволили ему уехать из увядающего уездного города.

В сериале «Игра престолов» люди разделены стеной. Есть люди в крепости. Кто за стеной — одичалые. Попади к ним — и шансов мало. Россия огромна, и, на мой взгляд, очевидный «водораздел» проходит между Севером и Югом. Честный, умный, этичный и точный Север. Лживый, недалекий, безалаберный и приблизительный Юг. Ну и поразительная тотальная неграмотность, как в эсэмэсках, так и в витринах (извени/сэкономте — будь осторожен, корректор!) — ну так за это же деньги не платят... Макс Вебер, немецкий социолог, объяснил бы это географическим фактором: если бы северные люди обманывали друг друга — им не выжить. Из чего можно сделать свой вывод: если бы южные люди не обманывали друг друга — им не выжить. Но есть в южном обмане одна несурзанность: он, как правило, мелкий и быстро вскрывается. А потому обман как бы и не обман, а значит, слово данное — как бы и не слово, а значит — все нормально. А кто мне поверил — сам виноват! Он же, умный и хитрый мужчина, никому не верит, кроме себя! А вот встретится на переговорах недоверчивый северянин — и полюбит его представитель торговой цивилизации. Ибо вместе денег могут заработать теперь товарищи, а ведь, как известно, на юге деньги — единственный критерий ума, величия и всего, чего только можно. Одичалые, жившие за стеной

в сериале, больше жизни любили свободу — и дрались за нее до конца жизни. Одичалые, ехавшие жить в уездный город с югов, больше жизни любили деньги, но ни учиться, ни драться за них не собирались. Ну и, конечно же, простота. Прекрасная и невероятная. Вместо описания прилагаю диалог в кофейне южного города. Сажу в кофейне, спрашиваю: «Шиповник с гибискусом — что это?» — «Ну, гибискус — это такая красная штука. Ну, поняли?» — «Понял». Делаю вторую попытку — заказываю десерт. Три попытки — и мимо: именно этого нет. «А может, убрать из меню?» — спрашиваю. «Ну так это же перепечатывать нужно». Киваю.

Но есть и приятные вещи. Говорю девушке: «Мне нужно поговорить по телефону», она спрашивает: «Мне уйти?» Остатки воспитания.

И люди этой местности неизменны, ибо нет рядом человека уважаемого, короля, князя, президента, ну вы понимаете, который укажет на это как на нечто по-настоящему неправильное.

Мелкие души — порождение мелких правителей и смутного времени.

И соблазнили моего отца сладкие речи его земляков и расчудесные запахи шашлыков, которыми он щедро кормил всех своих знакомых. Увели его в сторону от той прямой дороги, по которой он, как ледокол, плыл столько лет, сманили его похвальбы мелких людишек, которые только лишь за корыстью большой заискивали перед ним, и кривая тропа армянской мечты привела моего сильного и умного отца в царство отсутствующих достижений и несбывшихся мечтаний несуществующей элиты милого его сердцу уездного города. В который вкатился на всех парах и я, гонимый одним единственным порывом — воздать должное моему отцу по его заслугам, которым нет счета.

Дистанционно делать это я больше не мог. Два раза я успевал отбить его у смерти, когда, не веря ошибочным диагнозам местных суперврачей, умудрялся в последний момент сделать операции на сердце (почти инфаркт) и на ноге (почти гангрена) в Москве. Но новая болезнь была ни на что не похожа. Он становился другим

на моих глазах, иногда я срывался. Я готовился к этой битве со старухой смертью, которая обхаживала моего отца не первый год.

Глава 21

Так складно говорит человек, который встречает тебя на вокзале или в аэропорту. Точно знает все причины, цифры, может ответить на вопросы: кто сколько ворует, сколько было потрачено на строительство моста через Волгу, какие у кого «откаты», кому принадлежит новый торговый центр, чем старый губернатор лучше нового, и когда будет следующий, и кто это. Речь льется плавно и убедительно, иногда смакуется местными оборотами. Везущий тебя человек настолько глубок и правдив, что возрождается вера в демократию и всезнающего русского мужика, который после работы не водку пьет и жену по дому с дитями гоняет, а читает первым делом газеты и журналы, а перед сном штудирует Чехова, и не иначе как с карандашом. В этом деле важно не прервать человека, пока он тебя не довезет, ну или пару уточняющих вопросов задать. А ответ будет такой: «Не, ну а как»? Исследования показали, что это стопроцентно правильный ответ на любой вопрос. Ненуакак. Мексиканский лингвист-универсал. А вот если начнешь вдумчивый разговор, твой информатор может погрузнеть и замолчать. Не мог я постичь секрет этого, пока случайно в компании одного уездного деятеля с одним водителем не проехался на вокзал, а потом через пару недель с этим же водителем, но слегка в другом обличье (иногда я выгляжу иначе, в зависимости от настроения и времени года) снова был встречен на вокзале этим же человеком. Я услышал то же, плюс новые вводные, услышанные в машине, когда местный барин ехал на вокзал. Не в книгах было дело, не в аналитике. Просто запомнил

все владелец руля и, как заправский актер, повторил, выдав за Свои мысли. Закошил. Пожужжал. Выступил. Профессиональный местный попугай. А на выборы он не ходит. Он и так знает, кто выиграет. Он на рыбалке. Он устал. От дум. О Родине.

Возвращение в уездный город реально впечатлило меня. Новый энергичный губернатор взялся за дело системно. Как бы это быстро объяснить и не прослыть занудой и умником: если меняется часть чего-то, меняется и то, с чем это меняющееся связано. Тогда система работает и способна показать результат. Тогда ошибка не будет сидеть на заборе и смеяться над тобой. Чтобы территория приносила прибыль, ее необходимо насытить деньгами, построить трубы и провода, по которым хлынут газ, энергия, вода, и тогда в месте, где только бурьян растет, появятся люди, которые сделают продукт, продав который получают деньги. Власти соберут налоги, компания увидит прибыль, а губернатор выполнит свою задачу, вдохнув жизнь туда, где раньше только тени жили. Процесс этот назовут инвестициями, место, которое привлекает такие проекты, звать будут инвестиционно привлекательным. Ну и главное, что следует из этого, — повышение привлекательности региона. Для инвесторов. Такая задача и стояла перед людьми губернатора — повышение инвестиционной привлекательности.

Как сделать это? Книжки расскажут. А мы с моим партнером — художником и бизнесменом в туманном еще 2007 году на все голоса пели оды нашему краю, сдабривая это цифрами изобретательными и ужинами обильными. Товарищ мой по повышению привлекательности родного края представлял собой причудливую смесь ораторского искусства, деловитости и местной душевности. Художник в душе, бизнесмен в натуре, стратег в мечтах, он довольно быстро нашел золотую середину в общении с инвесторами, которая заключалась в том, что он был очарователен. Но чистое очарование трудно превратить в деньги, и для перевода сказанного им в формальный язык писем, расчетов, презентаций и иных придуманных бизнесом шаблонов ему требовался переводчик. Коим стал я. А так как я еще и знал некоторое количество потенциальных инвесторов, задачей моей стало приведение в край родной людей, желающих

расстаться с деньгами. Ну а поскольку надо было куда-то этих замечательных инвесторов приводить и чаем поить, образовался у нас офис, которым надо было управлять, и эта задача тоже дрейфовала в моем направлении. Переводчик, зазывала и клеркошеф — я, как таблетка аспирина, начал растворяться в этих задачах. Так как мой товарищ представлял меня на переговорах как младшего партнера, то без лишних усилий назову своего бизнес-художника партнером. В этом слове есть какая-то двусмысленность: «*partner*», если перевести с английского буквально, будет означать... «частичный», что ли. И тут главное, чтобы в этом слове появилась и буква «е» — честный партнер. В порядочности своего партнера я не сомневался, а разные слухи про его хитрость и прочие наклонности даже считал отражением его мудрости и опыта. И главное, нас связывала любовь к музыке. Он играл на гитаре, писал стихи и, что тогда для меня было важно, поддерживал мои творческие проекты. А задумал я тогда страшное: стать звездой русского рока. О как!

В XXI веке, мне кажется, самым влиятельным человеком становится фотограф. Благодаря его искусству нервные, субтильные и даже весьма плотные люди с невыразительными лицами и жизнью приобретают привлекательность. Сколько миллионов часов уходит на рассмотрение этих отсутствующих достоинств в социальных сетях. Подделки, фальшивки, накладки и иные искажения выбились в лидеры. Я аплодирую фотографам — новым врачам нового мира.

«Когда я слушаю свою музыку, я испытываю чувство неловкости», — сказал великий грузинский композитор Гия Канчели. Я чувствую так же. Глядя на него, грузинского композитора, мне хочется быть лучше. Глубже. Он говорит, что в музыке должно быть как можно меньше нот и как можно больше музыки. Эта формула открылась мне не сразу. Совсем не сразу. И все это я ощущаю, думая о *The Beatles*. У моего нового друга умирает отец, старый битломан. Он хочет сыграть с нами последние три вещи Битлов. Мы с Гитом потратили почти 10 часов, разучивая эти три вещи, последняя из которых — «*The End*» (альбом «*Abbey Road*»). И только в конце

измотавших меня репетиций я на секунду ощутил, как много Джон, Пол и Джордж думали о музыке. Она звучала у них в голове всегда. Всегда. Мы такие же с Гитом. В этом я уверен. И еще Канчели говорит, работая с режиссером, своим другом, Георгием Данелия, он находится в тюрьме. На репетициях с Гитом я как в тюрьме: ничто не укроется от него. И от моего любимого барабанщика — Димона. Он так влюблен в музыку, что рядом с ним хочешь быть лучше и честнее. Уверен, что играть вместе надо только с теми, с кем ты становишься лучше и честнее. Все-таки вначале было не слово, а музыка. Я так думаю. Оттого я все время об этом думаю. Как пещерный человек, гляжу на небо, на них, на себя и хочу стать лучше. Выше. Круче.

Наши дела в уездном городе двигались вперед. Довольно быстро. Офис со скрипом начинал работать. Чудаковатый инвестор, найденный мной на осколках одной корпорации, хотел построить в центре города-мечты первый объект. Мы раздували щеки. И планы. И свои масштабы. Это было время роста. Наших амбиций.

Папа чувствовал себя все хуже. Вечерами, когда я смотрел на него, мне становилось грустно. Он спрашивал какие-то элементарные вещи. На следующее утро снова повторял вопросы. Я раздражался. Это всегда проблема: сильный человек на твоих глазах слабеет, его энергия иссякает. И ты начинаешь чувствовать свое бессилие. И это сводило меня с ума. Просто начинаешь заводиться с пол-оборота, кричишь на официантов, принесших холодный суп или плюхнувших укроп в пасту. Укроп проникал во все возможные блюда.

*Книги, танцы, рок-н-ролл,
Который аккуратно куда-то ушел.
Осенними ночами я зову его.
На бульварах и на улицах не до того.*

Эту песню я сочинил в те черные годы, когда мой отец слабел. А чтобы не так страшно и одиноко было на бульварах, я частенько

зависал в уездных заведениях. Мой партнер часто составлял мне компанию. Под влиянием спиртосодержащих препаратов мы строили планы и приятно проводили время. И в отставку шла печаль. На время. И набирали пальцы номер той, что не прочь. Так и бежали деньки. Инвестиционно привлекательного угара.

В то время я влюбился. Тяжело, надорвано, смешно, нелепо. Надолго. Моя избранница видела во мне известного в городе чудака, у которого есть много влиятельных знакомых, афиши в телефоне и умные фразы. В силу своей широкой женской русской души, она из лучших побуждений при встрече со мной обнимала меня, как бы невзначай прижимая меня к своей красивой мягкой груди, и целовала случайно почти в губы, обдавая меня легким запахом рома и тонких сигарет. Громко и хрипло смеялась, сверкая колдовскими голубыми глазами. Мои новые песни на русском языке, которые я начал сочинять и играть без Гита, были отголоском моей тяги к ней. Я снимал шикарную «трешку» в самом центре, устраивал там сейшны, напивался и забывался тревожным сном. Не всегда один. Не каждый день. Но частенько. В один из вечеров я, почти нагой, взял и сжал ее сильные руки и, испытывая почти физическую боль, попросил ее о близости. Она смеялась. Она просто не могла. Не могла. Не могла. Не могла. Со мной. Я был не ее парень. Не чужой. Но не ее.

Встречаются такие люди в бизнесе, которые всегда в конце каждого содержательного предложения говорят: «Да?!» Например: «Ну, мы будем этот проект делать вместе с банком, да?!» — «Мы придем и предложим им нашу ставку, уверен, что они согласятся, да?!» — «Мы вместе сделаем бизнес-план, да?!» Это как бы то же самое, что употреблять классический уездный прием «Не, ну а как?», только конкретнее. Чем-то похоже на диалог-монолог. Ведь если один в этом диалоге все время утверждает назидательно: «Да?!» — второй как бы и не нужен.

Из наблюдений за такими переговорщиками возникает вывод, что это отражение комплекса неуверенности в себе либо это попытка реализовать себя в качестве некоего педагога. В первом случае это должно стать сигналом для менеджера, что есть проблема

нечеткого понимания проекта человеком, который сам себя подбадривает своим «да». Я в этой ситуации пишу довольно быстро, прямо на встрече, письмо с большим количеством вопросов и в электронном виде посылаю его, а в копии ставлю какое-нибудь третье лицо, которое не участвовало в переговорах и не подверглось атаке изощренного колдуна-негошиейтора-НЛП-программиста. Вы рискуете не получить ответ на письмо, но риск общения с фантазером будет снят. А ведь это экономит много времени, и на место фантазера придет кто-то новый. В случае же, когда «дакает» латентный педагог, надо просто кивнуть и скрыться. Педагогу все равно, кого учить. Пусть жжет свои факелы.

Когда пишешь книгу в Айфоне, он часто делает отпечатки. Порой смешные, а порой очень дельные. По-новому раскрывающие смысл твоих мыслей. Самое простое: пишешь «жарил», а он исправляет «дарил». Несколько раз. Но ведь жарить для кого-то. Значит даришь. Мудр Айфон. Мой дружище. Иногда как-то не по себе, как будто «Ай» читает твои потаенные мысли.

Работая в регионах, сталкиваешься с таким феноменом, как понятийный разговор. Идет обсуждение проекта, например, строительство бизнес-центра, обсуждаются размер вложений, участок, этажность, подрядчики, название, кадры. И где-то на двадцатой минуте я сонным голосом спрашиваю: «А какая ставка аренды квадратного метра в месяц планируется?» Разговор внезапно перестает быть плавным, люди перестают поддакивать друг другу, появляются разноречивые мнения. Но! Цифры нельзя обмануть, с цифрой нельзя договориться, цифру нельзя уволить или забыть. Без нее не будет прибыли. Нет интереса. Без нее не будет проекта. Я полюбил цифры в возрасте около 25–26 лет. В таблице. Ты видишь в небольшой таблице здание, улицу, город, концерт, жизнь других людей.

«Я Вам пришлю таблицу. Заполните мне ее и пришлите, плиз», – говорю я будущему партнеру. И после этого у нас часто нет партнеров. Цифры с ними не договорились.

С таблицей связана одна примечательная история. В нашем офисе работал парень, совмещающий функции водителя и казначея.

Если шефа надо везти срочно куда-то – это он. Ну и если выдать деньги, как правило наличные, – это тоже он.

А так как чтобы выдавать деньги точно, нужно делать график, я сочинил табличку и попросил ее заполнить. Заполнение таблицы цифрами предполагает, что ты знаешь все цифры, а он не всегда ими владел. И злился на меня.

Он не хотел, я заставлял, он жаловался, но тщетно. Мой партнер настаивал на выполнении сотрудниками моих указаний. И как-то раз мы сидели, и я сказал по-дружески: «Пройдут годы, меня не будет в этом офисе, не будет бизнеса, у тебя будет семья, но эти таблицы останутся и будут всегда кормить тебя». Он грустно взглянул на меня. Прошло шесть лет с того разговора. У него маленький ребенок. Офис закрыт. Таблицы, те самые таблицы с формулами, которые он получил от меня, наполняются цифрами каждый месяц, становятся заполненными и убедительными, и кормят его. Несмотря ни на что. Изредка мы видимся. Он улыбается мне.

Смотришь на женщину. Красива. Сексуальна. Стильно одета. Мать-природа создала шедевр. Слегка раздуваются ноздри, длинные холеные пальцы уже невидимо держат тебя за... И зачем-то заговариваешь с ней, а она отвечает скрипучим пыльным голосом: «Я маленько не поняла, чо ты спрашиваешь?»

И только ветер шуршит в голове, и один вопрос: почему эта красота принадлежит ей? И ты свободен. От очарования и мечтаний. Это фишка уездного города. Как бы такой шарм. А вот если бы вместо этого она улыбнулась и промолчала, я бы принял приглашение в прекрасный кунилингус-бар. Уверен: выпивка там была бы что надо.

Успешный человек видит открытые двери. Иначе они закроются. Но ведь чтобы войти в двери, нужны глаза? У людей глаза закрыты. Открыть двери, войти в новый мир, в котором нет условностей и рамок. Это было моей мечтой, романтикой. Только одна группа подводила меня к таким ощущениям.

Американский коллектив *The Doors*. Жил во мне. Основателем и певцом этой группы был Джим Моррисон. Сын адмирала, херувим

из Калифорнии, не любивший устои и порядки. Он передевался перед тем, как зайти в школу, в нормальную одежду, а перед появлением дома снова облачался в униформу. В 16 лет он уедет из дома навсегда и поступит в киношколу, где потерпит фиаско. Непонятый и непринятый в среду ограниченных муви-мейкеров, Джим пишет стихи, поэмы, влюбляется. Его муза, впрочем, как и все сложные и продуманные девочки, вначале увлечется красавчиком, а потом ей станет сложно. Он сильно загрустит. С 1965-го по 1967-й Джим напишет большое количество утонченных, образных стихотворений, которые вскоре станут песнями великих *The Doors*.

Одаренный органист Рей Манзарек станет музыкальным руководителем команды, романтичный гитарист Робби Кригер своими плавающими соло, как узорами, раскрасит песни Джима, нервный и приджазованный барабанщик Джон Денсмор привнесет в звучание *The Doors* нерв рок-н-ролла, который скорее усыпляет и будит в тебе желание исчезнуть. Магический голос Джима жил во мне с 16 лет. Это была отдельная тема. Я обращался к нему как к другу, когда мне было совсем худо, и я шатался по окраинам уездного города, убогие пейзажи которого сливались с моим настроением. Я пробовал петь его песни, но мысль о том, чтобы выступить с этими вещами, была кошунственной. Петь песни Джима значило стать им, а для этого надо было переживать такое сильное отчаяние и отчуждение, что тогда, в начале 90-х, мне это казалось чем-то инопланетным.

Часами я пел эти волшебные песни сам для себя. Иногда мне казалось, что мой голос звучит очень похоже на голос Моррисона. И даже очень. Но спеть кому-то, например, мою любимую песню «*I can't see your face in my mind*» мне не приходило в голову. Это было настолько интимное переживание, что я хранил его в себе трепетно, как тайну. И не подозревал, что судьба неуклонно толкает меня в сторону Джима, делая мою жизнь и мысли все более созвучными песням этого странного певца, умершего загадочно в Париже в 27 лет.

В 2007 году мы играли концерт в маленькой кофейне. Пьяный беспардонный человек вырвал у меня микрофон, я был в бешен-

стве. Началась потасовка. Гит отвернулся и принял сторону быдло-человека. Это был финал нашей деятельности. Пора было расставаться. Я к этому шел давно. Мне хотелось нового и в разных проявлениях. Громче, мощнее, на стадионы, на фестивали. Он хотел играть тише, мягче, в барчиках и кафешках. Убедить его я не хотел. Наша команда распалась второй раз, и я был уверен, что это конец. 16 лет вместе — можно и устать. Но мне было легко. Я хотел делать сам, и только сам. Телефонный звонок вернул меня к реальности. Мама, в слезах, просила меня приехать. У папы начались галлюцинации, которые уже пугали людей...

Я вот думаю, что если бы можно было создать структуру, которую я бы возглавил в большой корпорации Жизни, это была бы Дирекция проблем и разочарований. В нее бы входили: управление по самоубийцам, управление истерик, управление депрессий, управление печали, управление анализа развития разочарований. Штатная численность — 20 человек. Думаю, что мы были бы лучшими в корпорации Жизни. Вот только мне помочь справиться с печалью может только она. Которая так далеко. В городе, где умер Джим... В ней есть сила и деликатность. Рядом с ней хочется быть сильнее и выше.

Но бывает так, что в ней, девушке, которая тебе невыносимо нравится, в которую ты влюблен, может жить «сложная девушка». Это термин многогранный, порожденный эмансипацией, завышенными ожиданиями и бесконечными страхами, переходящими в маниакальные сомнения. Эти три монстра новой цивилизации довели некоторых замечательных женщин до состояния, при котором при очевидной ситуации они пытаются до последнего момента тянуть и не принимать никаких решений, либо считать все время, что сделанное им предложение либо обсуждаемое будущее — что-то не то, а значит, надо подождать еще лучшего предложения. Тут что скажешь? Инфантильность, нерешительность, помноженные на тщеславие, равняются «сложной девушке». Моя жизнь наталкивалась и наталкивается на такие истории. Что делать? Шутить, дарить смешные подарки, приглашать на концерты. И, наверное,

потихоньку забывать. Это болезнь, которой сложной девушке нравится болеть. Она создает у нее ощущение избранности, величия, полета, который заканчивается где-то в 35 лет, когда лучший друг такой девушки – зеркало – вдруг начинает капризничать и показывать фаворитке эпохи морщины, микроотеки и другие чуть видимые черты беспощадного женского увядания. И все чаще сложная девушка погружается в новое состояние: воспоминания о несбывшемся. Тут бы воздыхателю снова приехать на белой *Skoda Superb* с букетиком незабудок, но чьи-то теплые нежные губы отвлекают его от попытки понравиться той, что любит лишь себя. Немного утрировано? Вы думаете?

Иногда в обличье сложной девушки приходит девушка-катастрофа. Если не успел заметить – держись... И ты втянут в водоворот сложных меняющихся картин: перемены настроений (не менее трех раз за время общения), внезапная агрессия (реальных причин нет), возможная истерика (от 5 минут), переносы встреч (от четырех раз при попытке встретиться), неожиданно возникающая нежность (один раз в среднем за 3–4 встречи), апатия временная (до 20–30 минут во время встречи). Это не все симптомы девушки-катастрофы. Но в ней живет чувство к тебе, пусть меняющееся, пусть неконтролируемое, но живет. И, проявив такт и определенную жесткость при снятии с такой страстной натуры одежды и начале проведения процедуры физиотерапии с рекомендуемым посещением кунилингус-бара, девушка-катастрофа превращается в девушку, о которой можно складывать волшебные строфы. Главное – успеть понять, что перед тобой мятежный и страстный человек, которому так не хватает честной любви. И если успел – тогда держись...

Иногда приходят разные мысли. Очень важные и не очень. Успел записать – ура. Я в последнее время успеваю. Вот несколько из последних записей: «Функция „переслать мейл“ разрушила многие тайны и убила кучу посредников и их капиталы, что, собственно, и требуется доказать». «Суть сленга – одинаковые слова». «Кредит стал событием». «Когда любишь, природа перестает быть загадкой».

«Мир очень интересен. Если ты хочешь его понять. И скучен, если тебе все равно». «Мне бы хотелось через тебя видеть эту жизнь, деля с тобой радость и восторг перед ней».

«Порядочный человек – тот, кто делает гадости без удовольствия» (Сергей Довлатов). И я всегда пытался. А когда не получается – ухожу. Иногда кажется, что те, кто обижается, просто пытаются привлечь к себе внимание. Получается, что обидчивые люди – самые одинокие.

В уездном городе я столкнулся со странной вещью, которой раньше не придавал особого значения. Сейчас бы я назвал это словом «ментальность». Я просил сотрудников нашего офиса использовать электронную почту, которая, как мне казалось, является наиболее удобным средством коммуникации. Однако это вызывало большое сопротивление у моих коллег. Потом лишь я понял, что почта, мейлы не воспринимаются ими как нечто важное, имеющее отношение к делу. Это скорее некое развлечение, типа игра, приложение к Интернету, который возможно использовать для разных целей, но, скорее, для несерьезных. Нерабочих.

Много месяцев я пытался ухватить основную проблему уездных бизнесменов. Почему нет ни одной большой компании, ни одного приличного ресторана, ни одного серьезного клуба? И вообще мало качественного. Всего. Это жадность. Плюс лень. Но лень очень естественна. Нежелание тратить деньги на знания, связи, новых людей, новые технологии. Желание дикое и необузданное. Я хочу, чтобы у меня все было, но не хочу тратить на это деньги. Совсем. Как бы сказали индейцы: «Белый человек так жаден, что, когда сморкается, то, что выходит из носа, хранит в платке». В этом есть что-то украинское. Как-нибудь кого-нибудь. Поиметь.

Уездная культурная жизнь чем-то напоминает скучный фильм. Филармония, драмтеатр, ТЮЗ (Театр юного зрителя), пара кинотеатров, пара-тройка клубов, стадион и три музея. Местные газеты печатают известные всем новости под местным соусом, местные каналы не гримируют ведущих, выдавая их с головой, ди-джеи

на местных радиостанциях пытаются шутить и, получая *feed-back* от своих знакомых, чувствуют себя вполне неплохо. Глядя на этот бесконечный сериал в стиле пьес Максима Горького, ноги несут на вокзал либо туда, где нет пошлого и невероятно предсказуемого суетного хоровода уездных событий. Только любить или пить можно в такой обстановке. Если не полюбил — значит, напился. Все хотят пошутить, но мало кто может, все хотят победить, но мало кто решается, все хотят изменить свою жизнь, но предпочитают это сделать завтра. Попытки ходить в театр наталкиваются на череду бесконечных вздохов, приправленных банальными диалогами, которые просто невыносимы.

Создать новую команду оказалось не так просто. Брат был со мной, но найти барабанщика... Где? С моими требованиями? Найти человека, который мне подошел бы, как близкий. Как? Куда идти? Передо мной была пустая дорога. Гитара. И точное ощущение того, что я на своем пути. Не злись, что не можешь быстро все изменить.

Я строил здание на годы, его непросто перестроить. Нужно вначале убрать крышу, аккуратно разобрать стены. Потом отселить на время оттуда людей.

Нанять дизайнера, купить новые стройматериалы. Фундамент останется прежним. И еще нужна новая мебель. Все это займет время. Нужны силы. Ты готовишься к забегу на длинную дистанцию... После бани я смотрел в свой телефон и тупо листал номера ненужных и забытых людей. Зачем-то я позвонил звукачу, с которым мы тогда работали. Он был хорош, но ненадежен. Но он был Близнец. И гитарист. Это немало. «Мне нужен только лучший барабанщик. Есть такой в уездном городе?» Близнец, заикаясь (он так говорил), ответил и прислал телефон. Со вздохом я выпил 100 грамм водки. Заел роллом с угрем. Близкий по духу бармен подмигнул мне. И набрал. Хмельной. Распаренный. Злой на себя. Наудачу. В ожидании тусклого и бесполезного общения.

То, что вам нужно, придет к вам само, если вы не будете требовать того, что вам не нужно.

Глава 22

Дни рождения похожи на фильмы. Голливудские. Неинтересные. Смета дня рождения чем-то напоминает бюджет фильма. Гости — те же зрители. И они купят билеты в форме подарков. Потом будет просмотр. Именинник пишет сценарий. Он же пытается в первые годы режиссировать, но в районе 25 лет наталкивается на ужасную догадку о своей неспособности делать. Это. Ну, придумать пару тостов, ну, правильно рассадить, ну, хорошо выглядеть, ну, вспомнить три хитовых анекдота. Но кто создаст чудо за столом, настроение праздника, как за унылым поеданием салатов и горячего разглядеть отменный юмор и где взять столько шуток?

Я поздравляю людей с днями рождения. Стараюсь лично. И в 37% получаю приглашение на дни рождения. Но в чем трагедия лично моя — на дне рождения нельзя слушать музыку, нельзя читать, надо общаться с соседкой и ее мужем. А они ведь обязательно расскажут о том, как плавали с маской в Египте, или о том, как вкусно ели в Таиланде, как красиво, круто, кайфово, классно было там, где они были. Потом будет рассказ о новой машине, а ведь это не меньше 10 минут. А тут и молодая жена выхватывает эстафетную палочку из рук еще любимого супруга и, слегка подшофе, начинает в форме адского монолога терзать мое ухо рассказами о планах по переезду в новый дом. Но без ипотеки. Цены. Дома. Еда. Дети. Юг. Шенгенская виза. Выбор роддома. Развод подруги. Инфаркт тестя. Щитовидка тещи. Ставка по ипотеке. Одно мое ухо слушает ее, другое именинника, который через 25 минут после мое-

го появления всегда говорит одно и то же, глядя на меня с хитринкой: «А у нас есть творческий человек за столом, который отлично произносит тосты». По странному стечению обстоятельств творческим человеком в великой России все чаще зовут бедного, потерянного чудака, у которого не вышло стать звездой, а теперь он живет в ожидании подачи старых друзей, которые хоть и не такие талантливые, но им повезло и у них есть деньги. Жалкий неудачник-попрошайка не сдается, давно не выступает и не рисует, но ярлык творческого человека жестко приклеен к его лбу клеем людских стереотипов.

Я однажды поздравлял старшего товарища, умного и доброго. Мне хотелось, чтобы ему было приятно, и я говорил о нем как о герое и творце. Оттенил его талант. Говорил эпическим и романтическим слогом. Он сказал, что он счастлив. Говорить правду о приятных мне людях мне не сложно. Надо посмотреть на его друзей, его рубашку, жену, детей. Послушать 10 минут, как он говорит по-русски. И можно поздравить его с тем, что у него есть, — а это, очевидно, родители, ум, красота, чувство юмора, семья, дети и будущее. Если это сделать точно и оригинально — он будет рад. Разве не для этого он пригласил гостей? Узнать от них: кто он? Он и сам знает, но все же подтверждение нужно. А если ты в тостеобразишь его затаенную мечту и мимоходом расскажешь, как ее достичь... Он будет впечатлен. И к тому же ухо отдохнет от слов счастливых молодых потребителей Комфорта. «Я хочу пожелать Виталию любить жизнь так же неистово и сочно, как он делает это всегда. Жизнь любит смелых, а он отчаянно храбр. Будь таким. Не меняйся!» — я поднимаю бокал. На мои красные брюки начинают обращать внимание женщины. Мужчины снисходительно напиваются, чтобы потом по-барски, вразвалку позволить мне порадоваться. Они не знают еще. Я уйду через 30 минут. Как раз тогда, когда пригласивший меня будет доволен. И ничто не испошлит его праздник. «Будь тамадой. У тебя получается. Останься!» — хмельные голоса говорят правду. Но это ловушка. В которую попадают многие творческие люди. «Тамада! Куда же ты?» Я шутил над собой в те годы, обзывая себя Тамадой. Испошленный термин. Смеялся. Над Собой. Не думая и на 5%, что может наступить такое Время,

когда мне будут платить за то, что я Тамада. Продавец слов. Оптом и в розницу. Слова обретали свой истинный смысл. В губах тамады. И превращались в деньги.

Мне каждую ночь снятся сны. Яркие сны. Это моя вторая жизнь. Может, оттого мне не скучно. И я жду ночи. Сегодня приснилось, что я в Казахстане танцую на отборочном туре по фигурному катанию. А танцую под хит в исполнении *The Rolling Stones* «*Little Red Rooster*». Вернее рассказываю, как это будет круто. А ветер на горе дует. И дует. И вдруг просыпаюсь, боясь того, что ветер унесет меня. Может, я боюсь превратиться в маленького красного петушка, про которого мне снится сон?

А еще тем, кто любит отбивать ритм ногами, а я его постоянно отбиваю, особенно в метро, нужно создать условия, когда бы ноги работали, а не только ходили. Это уже реализовано в машине: сцепление — газ, но почему так мало? Например, лежишь в ванне: как регулировать температуру воды? Если смеситель в районе ног. Ногами. А порой этого не сделать. Или руки заняты, а надо позвонить... Как? Ногами! Если бы Стив Джобс был жив, я бы написал ему письмо, и он бы создал «ногофон». Мне не надо денег, Стив. Я рад, что помог людям. Приятно чувствовать себя новатором. Локатором. Оратором. Тщеславие, вы думаете? Все еще? Живет во мне? Да. И еще как живет.

Вчера ночью смотрел на одну девушку-пианистку и придумал новый фильм. Про вдову. А она спросила: «А как же брошенки? Женщины, которых бросили мужчины». Утром думал над этим. Брошенка. И вдруг понял, что это имя. Польское имя. А польки — самые красивые в мире. И как только тебя бросили — ты в клубе красоты, а имя у тебя теперь не Наташа, не Оля, а Брошенка. Во всем мире. Получается, в России: Брошенка Петрова, в Армении — Брошенка Айвазян, в Израиле — Брошенка Коган, в Германии — Брошенка Кох, во Франции — Брошенка Кассель. А в Польше? Тут могут не понять...

Западные женщины, выросшие (в своей генетической памяти) в борделях Европы, всегда стремились к деньгам, а поэтому им

не так страшно быть брошенками, они уже с детства знают, что такое заработок. Генетически. Поэтому искать надо немку: когда тебя не будет, она воспитает детей, заработает денег. А потом... Убьет врага. Заберет его деньги. А если бы у нас с 1917 года вместе с гостиницами работали и бордели – жизнь была бы четче и краше? Не уверен. Может, поэтому и бегут наши Парни от «ихнего» распорядка и размерности? Тоже женского. Трудно сказать. Трудно. Но к ним – новым женщинам. Не хочется. Сильно. Не хочется.

Как же называть новую группу? Новую русскую группу? Может быть, «Цветы и шоколад»?

Ужаснее всего, когда не можешь спасти того, кого любишь. Я смотрел на спящего хрипящего отца. И плакал.

Работая клеркошефом, я все чаще и чаще оказывался на встречах. С инвесторами, псевдоинвесторами, подрядчиками, с людьми, похожими на деловых людей, юристами, бывшими бандитами, директорами никому не нужных союзов и ассоциаций, успешными людьми, людьми, чем-то похожими на успешных людей, журналистами, просто жуликами. И иными производителями пустых разговоров. Я так благодарен пустым разговорам. Ведь это вырабатывает отличную способность к двоемыслию – об этом можно прочитать в книге Джорджа Оруэлла «1984». Ты слушаешь пустослова с одной стороны, а с другой, если с тобой комп, довольно быстро работаешь под рокоток уездного болтуна. А ведь он, в сущности, не болтун. Просто не понимает, зачем мы встретились, и ждет того, кто обобщит его 40-минутный бред и (!) сделает вместо него вывод и предложит решение. Это как раз я и есть.

Представляю: работаю второй месяц директором по стратегии местного некоммерческого партнерства. Выражаю за несколько строительных фирм их желание заработать (в форме устной речи) перед инвесторами. Посылаю вместо них инвесторам презентации и отвечаю на их, инвесторов, вопросы. В общем, с точки зрения местных купцов, ерунда какая-то... Я же не строю. А я и не спору.

Русский строитель, он как русский секс — бессмысленный и беспощадный... Дальше — больше. Меня начинают включать в разные рабочие группы: по выделению субсидий молодым бизнесменам, по разработке стратегии региона, по обсуждению чьего-то обсуждения и т. д. И они собираются. И говорят. Каждый о своем. Имитация бурлит. Кто-то скажет путное. И снова беспутные вторят ему и делятся своим опытом. Около двух часов длится словесный порожняк. Проблема — когда садится ноутбук или Айфон. Приходится их слушать. Но! Ура! Всегда в зале сидит женщина. Красивая. В черном коротком платье. В сапогах. Слева от тебя. На стуле. Кладет ногу на ногу. Тяжелое бедро слегка обнажается. Это правая нога. Хочется надеть шапку-невидимку, встать на колени, раздвинуть ей аккуратно ноги, сняв одну ногу с колена, положить свою голову между ее ног и, вдохнув жаркий сладкий воздух ее, вздохнуть и заснуть. А она смотрит на тебя умоляющими глазами, но молчит... И потом прикрывает глаза и молчит. За столом она сидит. Никто и не обратит внимания на ее слегка разведенные и слегка подрагивающие ноги. Совсем слегка. И шея иногда назад. Это мне не спится.

«Коллега, а Вы согласны с предложением создать рабочую группу для выработки инвестиционного регламента региона?» — я вылезая из-под такого сладостного стола и четким голосом говорю: «Да! В краткосрочном периоде считаю это целесообразным и эффективным. Готов дистанционно в ней работать. Я всегда на связи».

А «моя» девушка, которая еще минуту была со «мною», кому-то строчит эсэмэс. Знакомлюсь с ней после заседания. Но армянская внешность отталкивает приличных женщин. А что делать? Давно хочу стать блондином, но отец против. Вот и мучаюсь. Десятки лет. Напролет...

А я так люблю женщин в костюмах, которые сидят по фигуре!

Мобильный звонит — мама... не вовремя... Просит приехать домой. Плачет. Отец упал. Разбил коленку. Опять звонят. Телефон все больше и больше раздражает меня. Попросят приехать на заседание рабочей группы. Опять звонит. Где же найти врача? Нормального, а не члена рабочей группы. Пожалуй, нигде. Партнер звонит.

Предлагает поужинать. Надо выпить 100–200 грамм – и отпустит. И немного пива. Может, что-то придет в голову? «Мне кажется, мне кажется: налью сто грамм – и свяжутся две мысли, как две (забыл слово) в узелок». Так и бегут мои будни. Около 22:00 думаю, что подруги у меня нет, а дама из рабочей группы замужем. Пишу эсэм-эс кому можно. Кто-то отвечает. Куда-то еду. Что-то говорю. Домой не хочется. Надо дожить до утра. Надо.

ДКЖЛ – формула местного счастья. Джип. Коттедж. Жена. Любовница. Не, ну а как? Джип. Коттедж. Жена. Любовница. Джип. Коттедж. Жена. Любовница. У меня нет Джипа: мой длинный Седан по прозвищу «Лексус» мне милей, и ноги вытянуть можно. Коттедж мне не по душе: слишком много по нему надо ходить. Жену я потерял. А потому с любовницей тоже пролет. Но серьезные парни, живущие по формуле ДКЖЛ, всегда у меня вызывали сложное чувство стеснения. До сих пор я их сторонюсь.

Дождь стучит по крыше. Ритмично. Мне кажется: там, где идет дождь, вырастает самое большое количество барабанщиков. Ведь они с малых лет чувствуют ритм дождя. Вот лежишь в люльке и чувствуешь ритм. Как тут не начать барабанить?! Нереально.

В караоке-зал я стал ходить тайком и пел там, чтобы понравиться отцу. Батя очень хотел, чтобы его друзья были довольны. Я научился и изучил русский. И не смог спеть песню «Я люблю тебя до слез». Просто не мог вытянуть. Не мог. Смог через шесть месяцев. Дальше – больше. Антонов. Магомаев. Лепс. Саруханов. Синатра! Его песни больше всего нравились отцу. И вот я в своем любимом клубе «Самолет» пою целыми ночами. И первый диск «Любимый отец» уже сделан и крутится с утра до вечера в машине отца.

В России в караоке поют или шансон, или рэп. Может потому, что музыка в СССР была красивая, но слова мало что значили? Вранье было везде. А в шансоне и злободневном колючем рэпе его намного меньше. Люди хотят правду. Трудно. Жить. У нас. Без. Правды. А с правдой. Очень тяжело. Вот и разделились все на тех, кто живет без правды, но за это получает деньги. И комфорт. Однако ближе к 45 годам количество неправды

в таком человеке увеличивается. Нарастает. Нарывает. И он умирает. А те, кто по правде живет, могут умереть от такого же нарыва, который образуется из-за ошибки врачей или судей. Ведь врачи и судьи не по правде живут... Круг. Замкнутый. Русский. И вырастут дети, не познавшие правду. И повторится круг. И неосознавшие свое прошлое проживут его снова. В других домах, машинах и условиях. И лишь закрытые библиотеки стоят, как памятники иной, сильной и мыслящей культуры. Но скоро книги пропадут, вывески сменят. А так как новый Иван никогда уже не сможет прочесть книгу, никогда он ничего и не узнает.

Сетевой бизнес убивает душевность. Хозяин не придет к тебе с улыбкой. Официанты будут меняться каждый квартал. Нет отношений — нет истории. Нет правды. Нет. Я в рестораны хожу к знакомым директорам и официантам. И как будто я дома. И как будто легче. Расправится грудь. Распрямится лицо. Даже когда контролерша с восторгом говорит, что мест нет, а они потом находятся в зале, — в этом есть душа. Оттого и ходят на рынок люди. Поговорить.

В нашем офисе раздался громкий грубый смех. Животный. В мой кабинет ворвался сгусток энергии. Невысокий, поджарый, очень жесткий, притворяющийся простаком и строителем. Я буду звать его Прорабом. Не люблю строителей. В России строитель — это смесь инженера, барыги и мужлана. Как правило. Этот коктейль, приправленный матом, вычурной либо безликой одеждой и самодовольством, просто невозможно пить. От них плохо пахнет, они громко и некрасиво говорят. Звери. Владеющие сметой, пилящие ее, ибо трудно ее проверить. Оттого и растет их мания величия. Но, как и все купцы, достигнувшие первого миллиона, они быстро стареют, дуреют и доживают свои дни воспоминаниями и пьянками с корешками. Так как они — строители, у них есть земля, квартиры, дома: когда заказчик не платит, они берут натурой. Поэтому их часто принимают за обеспеченных людей. А у них кроме этого ничего и нет. И мыслей нет. Кроме одной: где бы найти заказчика. Инвестора. Богача. То бишь лоха. А как говорит Братишка, жизнь

плоха без лоха. Так они и живут в своем строительном мирке. Воруя друг у дружки. Строители.

Прораб на 50% был строителем, но странный, ироничный взгляд выдавал актера. Кукловода. Он еще и левша. И не пьет. Слишком громко смеется, чтобы скрыть истинные замыслы. Слишком точно отвечает на вопросы для простого барыги. Слишком жестко отсекает ненужное, чтобы быть посредником. Я рассказывал ему о планах. Он внимательно слушал. Выпаливал порой бессвязные фразы. Но он глубоко понимал меня. Он все запоминал. Вычленял нужное. Но он был упрям. Не просто упрям. Непримирим. Но иногда — редко — соглашался. Он был основной зарабатывающей частью проектов. Не понимаемой многими, не проницаемой для контролеров и аудиторов. Мы в первый год часто ругались. Он никому не подчинился. Тогда я считал, что он наша проблема. Партнер ласково журил меня и просил быть мягче с Прорабом.

Но смех Прораба меня обезоруживал. Я стал частенько с ним шутить. Он любил жизнь. Он был живым. В городе, где все чаще я встречал лощеных и холеных мертвяков. В его душе работал мотор.

Этот образ мне был так близок. Я решил назвать новую группу «Моторы». Три вещи на русском языке были готовы. Пора было начинать репетировать. Мой новый барабанщик был тоже Мотор. Ар, мой родной брат, иногда барахлил, но работал как надо. Первая репетиция новой русской (!) рок-группы была назначена. Это было безумием, но отчего бы нет!

Это было новое. Живое. Я люблю живых. Очень люблю. Больше красивых. Больше умных.

Недавно я вышел из одного медицинского центра. В розовых брюках и высоких черных сапогах. Бордовом пальто и светло-синем шарфе.

Ко мне подошел быдло-упырь и сказал: «А чо, модно в розовых брюках ходить?» — его уродливые флюиды не тронули меня. Он хотел продолжения своего бессмысленного дня. Мне нельзя драть-ся: пальцы могут пострадать — я гитарист — и лицо — я певец. Я просто посмотрел на него и ничего не увидел. Пустота. Зачем гово-

речь с тем, чего нет? Он осунулся и ушел. Несчастливым. Он мечтает о таких же брюках, но знает, что его дни сочтены... Я не дал ему и на 1% приблизиться ко мне. Он — бродячий уездный мертвец.

А желательно с мертвецами не общаться...

Позвонил телефон. Очередной мертвец просился увидеться. Дверь открылась. На пороге стоял парень, который когда-то играл с тем самым моим лидером. В далеком 1994 году я увидел его на сцене. Он был лучшим басистом мира. Я мечтал играть с ним все эти годы. Но теперь на базе родной брат. Он улыбнулся. Сейчас он был дизайнером. Я вздрогнул. Двадцать лет ждал. Его. И он пришел сам. Мы обсудили наш сайт. Он был умен, но одинок. Утончен, но робок. Глубок, но полон сомнений. «Может, пообедаем?» Он ответил: «С удовольствием». Он еще не знал, как долго я ждал его прихода... Двадцать лет.

Глава 23

И вот получаешь эсэмэс: «Старик, срочно нужны деньги. Одолжи». Этот вопрос – как самый главный вопрос отношений. Как смысл бытия. Как Кантовское звездное небо. Эта просьба по своей внутренней важности чем-то напоминает проверку на милосердие. И ты хочешь помочь другу. И ты знаешь, что он не отдаст. И ты знаешь, что ты потеряешь друга. Потому что он будет придумывать, оттягивать. Юлить. И ты будешь терять к нему чувство. Потом, через два года, он отдаст. И потери будут невелики – инфляция и т. д. Но что-то сломается, что-то развалится. И боль придет в сердце. О потерянном. Друге. Прошлом. Ты упустил друга за 2 тысячи долларов? Так подари. Он второй раз не попросит. А если нет возможности – отказывай. Сразу. Холодно. Неприятно. Быстро. Скучным голосом. И он поймет и простит. Потому что сам такой же. И выдержит Ваша дружба. Погнется, но выдержит.

А с девушкой другая история.

Тут начинания длинные и сложные мысли. Переговоры.

Тут ты создаешь новую реальность. Тут ты творишь...

Изменение картины мира в новом мире, где бал правят толерантность и боязнь дискомфорта, привели к тому, что родители общаются с детьми как дети, а дети с родителями – как родители. «Дай срок», – говорит Василий Шукшин. И пошел срок. И вот несчастный отец ждет, когда ему наберут забывчивые дети, которые увлечены Айпадом, который купил добрый родитель сыну, который

так увлечен заморским гаджетом, что забывает позвонить доброму родителю, который не понимает, почему его сын, который так увлечен им же подаренным гаджетом... Мой отец был бы, наверное, шокирован этой слабостью. Дети не почитают родителей, родители стесняются детей, мужчины раздевают мужчин, женщины выбирают из списка доступных особей самого комфортного. И вот стукнет отцу 64 года, и получит он сыночка открыточку электронную, мол, держись, батя, и *be happy*. И так до следующего года. Ведь батя уже немодный и на пенсии. Да и некогда сыночку: столько фоток в телефоне отсмотреть нужно. Ну, право, не до бати. Ну, сорри. Ну, дела у него. Срочные дела. И у этого гражданина тоже дети. Понимаете, как они к нему относиться будут, когда ему будет 64? Зачем они нужны? Такие дети... Бороться со стыдом. Тратить каждый день на то, чтобы заглушить этот позор.

Любить и быть любимым — это далеко не все, что дано человеку. А тут один бесконечный стыд и суета.

Не прекратить ли этот карнавал? Отцы. Родные. В пекло.

Некоторые говорят, что мне везет. Вчера был на конференции по бизнес-образованию. Ехал туда в сотый раз, спрашивая себя: зачем? Да, я хотел бы преподавать в бизнес-школе в Москве. Но в важной. С именем. Чтобы ей руководил уважаемый мной экономист. Взрослый. Не временщик. Не проныра. Чтобы у нас были общие уважаемые мной знакомые. Есть только несколько таких человек. Например, Абел Аганбегян.

Выхожу на мрачное Каширское шоссе. Некрасивые люди на остановке. Студенты, похожие на пэтэушников. Запахи будущей нищеты все чаще ловлю я на остановках... Атлант расправляет плечи.

Попадаю в закрытый режимный объект. На входе ужасно. Мучаюсь с проходом. Мой коллега, который спешит, как и я, тоже мучается. У него большой нос, значит, армянин, но голубые глаза и высокий рост, значит, есть русская кровь. Может быть. Просто выбрал его из холла, потом снова столкнулись. Случайности. Помог найти ему зал. В этом месте в вузе живут бесконечные слабость и вялость. А я люблю силу и скорость. На конференции уныло.

Ведущий только хорош. Мы дружим. Но он очень одинок. На трибуне.

Задаю вопросы. Оживляю зал. Мой товарищ с носом вдруг начинает выступать и все время смотрит на меня: выяснилось, что он декан Высшей школы экономики Российской академии народного хозяйства. Что-то между нами проскочило. Может, на входе — и он все время смотрел на меня и... Я думал об этом и взял слово, в котором похвалил его и сравнил со Стивом Джобсом, — он после конференции сразу предложил преподавать в своей бизнес-школе. Дал телефон девушки, которая все устраивает, и все время переходил с русского на армянский... Спрашивал, куда повезти на обед скромных индусов. Вокруг так же, как и всегда теперь, были китайцы. И люди с животами. И перхотью.

Мы вместе были недовольны... А это сильно сплачивает. Реально цементирует отношения. Частенько бывает так, что мы ищем кого-то на трибуне, а рядом с тобой тот, кого ты искал столько лет.

Мой новый знакомый дал мне проспект своего места работы. Вуза. Этим вузом рулит Абел Аганбегян — один из лучших экономистов СССР... Что вы сказали? Мне снова повезло?

Вечером почему-то оказываюсь на Неглинной в удивительной гостинице «Арарат Хаятт». Мой бывший шеф, с которым я как-то начинаю дружить, пригласил меня пообщаться. Он почти всегда занят. 10–15 минут. Я взял брата. Хотя ни места, ни беджика для него не было. На конференции. Ни о чем. Американец на красивом английском говорит, что мы уже давно забыли. Но фуршет отличный. Вино могло бы быть лучше... Брат и шеф-друг общаются непринужденно. Шеф-друг реальный финдир. Брат тоже. Но Ар хочет расти. Он золотой зять. А я его трамплин. Общаемся час. Это, как бы сказать, нереально много для моего друга-шефа. Я чувствую, что у них может получиться. Ведь мой прекрасный шеф скоро устанет. Кому отдать знамя? Уставшим с ним? Вы думаете, мне опять везет?

И вдруг приезжает она. Моя будущая певица. Ее зеленые глаза заставляют меня забыть о друге-шефе. Даже мысли о брате притупляются. Вино не действует. Внимание рассеивается. Я начинаю петь. Она не поет. Она плачет. Она улыбается. Она злится. Она прерыва-

ется. В ней так много жизни. Много. Ее глаза сияют. Граждане смотрят на нее. Она очень молодая девушка. В ней живут большое стеснение и невероятная страсть. Она живая.

Я бы хотел девочку. Алису. Она бы жила по адресу: проспект Победы, 50/23, кв. 30. Детсад рядом с работой, дом справа, крайний вход. Я бы отводил ее в садик, как когда-то бабушка Лида отводила меня. И этот поход настолько важен, что трудно описать. Где моя Алиса?

Отношения с песнями носят сложный характер. Они зарождаются порой годами. Потом мы сближаемся. Аккордная сетка — как первое свидание. Первый концерт — как первый поцелуй. Ты губами поешь песню — и вот она целует тебя в ответ. Потом начинается роман. Первый год — упоительные отношения. Ты постоянно думаешь о ней. Когда ты ее поешь, ты паришь. Но вдруг на концерте ты как бы случайно ее пропускаешь. На репетиции как-то тоже она все чаще не в чести... И твоя верная песня отправляется на скамейку запасных или иногда появляется на бис. И дрябнут ее щеки, глаза подернуты слезами. Песня просит: «Ну плиз, спой меня еще раз, сыграй!» Но ее подруги — новые песни — стаскивают с меня одежду и увлекают с собой, внушая мне новые. Мысли. Фантазии. Нашептывают в мои уши все новые и новые слова новой песни. А старая песня, если она записана на диске, благодарит меня приветственным словом и утирает слезу, а если не записана — воет как волчица, понимая, что ее песенная жизнь окончена... Есть, правда, песни, роман с которыми бесконечен. Они меняют наряды, иногда аранжировка делает эту новую песню просто новой суперкрасавицей. И ты снова с ней. Как в первый раз. Такова моя любимица «Hey Joe». Я играю и пою ее уже почти 20 лет. И были и жесткие чувства, почти хард-рок, потом немного фанка. А сейчас, когда мы вместе, она отдается нам троим так порой, что у Гита, как в юности, наступает неконтролируемое чувство, близкое к множественному трехминутному оргазму. Если ты любишь песню по-настоящему — она тебя не предаст. И возраст ни при чем. Ни при чем. Просто песни

борются за твое внимание. Это твои дети. Приемные. Их родили другие люди, а ты их удочерил...

Но есть и свои дети-песни. Сейчас слушаю такую. Я назвал ее *«Вальс для инопланетян»*. Пришел месяц назад в некий дворец, где мой барабанщик репетирует с новой прекрасной группой, чьим поклонником я стал. Доктор втыкает в меня иголки под их музыку. И они как-то гармонично входят в меня, как будто под музыку. Увиделись. Начали джемить. И... Получилось. Хвала пальцу, нажавшему на запись. Отцом этого вальса стал я. Матерью выступил гитарист. Он придумал нашему созданию звучание и раскрасил его в космические цвета. Гитарист этот похож на человека без времени и эпохи. То ли Курт, то ли Сид Баррет, то ли друг Мика Джаггера. Он честный и открытый талант. Он раскрашивает музыку и всегда на связи с важными открытиями. Роды принимает наш любимый барабанщик Димон. Он просто ангел. Его старший сын вчера погладил меня по голове, когда я играл на гитаре. Что тут скажешь.

Добрый, искренний и картавящий трубач играет в этом вальсе зов сирены. Труба переплетается с басом, окутывает сладким травяным дымом барабаны и становится отголоском волшебной гитары. Переплетение мыслей и чувств порождает гипнотический вальс, под который скоро будут танцевать во всех танцевальных студиях Марса и Венеры. Инопланетяне уже ждут от меня финальную версию. Сейчас, только название для группы придумаем. Хотите послушать?

Все чаще и чаще оказывался я на кладбище. Но меня не сильно пугали эти поездки. Наоборот, я чувствовал странное успокоение здесь. И умиротворение. И я частенько слышал звуки группы Дорз. Болеющий отец, врачи, растущее отчаяние оттого, что я не могу помочь отцу, привело к тому, что мысли о моей потерянной любви, очень частые сны о ней, стали уступать место мрачным мыслям о папиной хвори. Огромные глаза отца с такой нежностью смотрели на меня, что вся моя система защиты сразу разрушалась и горе неспешным ходом подбиралось ко мне. Знаю, что современным юношам странным покажется такое сильное мучение оттого, что болеют отцы. В современном западном мире и, увы, все чаще

в нашем нет места нежным отношениям отца и сына. Современный западный Никуда не ведущий путь рациональной траты времени учит, что жить надо отдельно. И своей головой.

А я не хочу отдельно! Я хочу видеть моего отца каждый день. Сидеть с ним за одним столом. Есть вместе с ним и гулять. Брать его на свои концерты, потому что мой отец мне как сын. Который становится все моложе и скоро станет дошкольником. Как Бенджамин Баттон из фильма Дэвида Финчера. Как будто всего себя отдав мне, постарел и сжался мой отец. Его лицо, суровое и властное, становилось все больше грустноватым и задумчивым. Он очень любил рассказы о моих победах и достижениях, поэтому я не мог не радовать своего любимого отца.

А разве кто-то еще повеселит Отца, расскажет ему анекдот, купит пальто или часы, наймет водителя, пригласит на концерт кроме как Сын? Быть сыном — это не просто носить фамилию отца...

Пытаюсь вспомнить... как так вышло, что я не смог постареть? Мне никогда не нравилось что-то копить, чего-то долго ждать, медленно и спокойно жить. Мне нравится скорость, движение, темп жизни. Просто я парень. По-прежнему парень. Который не хочет становиться взрослым.

Недавно я решил со своим доктором, что я буду молодеть. И я вдруг стал. Стал румянец проступать. В зале сбрасываю вес. Кожа разглаживается. И мне это стало нравиться. Признать, что я становлюсь Дорианом Греем, — признать себя сумасшедшим. Но я чувствую — это так. Только не могу понять, где спрятан мой портрет, отражающий мои сущность и истинный возраст? Где же он висит?

Мне кажется, я неплохой писатель. Я пишу в разных экстремальных ситуациях. Например, когда милая склонилась над тобой, вместо того, чтобы любоваться полужакрытыми глазами доброй девушки, которые проносятся передо мной, беру Айфон и начинаю писать свою книгу. Которая стала владеть мной, и никто не может освободить меня от нее. Никто. Полтора года я как проклятый пишу этот роман. И он все время со мной. В телефоне. Не даст мне покоя, пока не напишу. Это рабство Творца. Рабтвор — новый тип человека. И мне каются люди, что тоже хотят стать Рабтворами. А я их отгова-

риваю. Вот сейчас. Дернуло! Я же пишу во время процедуры, когда девушка своими теплыми усилиями освобождает меня от вялой жизни и награждает меня полетом под потолок. Под мой «Вальс». Замкнул систему удовольствий – сам от себя получаю кайф. Дориан Змей.

Опустошительный нокаут настигает меня. Айфон выпадает из подрагивающих рук. Перерыв.

Умер дядя. Последний родственник мамы. Заканчивается история ее семьи. Первый брат покончил с собой. Не смог справиться с трудностями и криминальным настоящим его мамы и брата. Бабушка – сильная и жестокая – блюла свой интерес во всем и была далека от людей в принципе. Младший дядя – красавец и гангстер – потерял смысл жизни после смерти матери и легко ушел. На кладбище собралось много некрасивых, чужих и безразличных к дяде людей. Водка и лень – ВЛ – лишили их жизни и будущего. Все они не работают, курят и говорят про деньги. У всех висячие животы под темными рубашками и черные туфли. Туньядцы. Странная мысль пришла мне: «тун» – по-армянски дом, «ядец» – отравленный или просто не очень сильный яд. Они туньядцы-домоядцы. Бедный Айфон не может написать это слово – все время исправляет. Постоянное праздное пребывание в доме отравило их, и теперь они доживают свою жизнь. И я – часть этой жизни. Вроде. Как так?

В 2001 году я неожиданно для себя открыл прекрасную команду из Питера «Пилот». Их ранние альбомы радовали мое сердце. Лидер команды Илья Чёрт стал на время моим музыкальным другом. Яркий, умный, обаятельный, талантливый парень. Я сдружился, как всегда, с барабанщиком. Бесшабашным и очень добрым Колей. Мы стали общаться. Илья раньше играл западную музыку, и во многом это звучание, особенно из альбома «Наше небо», подтолкнуло меня к идее создания мощной гитарной музыки, но на русском языке. Эти мысли, как семена, жили и росли во мне.

Отец просыпался рано. Я тоже. Звездное темное утро. Я всегда любил его, но в те годы его болезни это означало, что отцу не спится, а значит, надо его поддержать, подбодрить. Когда у человека болезнь Паркинсона, ему порой трудно самому открыть шкаф или – особенно – взять таблетку. Еще звездное утро для меня – это поездка на сдачу чего-то. Экзамены, отчетные планерки, анализы. Врачи любят брать анализы утром рано, пока не набежали пациенты, а так как и анализы я сдавал вне очереди (по блату), темное-претемное прелестное утро, с одной стороны, восхищало меня, с другой – будоражило. А разве не здорово приехать домой после выполненного дела и отдохнуть, а в это время все как раз выходят на работу, а ты будто с ночной смены. На третьем студийном альбоме я записал свою песню «Morning». В ней поется о том, что утром все будет отлично. Я уговорил Гита сыграть там нетипичное для него соло в стиле брит-поп. Главное, чтобы оно наступило. Утро. Утро. Утро. Утро. Утро. Утро. В утре есть магия. А в нашей стране верят в магию. И около 50 млрд \$ уходят магам и колдунам и гадалкам. А зачем платить насквозь продажным врачам, безликим и безразличным? Лучше магу – тот хоть даст надежду. И улыбку.

Как обычно живет город? Небольшой. Все работают, не слишком упорно, потому что вечером в силу маленьких расстояний надо быть дома. Там жена, дети. Рядом друзья, с которыми совершенно естественно увидеться. Потереть разные темы, посмеяться над заезжими и, как правило, чуждыми москвичами, рассказать про планы на отдых. Правда, при смехе над москвичами возникает, как правило, одна пауза, после которой идет фраза: «Ну, все-таки деньги у них есть. Так что придется общаться». А если у «москвича» нет денег? Значит, не нужно? По мне – такая психология и вложена в слово «провинциальный». Некое странное и ущербное мировоззрение, основой которого является убеждение в том, что, дескать, мы – настоящие люди, живущие в непростых (то бишь не шикарно оплачивающихся) условиях, и большие молодцы, а вот есть некие живущие в Москве люди, которые куда как хуже, ну ладно! Точно не лучше, а денег зарабатывают больше и поэтому у них понты есть, и деньги они транжирят на рестораны и брендовые шмотки,

и т. д. И вот сидит на встрече с «москвичами» такой умник и все время смотрит на часы, и пытается быстрее уехать. По делам. Которых нет. Давным-давно нет. Просто соседи по коттеджному поселку в 7 вечера пригласили на шашлык. И это важнее важного. Выпить водки ледяной, хрустнуть зубами парную свининку, обнять соседа и, глядя осолопевшими глазами на звездное небо, поорать: «Ну ее на хер, эту Москву! У нас такой кайф. Скажи, Серега?» А Серега согласен. Очень даже согласен, но вот только ему узнать не терпится телефончик этого мерзкого москвича, которому повезло, который торчит в пробках, который по прихоти начальника торчит на работе до 9 вечера, а его начальник по прихоти акционера торчит на работе до 10 вечера, а его акционер по прихоти бенефициаров (более правильных акционеров) из Лондона торчит на работе до 11 вечера, и приезжает дурной такой москвич домой в полночь, а утром снова на работу... И поэтому взгляд у такого парня сосредоточенный, а не расплывчатый, обсуждает он все в деталях, а не в общем, говорит и думает быстро и все сразу, а не по принципу «ввяжемся в бой, а там разберемся». А потому в уездных городах и не любят москвичей. А особенно не любят в главной столице — Питере. Потому как это Питер. Детка. А это вам не там. Вот на таких афтепати после встреч с потенциальными инвесторами и оказывался я все чаще. Приходилось выпивать, потому что без этого на таких встречах Можно Сойти С Ума.

А в пятницу вечером после очень тяжелой недели в середине двухтысячных мы шли в клуб. Себя показать, на людей посмотреть. А клуб — это как корпорация. На ресепшене вместо девушек фейс-контрольщик. Улыбается мне. Знает, что и похвалю, и шефу шепну, что он молодец. «Ты по-прежнему лучший!» — жму руку симпатяге, за добродушной улыбкой которого скрывается беспощадный боец. Бывший боксер. Иду дальше, и вот вместо секретарей встречает милая хостес (встречающий гостей администратор). Красивая, стройная и всегда улыбается. Знает, что если мне что-то не по душе будет — обязательно директору доложу, поэтому со мной она настороже. И хорошо. Прохожу к бару. Там главные специалисты компании, профит-центр — бармены. Отдельная история. Люб-

лю барменов. Я сам бармен. Настоящие психологи. Интуитивисты. По глазам, рубашке и выговору сразу определяют, сколько у тебя денег и какая машина под тобой. Бармены любят тех, кто: 1) оставляет чаевые, 2) много заказывает. В первом случае это их прямой заработок, а во втором – через пару клиент уже так набрался, что не особо врубается – у него виски *Balantines* или *Glenmorange*. А ведь разница между ними в 3–4 раза по цене. А если он еще и свой «Балантайнс» пронес (ну хотя бы 0,7 литра) и в течение ночи его вместо «Гленморанжа» аккуратно разлил, вот и прилипло к рукам бармена баксов 100–150. Ну, не все так просто. Камеры, касса. Но ведь в разгар ночи, когда дым коромыслом, народ атакует барную стойку, кто обратит внимание на 10–15 неучтенных порций вискаря? Обратит. Один. Единственный человек. Который все видит и все знает. У которого интуиция, как у сапера, который чувствует запах бомбы, лежащей в пяти сантиметрах. Этот человек появляется, как черная метка, как предвестие проблемы, как страшный сон. И сжимается сердце бармена, который не просек, что тот смешной кавказец, то бишь я, которому он лил паленый *Glenmorange*, – засланный казачок этого всемогущего человека, и этот «хач» одной рукой треплет бармена-жулика по плечу, а другой набивает эсэмэс о том, что обман за барной стойкой живет. И побледнеет официантка (это, кстати, мои любимчики) оттого, что просто забыла на 20 минут в ревущем зале про компанию, которой срочно надо было выпить и закусить, и мне пришлось их по старой дружбе обслужить. И об этом эсэмэс тому самому человеку пришла. И... Но кто-то трогает меня сзади? И добрый мягкий голос говорит, лаская ухо: «Старик. Послушай. Рад тебя видеть!» Это он подошел ко мне. Наконец-то. Значит, не зря я в клубе уже пару часов напиваюсь. В этом человеке совмещаются странные вещи: жесткость и мягкость, доброта и жестокость, утонченность и грубость. Глаза его могут смотреть с любовью, но он отвернется и узнает о проблеме с пьяными клиентами, тогда в них появится налет ненависти. На три секунды. Ты и не заметишь. А он снова обнимет тебя и скажет фразу, которую ты так ждешь: «Как насчет пары шотиков?» И ты понимаешь, что это билет в рай. Да. Это – Директор Ночного Клуба. Демон ночи.

Король гламура. Человек, в руке которого удовольствия тысяч людей. Шеф. Настоящий. Принц для девочек и герой для пацанов.

Мой друг и кумир настоящего. Часто, глядя на него, я мечтал, что и я мог бы стать управляющим большим клубом. Я же романтик. Мечтатель. Иногда начинаю так сильно мечтать, что мечты почему-то сбываются.

Но ведь тогда все бывает иначе, когда мечта сбывается. И, как ворон в рассказе «Скотный двор» по ночам меняет буквы в словах, так и в слове «мечта» начинает виднеться — не сразу, далеко не сразу — слово «маета»...

О чем я? Завис на барной стойке. И в 4 утра, когда уходят ненужные и остаются правильные ребята, директор клуба, которого оставили заботы, и касса на 90% подбита, шепчет мне сквозь адский трип-хоп: «Пойдем в комнату для акционеров. Там нас кое-кто ждет». Это такая комната: ты видишь всех в зале, а тебя никто. Как акционера на заводе никто не знает в лицо. И, пока мы пробираемся сквозь тела танцующих в Рай, я почему-то думаю о том, что если бы отец был со мной сейчас и шел Туда — это было бы здорово. Это был бы высший класс. И он бы оценил. Батя в этом разбирался.

Может, я в него пошел?

Глава 24

Уволить человека довольно просто. Кажется просто. Но все время тянешь время. Хочется, чтобы его уволил кто-то другой. Или он сам утром проснулся. Бодро вытащил лист бумаги. И уволил-ся. Ну, а ты как бы в недоумении смотришь на этот лист, грустно сверкаешь глазами и нехотя подписываешь. Мысли о том, что новый сотрудник будет хуже прежнего, как-то не возникает. Радость оттого, что надоевшего постыдного и постылого парня нет в офисе, никто не терзает тебя одинаковыми вопросами и прочее, первые две недели так велика, что вместо него на автомате делаешь его функционал. Но вот надо брать нового человека. Знакомые и так все у тебя работают. На собеседование приходит новый будущий сотрудник, с местным дипломом, работой в неизвестных компаниях, как правило, связанных с дизайном. И ты вспоминаешь вдруг фразу отца, обороненную как-то раз в бане: «Новая жена всегда хуже старой». В уездном городе было точно так. Новый человек, молодой, вялый, мучительно, как сапер, нащупывал возможность получить меньше работы и больше денег. Не, ну а как?

Интернет — жесткая вещь. Голосует «лайками». Вроде все понятно. Но задумайся: кто чаще всего ставит лайки? Тот, кто меньше всего тебе нужен. Потому как тот, чьего лайка ты ждешь, — не лайкает. В принципе. И еще. Вам не кажется, что когда люди говорят: «Я не работаю, потому что нет подходящей работы», — они просто

не хотят работать? И работают жены. У них же есть подходящая работа.

Почему люди в уездном городе так любят черную одежду? Стоишь на вокзале. Ждешь новую немецкую электричку. Единственный бонус нового времени: за старые деньги едешь в новой электричке. Мирового класса. А разве этого мало в стране, в которой из выделенного на что-то рубля остается 30 копеек?

И вот стоят на перроне люди. В черном. Черные куртки переходят в черные или синие брюки, а потом — в черные ботинки или кроссовки-кроссоверы. Черные шапки прикрывают черные волосы и черные мысли. Черные сумки, переброшенные через плечи, выдают в их обладателях черную зависть. Черные рубашки и футболки прикрывают черные сердца. В этих сумках стойко ждут своей участи бутерброды — а это экономия на обеде. Правда, лечить язву тоже дорого, но это будет потом. Не, ну а как? Черные зонты встречают с черного неба бесцветный дождь. Если выключить фонари в городе, все люди сольются друг с дружкой в черном чарующем вальсе. И будет создана великая черная армия. Для борьбы с черным-пречерным врагом. А поиск врага идет постоянно. Везде. Ведь без врага мы как без рук. И если нет этого чуткого чарующего черного врага — нет без него радости у правителей наших. Потому как бороться с внутренними проблемами куда как сложнее, чем с мировой угрозой или злодеем. Черным. И чудной ночью черная единая армия за час проходит через частокол препятствий и повергает чудище ниц, срубая его черную голову. А если нет врага? А отчего бы его и не создать. Чтобы бороться с ним. Со своим собственным. Порождением. А кто лучше может повергнуть врага, кроме его прародителя? И тогда сладко убить такого врага, потому что есть в этом что-то очень близкое. И родное. Иван Грозный убивает своего сына. Отчего так любят у нас этот образ? Не оттого ли, что насилие живет у нас в крови и передается по наследству? Задумался и не ответил на вопрос касательно черных рубашек. Ответ мне дал много лет назад сотрудник прокуратуры: черную рубашку не надо стирать каждый день. Экономия, однако. Черный цвет скрывает следы. Твоих Поступков. И смыть при

наличии водки с черной одежды можно все что угодно. А водки у нас много. Волки любят водку.

Найти друга после 35 лет так же трудно, как найти в уездном городе умную и красивую девушку. Я встретил на улице человека из прошлого. Женщину-мистика, которая привела меня через астрологию к Великому Доктору. Мы уже три месяца. Дружба. Каждое утро списываемся. Но была какая-то непостижимость в том, что он слаб. Порой. Я читаю нашу эсэмэс-переписку – многие вещи встают на свои места. Мы пишем книгу. Друг о друге. Он немного задерживается. Это временно. Он считает меня астрологом. Без знаний. Он для меня – Ледокол.

А может, мы генетики? Внезапный фимоз, который лишил меня крайней плоти, изменил мои эротические наслаждения. С одной стороны, удлинив их, а с другой – лишив быстрой радости. Так я стал сангвиником. В больнице после операции бром не помогал. И трещали швы, и трещали нервы.

Нервы трещат. Все еще. Но Доктор делает свое японское дело. Спасибо. Доктор.

Может быть, это сдержало меня от моего верного пути *to the other side*?

Люди и машины иногда в городе ходят быстрее. Подрагивающие плечи. Машины кажутся хрупкими и игрушечными. И дорога тоже. Официантки кажутся куклами с привязанной улыбкой. Кофе приятно смотрит на тебя из чашки. Иногда уездный город приветлив и красив.

А вы заметили, как сладостно ожидание, когда электронная почта еще не открылась, а ты знаешь, что кто-то послал тебе письмо. И оно открывается... 5–10–15 секунд, и все это время ты испытываешь определенный трепет. Новые трепеты.

Мне кажется, что я живу жестко. Если бы я был мягче, пел мягче, любил мягче – я стал бы более счастливым. Как же мне им стать?

Я всегда считал себя меломаном и думал, что разбираюсь в Элвисе лучше всех. Но одна юная девушка доказала обратное.

Это крах...

Такие открытия делают жизнь более полной. Интересной. Настоящей. А что случится, если мы вдруг перестанем удивляться? Все станет, как в Германии. Брат провел там шесть лет. Все было чудесно организовано. Прекрасно обставлено. Дисциплина и порядок сложили фантазии и мечты. И лопнула радость. Рассыпалась и превратилась в череду дней. И родился в Европе гей. Новый змей. Который всех сильнее. И ведет мамку-Европу к пропасти. Злодей.

Есть две концепции по отношению к деньгам. Больше зарабатывать или меньше тратить. Когда меньше тратишь — весь, в общем, смысл жизни и куча времени уходят на то, чтобы меньше потратить. То есть мысли о том, что нужно Больше, — нет, так как мысли лишь о том, как потратить меньше. А уж какой у тебя доход — не важно. Главное — меньше потратить. Никуда не ходить. Лишнего не покупать. О лишнем не думать. Лишнего не носить. Лишнего не видеть. Лишнего не трогать. Лишнего не чувствовать. Лишнего не пить. Лишнего не есть. Лишнего не хотеть. И общаться с такими же. Лишними. Потому что с другими надо тратить.

Мой отец аккуратно сдвигался на этот безлишний ритм. Ему в этом всячески потворствовали типа его друзья, которым он когда-то помог, а они, все равно бухая почти каждый день, автоматически звали его на свои явно не изысканные вечера, где бал правила ее величество Водка и Ее лучший друг — свиной шашлык. Сдобренное дюжиной разных дружеских таблеток от разных дружеских врачей, это порождало, помимо избыточного веса, нервов и ощущения избранности, странную и растущую уверенность папы, что деньги лучше не тратить. Потому что есть столько друзей, и все они окажут услуги. Маленькие, ничего не значащие, вообще практически не услуги, так как потом придется за это отплатить чем-то. Но иллюзорность этой радости затмевала мысль о том, что купить что-то за свои деньги выгодней, чем получить услугу от хитрована и быть в долгу перед мелкой душой.

Отец занимался многие годы пивным бизнесом, и оно лилось рекой у нас дома. Ему нравилось угощать пивом людей, им нравилось угощаться, но нюанс в том, что по сути это являлось для отца промоушеном своего продукта, а «вуалировалось» под заботу о людях, для угощаемых же это было просто клиентское мероприятие, но через обнимания и прочие нежности это «вуалировалось» под дружбу. Но конфликт интересов, как бомба замедленного действия, создавал сильную иллюзию дружеского расположения и влияния, основой которого был обычный пивной бочонок. Кег с краном. Про который после того, как бизнес рухнул, никто и не вспомнил. Некому стало давать кег, перестал звонить папин телефон. Зерна тщеславия, падавшие столько лет в зыбучий песок обычной провинциальной забывчивости, не дали ровным счетом ничего. Кроме пьяных воспоминаний неких уездных алконавтов, которым перепало халявного пива, которые под сильным алкогольным паром кричали: «Карапет – классный мужик! Классный! Давай за него». Это был сильный второй звоночек в жизни папы. Первый прозвучал, когда он был забыт после развала СССР, но тогда он был молод, все новое представлялась милым и очень перспективным. Тогда это был даже не звоночек, а скорее будильник. Огромный праздник на уездном стадионе поставил точку на первом бизнесе отца. Он не был его владельцем, скорее он был начальником производства.

Вы спросите, а в чем причина?

Все та же старая тема – бизнесом управляют инженеры, ослепленные своим тщеславием и завышенными ожиданиями. Это в двух словах.

Стадион был залит пивом. Сотни людей с завистью считали чужие деньги, не брезгуя угощаться при этом на эти же деньги. Праздник пива. Весной. Это было как-то по-русски. Гулять на последние деньги...

А мы в нашей конторе готовились к первому международному форуму. Мы собирались в Канны. Франция. Круассаны. Море. Лазурный берег. Жизнь представлялась жутко интересной.

В СССР, как ни странно, кроме космоса и атома, спорта и доброты, нефти и газа, балета и икры, не было чего-то важного. В сфере искусства. Кроме, пожалуй, четырех очень сильных режиссеров: Эльдар Рязанов, Георгий Данелия, Станислав Говорухин, Никита Михалков.

Они как квадрат. Непостижимый квадрат. Но время ест и железо.

Недавно ушел Рязанов. Добрый и талантливый. Не разменявший талант на пустяки. Не оглохнувший от медных труб. Жесткий Говорухин, пытающийся меняться вместе с трендом. Трепетный и великий Данелия, написавший трогательные мемуары вместо фильмов. Амбициозный Михалков, которого нельзя винить в изматывающем желании получить «Оскар» — они великие Творцы, они наша гордость. И они ничего больше не создадут. А разве того, что сделано, мало? Смотрю «Десять негрятя» Говорухина. Странное ощущение надвигающегося возмездия за лень и бездействие последних 15 лет. Хоть бы я был неправ! Очень хочется ошибиться.

Я сыграл около 1000 концертов. А это 4000 репетиций. Для организации репетиции нужно сделать не менее 4 звонков. А это 16 000 звонков. Нужно нанять 16 000 телефонисток, чтобы они сделали по одному звонку. Они сделают это все за один раз... Люблю масштаб. Большие проекты.

Чем мне всегда нравился так называемый шоу-бизнес, так это тем, что в нем не было четкого регулирования, жестко прописанных регламентов, установленных цен в форме биржевых котировок, а также — и это удивительно — как правило, Заказчик, всегда такой щепетильный и дотошный, зачастую не очень точно представлял себе, чего он точно хочет. А это означает, что при подготовке мероприятия от него не поступает очень точных распоряжений. И инструкций.

Какое же чувство от волшебной музыки? Восторг. Полет. Во время репетиций, концертов это безмерный непостижимый интимный полет над своим страхом, робостью, тленностью и забвением. И к этому нас приводит наша Мать, наша Земля, наша радость — наша Музыка. Кто мы без нее? Брошенные и пасмурные

дети. Преклонен перед великим создателем музыкальных гармоний, созвучий, трелей. Пишу это под чудесных и волшебных парней из команды *Mogwai*, играющих трансовую «*I'm Jim Morrison, I'm dead*». Слушаю ее уже третий час. Не могу представить ужас, когда придется выключить музыку. Шок. Транс. Капец.

Как-то раз в начале нулевых в моей серьезной компании ко мне подошел серьезный кадровик и спросил меня, не хочу ли я сыграть на дне рождения компании на стадионе, да еще и за границей. До этого мы играли концерт на 8 Марта для кадрового управления. Конечно, я согласился. Обсудили концепт, идею, репертуар. В конце беседы он как-то ненавязчиво спросил: «Сколько хочешь денег?» И тут я подумал, что гонорар должен быть в пять раз больше обычно нищенского, который нам платили в уездном городе, так как мы лучшие, и нужно записать диски, подготовить новую программу и т. д. Цифра не смутила коллегу совсем. Совсем.

Нам также оплатили билеты и гостиницу. Я задумался тогда все-таки, что, если Заказчику нравится группа, его мало что смутит. Ведь он платит за то, что считает важным, а если посчитать, сколько он платит за Неважное, — сомнения отпадут...

Брат вернулся из Германии и стал окончательно басистом в новой русскоязычной группе. «Моторы». Но легким движением языка она превращалась в Старую. Ведь я знал все партии Гита и мог играть их сам. Да, было немного иначе, не было какого-то урагана, но за счет нового термоядерного барабанщика, который сдружился с Аром, команда звучала очень свежо и стильно. Как бы свободная гитара и четкая ритм-секция. К тому же у меня были две группы. Можно было играть песни и На русском, и На английском. И свои. И чужие. Я мог петь под фонограмму и Синатру, и Магомаева. Появлялся масштаб. Маневр.

Брат спросил, не хотели бы мы сыграть для его конторы — они делали шины — на Новый год. Но нужна эстрада, русский рок и рок-н-ролл. У меня было все. Он спросил про гонорар. Я назвал цену небольшой, но приличной иномарки. Брат озвучил. Через три дня вечером он позвонил и сказал: «Они готовы, но надо сделать ВСЕ. Ты готов?»

Я похолодел от трепета: это был вызов — заработать за три часа любимым делом трехмесячную ЗП. «Конечно. Готов». Нажав отбой, я открыл комп и стал писать заказчику, как мы ЭТО сделаем. Потом разослал всем участникам концерта на согласование. Просил ответы. И стал готовить новую сделку. В которой был только один акционер — я.

Глава 25

Мама и два сына. Мама — орлица, а сыновья — крылья. И ведь каждому надо сил и любви не меньше, чем другому. А сыновья всегда разные. Старший как бы посуровей, младший всегда мягче. Есть мнение, что младшим так хочется привлечь к себе внимание, что они очень стараются, запоминают движения более старших, гримасничают — в общем, всеми правдами привлекают к себе внимание. У моего брата очень славный младший сын. Беззаветно любит отца. Всегда с улыбкой. Рассказывает стишки. Провожает брата на работу. Утром рано. Крайне милый малыш. Удачный ребенок. Большая удача — иметь такого приятного и внимательного малыша. Всем отрада. Бабушкам. Дядям. Мне. Не могу его толком наказать. А без наказания, к сожалению, не получается... иначе мальчики станут девочками. И есть места, где так и есть. И хохочут демоны. Играя судьбами заблудших.

Случайно прочел в браузере: «Помощь мага. Звоните». Смешно? В 2007 году мне тоже так казалось. И вот прозвенел звонок. На мобильный. Вяло ворочая пьяным языком, человек, смотрящий за моим отцом, что-то бормотал. Я остановил совещание.

Вы знаете, я только недавно осознал, почему Джим Моррисон был так привлекателен. Он ведь хотел умереть, пел о смерти. А люди очень хотят умереть, но не могут. Поэтому он был так популярен... Я осознал и оторопело записал. Успел.

Отец был всегда сильным. Даже когда болел. Он терпел. Приучал нас терпеть. Он был мужчиной. Не очень счастливым в семейной жизни, но мудрым и влиятельным... Иногда пишешь книгу, и пришлют эсэмэс. Реальный облом...

Когда-то отец пугал меня, потом бесил, потом раздражал, потом я полюбил его по-настоящему. Потом он стал моим сыном. И он с каждым годом становился все младше. А потом он стал совсем маленьким. Но люди этого не видели. Они были к нему жестоки. Его болезнь лишь увеличивала его детскость. Я был поражен тем, как мы менялись местами. У меня такой же тембр голоса, как у отца. И как в фильме – я говорю голосом отца. А он моим школьным. Задает детские где-то вопросы. Я часто представлял себя на его месте. Пытался вжиться в этот образ больного. Не получалось. Со временем я понял, что мне не под силу изменить свою психику. Психика сильнее всего. Она живет своей жизнью...

Отец стоял посередине квартиры, где он жил с медбратом. Который нещадно пил и стал завсегдатаем пивнушек и рюмочных. Не я привел его. Но insult, очень страшный и мгновенный, лишил сил мать. Неправильный диагноз, поставленный ей жутким человеком из скорой помощи, едва не отправил ее на тот свет. Утром в больницу. В обед к отцу. Вечером к матери. Ночью к отцу. Между этими паузами работа, сдобренная алкоголем. Иногда губы той, что не прочь. стакан водки на голодный желудок с лимоном становился моим любимым коктейлем...

Посреди комнаты без движения стоял и трясся в припадке Паркинсоновой тряски отец. В кальсонах. Один. С испуганным мальчишеским и непонимающим лицом. Едва произнося слова. Мой отец стоял беспомощный, сломленный коварным недугом. И мычал, как малыш, лишенный возможности сказать и двинуться. А медбрат, пьяный и опустившийся, дрых в соседней комнате. Придушить его было моим первым и сильным желанием. Помогло бы это отцу?

Вопрос о том, что где-то нужно найти сиделку, стал моим очередным ужасом. Я вернулся в 16 часов на работу. И поклялся, что если я сегодня не решу вопрос – значит, грош мне цена. А зачем мне тогда жить?

Два моих секретаря получили указание где угодно найти сиделку до конца дня... Где угодно? Где угодно!

Как-то раз я подумал, что концерты — это повод собраться. Пообщаться. Просто понять, что мы живы. Как иногда заказываешь еду, а потом не ешь. Но ее наличие — это как показатель того, что ты жив.

Ты станешь таким же, как отец... Сможешь ли ты хоть на 10% быть таким же? Это заботит меня. Быть достойным отца. Это реальный вызов. Бывают проблемы, бывают сложности, бывают переживания. Но быть достойным отца — это не шутка. И не повод для размышлений. Это как мгновенная лотерея. Или достоин, или нет.

В 18:20 помощница сказала, что есть одна женщина. В телефоне был голос женский, простой, уверенный в себе. Я попросил переехать сегодня же вечером к отцу. Их трое. Им сложно сегодня. Я попросил снова. Разрешил их сомнения. Мотивировал, уговорил, упрощил, ублажил, убедил. Они за четыре часа собрали вещи и из околородской деревни переехали в незнакомую квартиру. К незнакомому больному. Поговорив с незнакомым человеком по телефону. Почти на полтора года. Сами того не зная. Это была победа. Моя мощная победа. Сильнее закрытых сделок. Сильнее сыгранного концерта. Сильнее напечатанных статей и полученных премий. Моя новая сиделка стала моим главным партнером. Ее простоватая речь, без каких-либо лишних слов, стала для меня главной. С разговора с ней я начинал день. Перед сном я звонил ей всегда. Мое расписание было подчинено ее просьбам. Я ей очень благодарен. Она выручила меня. Она помогла моему отцу достойно встретить неизбежность. Она изменила мои представления о смелости и выносливости. Она помогла мне понять, что я просто мальчишка-романтик, который слишком много о себе возомнил. Она оказалась сильнее мужчин — и тогда я по-настоящему полюбил простых и надежных женщин. Они как из стали. Нам бы всем у них поучиться...

Некоторым женщинам очень не идет деловой стиль. Вот она сидит, прекрасная, статная, величественная, и вдруг звонит какой-нибудь шеф-купец, который является ее начальником, и от ее стати не остается и следа, красота начинает увядать за фразами типа: «У нас хорошие новости, удалось забронировать недорого гостиницу» или «На фуршет будут канапе, но жульен заказать не удалось» или «Я завтра смогу привезти акт на подпись в 16:30, а перед этим у меня зачет по макроэкономике, вообще не понимаю, что я там буду говорить, ничего не понимаю из того, что в книжке написано». А потом ты смотришь, как она внимательно смотрит в телефон, что-то пишет, сдвигая брови, и ты понимаешь, что идет серьезная работа. Но подходит официант, она ненароком откладывает Айфон, и ты видишь, что она рассматривает фотографии в социальной сети и ставит лайки. И тут как будто обнажается перед тобой сущность бизнес-вумен. И понимая, что перед тобой просто видимость и имитация, ты начинаешь вести себя так, как будто ты тот самый шеф-купец. И успокаивается нахмуренный лоб красавицы: не надо никого из себя изображать, и отпускает напряжение, и говорит она тебе в легком хмеле: «А я маленько сразу не поняла, чем ты занимаешься, думала, ты творческая личность, а у тебя водитель давно? Больше 10 лет? Ясно. А я думала, что ты музыкант. Не, ты не думай, я музыку люблю. У меня любимое радио „Европа-плюс“. Но, в принципе, „Шансон“ тоже нравится».

А через три дня под Трофима и испанское вино с заказанными ею суши и обязательно теплым роллом с ней на квартире можно окончательно забыть, что еще три дня назад ты хотел пригласить ее в театр и даже думал о том, что вот она – та самая девушка... Но времени мало, вечером репетиция, и ты деловито обнимаешь ее теплое тело и, глядя на ее расширенные зрачки через 20 минут, понимаешь, что у каждого человека своя задача. Своя миссия. Своя неповторимая и порой невидимая сразу прелесть.

А зачем она все это делала на первой встрече? Не ломайте голову. Просто так. Просто так. Так просто. Простотак – какая-то румынско-карельская деревня. Где живет куча простотаковцев.

Всем, чего я достигал и достигаю в жизни, я обязан людям. Именно они: мои друзья, знакомые, приятели, подруги, приятельницы — помогали, рассказывали, объясняли, рекомендовали, прощали за меня. И я им благодарен. Очень благодарен. Нет слов и дел, которые могли бы это передать.

Я кому-то, возможно, не успел сказать Спасибо!

Вдруг, кто-то из них читает сейчас эту книгу? И я говорю «БЛАГОдарю».

Но порой что-то идет не так. Как будто где-то невидимая ошибка, которая не просчитана, или просчитана, но не принята во внимание при расчетах, или принята во внимание, но ее глубина не осознана. Через цифры лучше. Например, надо взять среднюю выручку в день с клиента не больше 500 рублей, а ты сам себя обманываешь, что это мало, и берешь 700. А ведь эти 200 рублей дадут завышение на 6000 рублей в месяц и 72 тысячи рублей в год, по сегодняшнему курсу — 1000\$ в год. А если мы считаем, что в год у нас будет минимум 10 000 посетителей (а это совсем не много — около 30 человек в день), это дает ошибку в 30 тыс. \$... А если клиентов будет не 30 в день, а 100? Это означает, что твоя прибыль уже на 100 тыс.\$ меньше. А это ли не вся твоя прибыль?

И в банке, в котором ты берешь кредит, а банкира тоже попросили твои друзья, эту ошибку не заметят. Тоже. Ведь ты так красиво все описал. Всех убедил. У всех выиграл. У всех выиграл? Да? Уверен?

Утром рано в тиши надо думать над своими ошибками. Вернее, над их причинами. Но себя анализировать трудно. Да и не хочется признаться самому себе зачастую в собственной неправоте. А вот понять, почему у друга что-то не так... И придет истина, когда постигнешь, почему у друга не так. Мой обретенный (Айфон написал «обреченный») друг-Доктор все понимает, но делает ошибки. И я три месяца ломал голову, не понимая их причину. И вдруг понял. Как мы похожи. И написал ему сегодня письмо в ночи:

«Привет. Я проснулся рано и стал думать о том, чего же я не могу понять в тебе. В чем же причина того, что ты, все понимая, иногда

допускаешь ошибки в отношении людей, а это очень болезненно и опасно. Порой. И вот в 5:15 утра вдруг понял. И меня это просто потрясло.

Ты Любишь Игру.

Ты любишь играть, как кошка играет с мышкой. Но в любой игре мышка может внезапно и незаметно превратиться в кошку. И вот в этот момент игру надо Резко и Очень жестко прекратить. Очень быстро. Просто в игре только один Победитель. Доктор, это ощущение давно жило во мне, но лишь сейчас я это понял. Это весьма непростая миссия — быть игроком. Не всегда знаешь, какие карты у Простака напругтив...»

Друг-Доктор ответил мне через 20 минут, что он Доигрался. И я доигрался в определенном смысле, но понять, что Игра — это отражение внутреннего диалога, я смог только сейчас. Карлос Кастанеда, мой учитель, в самой важной для меня книге «Колесо Времени» пишет, что прекратить внутренний диалог — важнейшее достижение воина. Я гордился тем, что мне удается порой его прерывать. Но что-то было не так. Сейчас все встало на свои места: прервав внутренний диалог, я стал игроком. Но Игра — это продолжение внутреннего диалога. А значит: Надо Прекратить Игру. Как можно быстрее!

Пальцы сейчас открыли зачем-то мою страничку в социальной сети «Вконтакте». И почему-то раздел «Новости». И как свет пролился на меня. Прочитал то, о чем думал. О чем писал Михаил Жванецкий. Великий Мудрец, почему-то живущий в России. Передаю его точные и важные слова:

«Жизнь коротка. И надо уметь. Надо уметь уходить с плохого фильма. Бросать плохую книгу. Уходить от плохого человека. Их много. Дело не идущее бросать. Даже от посредственности уходить. Их много. Время дороже. Лучше поспать. Лучше поесть. Лучше посмотреть на огонь, на ребенка, на женщину, на воду.

Музыка стала врагом человека. Музыка навязывается, лезет в уши. Через стены. Через потолок. Через пол. Вдыхаешь музыку и удары синтезаторов. Низкие бьют в грудь, высокие зудят под

пломбами. Спектакль менее наглый, но с него тоже не уйдешь. Шикают. Одергивают. Ставят подножку. Нравится. Компьютер прилипчив, светится, как привидение, зазывает, как восточный базар. Копаешься, ищешь, ищешь. Ну находишь что-то, пытаешься это приспособить, выбрасываешь, снова копаешься, нашел что-то, повертел в голове, выбросил. Мысли общие. Слова общие.

Нет! Жизнь коротка.

И только книга деликатна. Снял с полки. Полистал. Поставил. В ней нет наглости. Она не проникает в тебя. Стоит на полке, молчит, ждет, когда возьмут в теплые руки. И она раскроется. Если бы с людьми так. Нас много. Всех не почитаешь. Даже одного. Даже своего. Даже себя.

Жизнь коротка. Что-то откроется само. Для чего-то установишь правило. На остальное нет времени. Закон один: уходить. Бросать. Бежать. Захлопывать или не открывать! Чтобы не отдать этому миг, назначенный для другого».

Он гений. Просто. Гений.

Чувствую, как он прав. Невероятно прав.

Я отказался два раза от проклятого дома в Анапе. А маму Туда Тянуло. Нас часто тянет в Гиблое Место. Такие места очень притягательны. Папин недуг, моя небом посланная сиделка окончательно лишили меня иллюзий, я знал, что смерть около моего отца и у меня нет времени на сомнения, размышления, у меня нет роскоши думать, какого врача взять и какому поверить. Мой мозг начал работать очень быстро. Я сам принимал решения вместо врачей, вникал в мелочи быта, все чаще и чаще приезжал к отцу с другом-баянистом, с которым мы пели отцу, и в его глазах зажигались огоньки. Мои странные знакомые приходили и навещали отца — порой как гонцы, порой как курьеры. Друг-басист помог найти сиделку для мамы в больницу. Я боялся оставлять ее среди равнодушных врачей и безразличных медсестер. За пару минут я научился определять по врачу степень его некомпетентности. С медсестрами за 30 секунд — степень безразличия.

На работе все стало еще быстрее двигаться. Ведь времени у меня было все меньше, а задач все больше. Чтобы не тратить свой голос на общение с сотрудниками, я просто запретил мне звонить. У меня тогда еще не было Айфона, но он бродил около меня. У моей новой русской группы дела шли просто отменно. Новые песни мы с братом и новым барабанщиком разучивали в офисе моего однокурсника. Нас было трое. Ничего лишнего. Только музыка. На работе — только результат. У отца — только принятые решения.

Все убыстрилось. Сомнения, недоразумения, предположения — как ножом я отсекал их от себя. Столько лет нарастали эти заросли неуверенности! Порой мне казалось, что я режу сам себя. Алкоголь помогал быстро засыпать и очень быстро снимать стресс и боль.

В 2007-м я решился и создал событие, неведомое и непостижимое: никому не известная группа «Моторы» сыграла концерт в форме музыкального ринга против группы «Пилот», собиравшей огромные залы по всей России.

При поддержке моего партнера, моих акционеров, радио и телевидения. Мисс Тверь и наш лучший ведущий вели ринг по написанному мной сценарию. Выпущенное видео и афиши сейчас напоминают мне о нем. Это был федеральный масштаб. Впереди нам светило сыграть на фестивале «Нашествие». Это меня радовало, как и одна журналистка, сидевшая в ожидании меня после концерта. Но грусть точила меня изнутри. Это был один из последних концертов, который видел батя. Потом он слег. И я перешел в режим военного положения.

До меня доходили слухи, что у мамы Гита тоже проблемы со здоровьем, но при редких встречах (мы не играли вместе уже больше года) он говорил с присущей ему спокойной интонацией, что все нормально. Он все чаще помогал мне как врач. Это были врачебные телефонные совещания. Я начинал ценить Гита не только как музыканта. Сама жизнь снова сближала нас.

Впервые я осознал, что часто мы счастливы и не ценим этого. Когда твои близкие и родные здоровы — это не счастье ли?

Ранее я полагал бы, что это нечто обыденное. Нечто скучное и понятное. Но сейчас, когда моя война началась — отец лежит

с сиделками, мать лежит с сиделками, а проекты по бизнесу только начинаются, и денег хватает только на содержание больных родителей, мой младший брат потерял работу и безуспешно несколько месяцев ищет ее в далекой Москве (я торчал с отцом и мамой в уездном городе, боясь уехать больше чем на день) — я глубоко понимал, что мой экзамен начинается только сейчас. И все мои беды и проблемы до этого — просто контрольные работы и рефераты. И первый вопрос на большом экзамене, который я сдаю Жизни, звучит просто: «Как спасти отца?» И я отвечаю уже 90 дней, каждый день, а вопрос огромный. Я отвечаю на один вопросик, а Экзаменатор с табличкой «Жизнь» задает новый. А внизу в черной машине с выключенными фарами около здания, где проходит экзамен, сидит в ожидании моего провала другой Экзаменатор — с тусклой, почти не видимой табличкой, который ждет моего провала, чтобы включить свои ослепляющие фары и отправиться за моим отцом или матерью (отданной на тот моментам временщикам-врачам из уездной больницы) и увезти их с почестями в царство Аида. И я знаю, что машина второго Экзаменатора просто ждет своего часа, а потому я каждый день на экзамене строг и сосредоточен. И нет в моем сердце сомнений и ожиданий, а судья у меня только один — Смерть. Пока я выигрываю у нее. Неимоверными усилиями, продираясь сквозь чужие ошибки и равнодушие, вялость и бездействие. И мои лучшие помощники всегда со мной: недоверчивость и интуиция. Я посылаю их всегда вперед.

Первый мой помощник — Маниакальная Недоверчивость — со мной вместе с 14 лет. Сложный, но надежный помощник. Ну а подруга — Адская Интуиция — пришла ко мне в районе 23 лет. Я нашел ее в Сибири, где полагаться можно только на нее. Эта подруга требует большого внимания. А еще есть третий помощник — моя Музыка — она уносит мои печали, будит интерес к жизни и помогает Адской Интуиции. У меня же нет времени, а я же певец, и когда я говорю с кем-то по телефону, то через пару минут получаю от Музыки и Интуиции эсэмэс о том, врут ли мне. И если Обман приехал, к нему выезжает мой самый старый друг — Маниакальная Недоверчивость.

Вот так и живу с тремя своими помощниками на своей войне, на своем экзамене. Который, похоже, не спешит заканчиваться.

Потому что каждый вечер, когда наконец-то утихает мобильный, выходя из дома, я вижу большую черную машину, которая ездит за мной на мягких бесшумных шинах и с выключенными фарами. Может, мне прокатиться в ней? А потом выйти из нее как ни в чем не бывало? Тогда бы это успокоило меня, сделало бы еще более отрешенным и быстрым. Но двери пока закрыты. Как же мне открыть двери?

Как?

Глава 26

Пустые дни. Как потерянные псы. Наступают с огромным напряжением. Бегут медленно. Хочется спать, есть, выпивать. Чтобы только прошел он. Но пустой день можно наполнить. Новой встречей. Новой музыкой. Новой влюбленностью. Которая подстерегает в самых неудобных местах. Например, на остановке автобуса. В электричке. На сигарной вечеринке. Перед концертом. После концерта отключатся системы восприятия. И останется ощущение выполненной миссии. Связь с прошлым и будущим снова установится. И рухнет, разлетится вдребезги пустой день. Он будет укрываться за пеленой слов пустых людей, пустых прожектов, пустых воспоминаний. Но первое чувство полного дня сметает пустой день, как музыка группы *Sepultura* выметает из бара за считанные минуты попсовиков.

Группа, которая не выступает, напоминает спортсмена, который накачивает свои мышцы, но никогда не раздевается, чтобы их показать. И тогда эти самые дорогие, долгожданные, добрые мышцы превращаются в злые, закостенелые, зашлакованные и начинают трещать и терзать их обладателя. Своей невостреманностью. И группа превращается в репунов — парней, которые только репят. Репетируют. Свои похороны. На кладбище надежд. А ведь таких все больше. И больше. Ведь гитары и микшерные пульты все дешевле. Просто пустота парит, по Пелевину, по просторам планеты и порабощает парубков по полной программе. И последний в первенстве пустых дней — парадоксаль-

ный день. Парадокс способен изжить пустой день. И пусть наступит парадоксальный день.

Если возьмешь в уютном месте билет в правильную электричку, усядешься у розетки, слушаешь в плеере *Deftones*, дремлешь, просыпаешься, ловишь себя на разных мыслях, это и есть Кайф. Слушать любимую музыку и чтобы тебя не отвлекали. И это просто круто. Иногда, когда слушаешь американских рокеров, особенно из гранжевой темы, например, *Stone Temple Pilots*, думаешь, что они гении, но они американцы, и поэтому у них все за деньги. Ужасно глупо. Просто ужасно.

А некоторые люди напоминают вертолеты, которые только мигают и сигналият. А потом улетают.

Я уже 20 лет думаю. Как сочинить великую песню. Чтобы и через 5, и через 10, и через 20 лет ее слушали, и она была бы важна и близка. Близка и Важна. Близка и Важна. Как две сестры, которые сидят с тобой и помогают тебе почувствовать Жизнь. Близка и важна — индийская деревня, в которой каждый может присесть с гитарой и сочинить что-то крайне близковоажное.

В начале 2000-ых в России умер рок. В царстве нового царя важным и близким стали песни о чем-то не пойми о чем, в стиле некой дальневосточной группы «Мумий Тролль», в которой то ли мальчик, то ли тролль, то ли девушка, сладко улыбаясь одними губами, поет про рельсы, дельфина, Луну, икру, город, окно и другие образы, не связанные друг с дружкой ничем. В это же время в топе чартов новый юмор от *Comedy Club*, талантливые и крайне амбициозные КВН-щики, ставшие новыми мессиями и небожителями. Резиденты каналов и клубов. Поп-рок пишет песни ни о чем, резиденты шутят о своем, в основе юмора неплохие и разумные шутки о нелепости нуворишей, олигархов, глупости шоу-бизнеса, нелепости бытовухи, подробностях жизни коррупционеров, миллиардеров, милиционеров, гомосексуалистов, банкиров и прочих элементов юного российского общества. Но будем ли мы смотреть

это через 20 лет? Если вдруг изменится контекст, строй, исчезнут профессии, капиталы, компании, империи, бренды и прочие идентификационные признаки России образца 2000–2017 годов? Как поймем мы эти шутки, ужасные фильмы, где сценарий писался в свободное от корпоративов время, и прочие элементы исчезающей эпохи пошлой вседозволенности? Будут ли кому-нибудь что-нибудь говорить фамилии Воля, Батрутдинов, Харламов? Как знать. Нет никаких ожиданий. Как и нет понимания того, что коли эти талантливые парни и девушки, в отличие от своих советских коллег, уже довольно богаты и обеспечены, так, может, пора и вдумчиво поработать над хотя бы одним приличным фильмом или книгой?

Ведь музыканты и режиссеры прошлого из Англии, Америки, Германии, СССР, как обезглавленный Томас Мор, не пожелавший признать каприз своего ученика короля Генриха V и не признавший его выше Католической Церкви, не шли на поводу у пожеланий толпы и властей и творили свои бесценные работы порой и без денег, и на свой страх риск. Не всегда, конечно. Кормить семью надо. Но всегда – боясь потерять в угождении кому бы то ни было свою Душу (ибо внутренняя этика, необходимость быть честным перед собой много значат), ища Вдохновение каждый час, каждый миг. И найдя его, с Воодушевлением ввергали себя в рабство своим идеям творчества, которое призвано будить в людях чувства и жить, а не доживать свою жизнь. Я всегда искал и ищу это. Практически везде. И даже там, где этого не найти, я находил гармонию, интересные мысли и несовершенную и некрасивую, но любовь. Счастлив жить в России. Где Живет сама Жизнь. Безобразная и страшная, прекрасная и безответная, расчудесная и расхристанная, разумная и бесшабашная. А разве бывает иной жизнь?

Когда я слышу слово «Канны», мне видится, как улыбается Мартин Скорсезе, пьет виски Оливер Стоун, нервно шутит Вуди Аллен. В 2008 году открыл для себя жесткие и деловые Канны. Удивительно, но именно в Каннах в начале марта каждого года проходит мировой инвестиционный форум недвижимости «*Mipim*». Мы: мой партнер, я и инвесторы проектов – отправились туда в составе

уездной делегации. Жили в почти русском городе Ницца, ездили почти на как бы маршрутке в Канны на форум, почти по-настоящему работали с потенциальными инвесторами, разукрашивая родную область. Новые запахи, ленивые французики, которым лень даже притвориться вежливыми, ощущение принадлежности к чему-то чужому, но важному, сногшибательные русские девелоперы (а мы тоже там как девелоперы), представляющие свои проекты в форме детей в колясках, которые раскачивают наши чудные и сексапильные модели. Разговоры ни о чем, визитки обо всем, обеды в Мишленовских ресторанах, вино поутру, виски в обед, ужины при свечах а-ля «Боже царя храни», стратегические сессии под зевоту, вечерние приемы на яхтах. Это про работу.

Но были и казусы. Моя склонность носить яркие безрукавки играла со мной в смешные игры: в ресторане на виду у всей делегации некий джентльмен подарил мне розу, на приеме в фешенебельном и роскошном отеле *Ritz* в уборной английский архитектор предложил крепкую дружбу. А виной всему розовая безрукавка и веселый галстук в стиле *Picasso*. Я становился привлекательным для мужчин. Разглядывая себя в зеркале, пытался сообразить: что со мной не так? И лицо не улыбочивое, и шутки мрачные, и высокомерием сквозит... Может, грустные глаза? Они. Точно они. Надо носить синие очки. А ту розу, которая записала меня в ряды новых мужчин, я пытался подарить на пешеходной улице Ниццы жрицам любви из Болгарии. Но их мои манеры не ввели заблуждение, и они, приняв розу, вместо благодарности воскликнули: «*No discount*». Смех сплотил нашу делегацию в тот момент. А разве этого мало?

Воспоминания бывают либо добрыми, либо они исчезают. Как исчезла и наша делегация, и наши мечты, и наши планы с приходом в 2008 году ошеломительного кризиса, который разметал офисы, остановил всякое финансирование, заставил считать гроши, превратив нас из менеджеров в просителей. Все проекты были мгновенно остановлены, люди сжались, на сцену снова вышел в лучах софитов под вздохи сограждан его Величество Бакс. Он никого не обманывал. Просто стоил все больше и становился все краше.

Канны отобразились в судьбе моего брата трудоустройством в большую строительную Корпорацию. На одной яхте мне удалось разыскать единомышленника. Эта поездка чем-то напоминала март 1916 года... Все думали про февраль 1917 года, но, как всегда, надеялись, что пронесет... Это у нас есть такая черта народная. Традиции. Надо. Беречь.

Говорят, «формат» — это когда быстро и просто. Быстро у меня получается, а просто — нет. Многое зависит от твоих музыкантов. Я всегда ищу музыкантов просто: прихожу на концерт, нахожу организатора и спрашиваю, кто самый лучший. В основном меня всегда интересовал барабанщик. Гит на гитаре. Родной брат на басы. Я на ритме и пою. Наши гитарные дуэли с Гитом производили просто фурор. А иногда я или Гит подходили сзади друг к другу, просовывали руки — и уже играли на гитаре в четыре руки. Мы стали братской армянской группой. Гит — мой дальний родственник. Четвероюродный брат. Что ли. Не могу на него сердиться. Просто мы похожи. Но он лучше. Чище. Честнее. И он самый лучший гитарист, которого я видел.

Ну а лучше родного брата кто будет на басы? Ну, вы понимаете. Ну, есть еще один неплохой. Очень неплохой немец. Его зовут Ричи. Увидел его с братом в 2001 году в Германии. И остолбенел. Это просто был шок. Удар. Он был ангел, посланный на Землю. В Штатах был второй по гениальности, на мой взгляд, гитарист мира после Хендрикса — мистер Стив Рэй Воэн (*Steve Ray Vaughn*). Гений. Разбился при взлете вертолета. А его друг Эрик Клэптон на самолет опоздал. И не разбился... И Ричи был реинкарнацией Стива. Его двойником. Может быть, его ребенком? Я влюбился в Ричи. И везде ходил за ним. Познакомился с ним. Он оказался скромным немецким учителем. Я начал мечтать. Мечты — мое сильное место. Мечтать я умею. Но здесь я так размечтался, так захотел привезти Ричи в Россию... Что даже сам поверил в это. Он был готов. Денег нужно было по тем временам четыре моих месячных зарплаты. Я стал искать спонсоров. Искал спонсора, а нашел друга. Старше меня. Мы до сих пор дружим. Он, как и я, из нефтегазового сектора. Точный, строгий, жесткий и добрый. Таких мало — *old school*. Я привез Ричи

с группой. В уездный город в 2003-м. Это был мой триумф. Концерты *Richie Arndt & The Bluenatics* вместе с нами, группой *The Mood*, стали для меня отправной точкой в понимании, что, как поет Дима Билан, «я знаю точно — невозможное возможно». Я играл вместе со звездой, сделал гастрологи звезды, значит, и я — Звезда. А кто скажет, что это не так? Пусть бросит в меня камень.

Спустя три года Ричи приедет к нам уже один, и мы сыграем два триумфальных концерта, во время одного из которых, 11 марта 2006 года, родится мой первый племянник Марат. И папа с мамой будут на этом концерте. Родиться во время великого концерта от папы-басиста, во время песни Джимми Хендрикса (брат попросил прощения и вышел поговорить по телефону, вернулся и... объявил о рождении первого ребенка в нашей семье), быть названным, как и я, — Настоящее Чудо! Рождение маленького Марата стало и моим Триумфом.

И в те годы со мной долгие пять лет играл мой второй потрясающий барабанщик Сергей. Безмерно талантливый, крайне добрый, отзывчивый и по-настоящему влюбленный в музыку. На 101%. Он на 0,1% даже был больше влюблен в музыку. Мне кажется. Первые два студийных альбома — его заслуга. Гит его любил сильно. Сергей — мастер. Малый барабан и альты пели под его руками. Бочка (большой барабан для ног), как молот, била в сердца девушек, вызывая у некоторых чувства, близкие к реальному оргазму. Тарелки и Хэт (мы называем эти части барабанной установки Железом), как трубачи, будили в людях высокие помыслы и поддерживали пульсацию сердца. Играя с мастером, сам становишься мастером. Закон жизни. Но у любого мастера есть свои скелеты в шкафу. У меня — тщеславие. У Гита — излишняя скромность. У Ара — бесконечное сомнение. Сержа околдовал зеленый змий. Пять лет мы с Гитом бились с ним, но он одолел нашего друга. Скучно без водки. Все около Нее ходим. Кто-то переступает черту. Срывать концерт — это, увы, предел... Сергей воспитал в нас истинный перфекционизм, любовь к ритму и привнес в команду шик. Или, как говорит мама, шик-модерн.

Говорят, после расставания есть жизнь. Есть любовь. Время покажет. Мне кажется, есть. Мы часто бежим по поезду, который и так едет. Боясь опоздать. Это болезнь? Это как если бы мы хотели поджечь воду.

Счастье не имеет прямой связи с уровнем экономического развития — новый вывод власти. Мысли лезли друг на друга в том смутном-пресмутном 2008 году. Я часто просыпался по ночам от звуков. Папе снились плохие сны, его преследовали сложные галлюцинации, лекарства не помогали ему, и я чувствовал это. Сиделка, которую послали небеса, боролась с болезнью яростно, но и у нее порой опускались руки. К тому же южные «друзья» отца прорывались к нему и устраивали там кавказские праздники с водкой, после чего и без того разрушенный организм его приходил в полное бездействие, а тремор многократно усиливался.

Однажды мне пришло в голову, что я хотел бы петь о смерти, о том, что завтра не будет, о том, что... и вдруг картинка сложилась в моей голове: это же песни группы *The Doors*! Неужели настало время мне петь эти непостижимые песни? И тогда двери откроются? И, как учил Кастанеда, я смогу не просто чувствовать дыхание Смерти, а быть с ней в одном ритме. Ведь я стану ее глашатаем? Ее вокальным предвестником? Моя боль притупится? Я шел по набережной и вдруг в полный голос запел с закрытыми глазами «*Summer's almost gone, summer's almost gone*». На секунду моя печаль испарилась, дети на лавке задумчиво смотрели на меня, в голове что-то треснуло. Я понял, что я могу петь песни Джима Моррисона, мне разрешено. И после первого концерта я стану как бы умершим, и это поможет мне справиться с тем, что я сам хочу умереть, а значит, я, возможно, вытерплю угасание моего отца, и он встретит неизбежность Достоинно. Судьба привела меня к этой чудовищной догадке. *I'm Jim Morrison. I'm dead.*

В уездной филармонии идет концерт. Милая и крайне привлекательная девушка пригласила меня. Как я благодарен ей за это. Смотреть на нее во время органной музыки. Видеть ее восторжен-

ность и преклонение перед музыкой. И в то же время ее пальцы выдают большую чувственность. Рядом с этой гармонией спят бабушки. А я пишу на глазах у зала, и орган двигает мои рок-пальцы. А разве это не чудесно – заснуть во время органной музыки? Болит нога, истерзанная пивками. Все меньше. Мы рядом с чем-то очень важным. Протяни руку. И обыденность превратится в праздник. И эта замечательная девушка со смелым очаровательным вздернутым носиком, которую целуют снежинки, привела меня на этот праздник. Как мне ее отблагодарить? Все будет тщетно. Только принять. Ее.

Смотрю сериал. Российский. Канал «НТВ».

Название «Свет и тень маяка». Вдумайтесь! Это же апогей абсурда. Не лучше ли было назвать «Маяк»? Но скоро, думаю, некому будет над этим посмеяться. Деграция марширует все сильнее по пустующим улицам иронии.

А к нам все чаще приезжали московские инвесторы. Как бы инвесторы. Об этом можно долго писать. Но вкратце речь о том, что есть те, кто хочет заработать. А есть те, кто хочет быстро заработать. Я думал: отчего так? А вот сегодня (болит нога и волочу ее) обратил внимание, что в Москве люди ходят и ездят быстрее. Ритм такой. Может, из-за пробок. Копится энергия, а потом вырывается наружу. И помчались. Оттого инвесторы из столицы и хотят быстрее? Скорость выше. И вот такой стремительный инвестор как-то раз приехал в офис. Четкий. Жесткий. Молодой. Я боюсь молодых. У них нет сострадания к тем, кто хуже. Медленнее. Мягче. А нужно нежнее с людьми. Иначе человек сломается. И не на кого будет орать. И снова останешься с зеркалом. Наедине.

Мой друг-Доктор говорит, что болезнь надо уважать. Вот я уважаю. У меня с болезнью политес. Прелюдия. Развитие. Финал. Когда чувствую, что заболеваю, – всегда отлеживаюсь дома. Один день. Один. Только один. Я называю это «*day-OFF*». Мои шефы знают и дают мне Этот день. Без больничного. Все по-честному.

В тот день я случайно остался дома. У родителей. Отца не было дома. Я заглянул на кухню. Там сидела женщина. Обычная. Простая. С сильными руками и низким голосом. Я на ватных ногах прошел за конфеткой и вышел. Люблю конфеты. Вкуса не помню. Оделся и стал ждать, когда она уйдет. Считаю секунды. Мне вдруг показалось, что если я с ней не познакомлюсь, вся моя жизнь бессмысленна. Она вышла. Я выбежал. Внизу ее ждала машина. Мать ее не знала. Общие знакомые... Так в уездном городе бывает. Предложил проводить. Она отказалась. Придумывал поводы не терять ее. Придумал. Шутил. Юлил. Она работала на железной дороге. Громко и порой вульгарно смеялась. Лузгала семечки. Несуразно ходила. Но я пропал. Пропал. Пропал. Пропал. Пропал. Ее взгляд и глаза, скулы, губы как две капли воды напоминают мне мою потерянную любовь. Фантом поджидал меня. И я знал об этом. Он ворвался в мою жизнь, как дракон приходит в сон ребенка.

Вечером того странного понедельника мы уже танцевали в уездном ночном клубе. Все деньги я уже пропил. Она впервые пила текилу. Ее пьянеющая подруга в недоумении скучала на барной стойке. Медляк шатнул меня в мои воспоминания. Я закрыл пьяные глаза, и чудо — передо мной была моя та самая, которая снилась мне почти каждую ночь, только лексикон был иным и бедра чуть шире. Счастье хлынуло в меня. Ее сладкий парфюм напомнил мне мои трудовые будни на рынке в начале 1990-х, и мышеловка хлопнула. Мои сны сбылись. Мои слезы выплавились в нее (Айфон исправил «выплакались» в «выплавились». Дурной американец). Как когда-то, я взлетел к ди-джею и заказал на последние деньги сердечный хит «*Hotel California*». Тестостерон впервые за много месяцев был в нужной норме. Ее губы расплавили мои бесчисленные печали. Мне было непривычно, что ее ладони больше моих, но это меня почему-то заводило. Вдруг я увидел ее прекрасные и взбешенные глаза, и мое ухо пронзила фраза: «Сумасшедший! Ты чо творишь? Меня ребенок ждет, а он здесь веселится. Отстань от меня». Она выбежала.

И уехала. Куда-то. Никто не знал, кто она. И откуда. Недели плыли как в тумане. Тестостерон в обмен на сделки. Через четыре недели мой телефон заверещал, и низкий и веселый игривый голос про-

щебетал: «Куда пропал? Я в городе. Увидимся?» Как когда-то, горло пережало, и я прошептал: «Где? И Когда?» Я не спросил: «Что мы будем делать?»

Мы не пошли в ресторан. Мы не пошли в кино. Мы не заказали суши. Мы даже не открыли шампанское. Только татуировка на ее спине чуть ниже шеи намекала, что это не сон. Или я купил билет на машину времени? Она не могла оставаться на ночь. И это была мука. Иногда она дежурила в столице. Смена оканчивалась около 2 часов ночи. И это значило, что мы будем спать вместе. Говорят, что в одну и ту же реку нельзя войти дважды. Но, может быть, не было изучено, что река может пересохнуть, а потом снова наполниться водой? Точно не учли такого. Однажды она пропала. Не отвечала. Абонент недоступен. Или находится вне действия Сети. Та неделя была невыносима. Нашел. Ее. Потеряла телефон и мой номер. Я орал. Что так нельзя. Нельзя. Нельзя так жить. Нельзя продлить свое счастье. Все говорят, что так любить нельзя, а я говорю, что Буду. Я стал еще более скрытен. Я жил в прошлом и в настоящем. Только будущее было все дальше. А женщины всегда спрашивают: «Что дальше?» Они любопытные. Они просто так спрашивают. Они всегда знают. Всегда.

Мне часто думается, что я плохой человек. Но американский крутой актер Мэтью Макконахи говорит голосом детектива: «Плохие люди нужны. Они отгоняют тех, кто хуже».

Глава 27

Странные открытия приходят на склоне лет. Музыка открывается иначе. Кто-то, кто, по-твоему, не рубит фишку в музыке, ставит тебе на твоём же плеере трек, и вдруг в голове твоей проносится, что это круто, но ты обременен прошлым: это не рок, нет ярких гитар, это вообще почти рэп, это русский язык, это... В пекло такие старческие наросты! Если бы не долбанное прошлое, которое не даёт тебе видеть новое, не даёт быть самим собой, может, ты бы сам написал эти очень актуальные вещи. А по телеку и по нафталиновому радио «Наше радио» — все те же знакомые рожи и песни, которые уже не воспринимаются ушами. А вся страна уже слушает других парней, а я делаю вид, что это Не То. И ною, что классика — это круто, а хип-хоп — примитив. Но почему-то уже несколько часов слушаю двух мрачных парней из Ростова-на-Дону. «Каспийский груз». И вроде бы ничего такого, но они круты. И снова думаешь: кто не осознаёт своего прошлого, тот проживёт его снова. Сыграет те же песни. Скажет те же слова. Повторит те же поступки. Не откроет новых симфоний.

Я тот же мальчик с микрофоном. Ты девушка с картинки. Катись. Колесо. Катись. Колесо. Катись. И все...

Я бы хотел признаться в любви.

Эта влюбленность длится уже больше 20 лет. Раньше мы встречались каждый день. Как правило, поутру. Я сжимал её в своих руках. Иногда встречи случались вечерами. По выходным Она

не приходила. Она не могла. Отдыхала. Я Скучал. Но в понедельник мы снова были вместе. Увы, она жила в столице. В уездном городе она появлялась не часто. Просто так получалось. В местных ларьках «Союзпечати» ее было трудно встретить. Кроме меня, ее никто не хотел. Но наши расставания с приходом Интернета прекращались. А мне нравилось держать ее в своих руках. Жадно перелистывать, иногда жестко пролистывать, иногда я смотрел в нее, отрываясь, как бы целуя страницы, иногда даже рвал в нетерпении эти страницы в поисках котировок, порой разочарованно мял и даже (грешен) бросал ее в урну. Часто я не мог расстаться с ней целыми днями, приносил домой. Наши свидания длились обычно 40–50 минут. В метро. Как правило. Иногда я брал ее в поезда. Но именно утром общение всегда носит яркий характер. Мозг просыпается мгновенно. Время летит. Мысли. Новые идеи. Радость. Я влюблен. До сих пор. Иногда она теряет форму, но ненадолго. Без нее я был просто клерком, парнем, пыльным хронологом жизни Великой страны. Моя Любовь – Деловая газета. Она меняла имена. С середины девяностых ее 10 лет звали мужским именем «Коммерсант», и ей это шло. В те годы она была ироничной. Потом она вышла замуж за нового акционера и стала... скучной и предсказуемой. Но ее сестра, газета «Ведомости», была, с одной стороны, более аналитичной, а с другой – более свободной, благодаря рубрике «Комментарии» дала мне еще больше радости и идей. Я избавился от сомнений, интеллектуального одиночества и лености ума благодаря Ей. Моей ежедневной Деловой газете. И я кричу родителям-журналистам: «Браво! Вы большие молодцы. Будьте здоровы!» Да... И еще. У моей подруги есть брат. Прекрасный и тоже аналитичный. Жесткий пророк – журнал «Эксперт». Я собирал его, складывал дома. Мама часто пыталась выбросить кипы моего Друга. Но само его присутствие грело меня. Особенно блестящее издание – «Семь нот менеджмента». Основные мысли моей диссертации – от моего друга. Но он должен был приходиться ко мне каждую неделю, и поэтому иногда в пылу ритма мы забывали увидеться... Скоро в России закончится эпоха рыночной экономики, но если меня спросят: «Что для Вас было наиболее ярким и величественным отражением этой эпохи?», я смело отве-

чу: «Газета "Коммерсант". Газета "Ведомости". Журнал "Эксперт"». *Kiss & Hugs*.

Кстати, когда говоришь с человеком об одном и том же, но по-разному — это признак близости. Такие открытия делаются внезапно... И оторопь берет от этого. Открытия...

В уездном городе, да и в столице, часто на встречу приходит человек, который опаздывает на 20–25 минут, нехотя извиняясь, а потом, вздыхая, снимает на ходу пальто, в микрофон телефонный бормочет что-то кому-то, тут же заказывает кофе и стейк, тут же бросает на ходу, что у него 15 минут, а потом смотрит на тебя и говорит: «Чем я могу помочь?» И смотрит на часы... И тут развилка: ты либо поставишь его на место, напомнив, что ты не Проситель, либо ответишь на его вопрос, признав правомерность такого вопроса, и навсегда останешься в роли попрошайки у барина. Много людей на моих глазах попались в эту ловушку. А барин с холопом Дел не имеет. Ну, это так. К слову.

Иногда поток мыслей прерывает шикарный трек. И слова песни, и музыка входят в резонанс с твоим настроением — и тебя отпускает. Напряжение дня. Тяжесть проблемы. Ведь у певца, который поет песню группы *Rainbow* «*Man on the silver mountain*», похоже, разборки не слаще моих. Но он с достоинством их решает. Может оттого, что его зовут *Dio*, а по-итальянски это Бог?

«Я посею горе черной Чернобылью», — поет группа «Рыбонька». И я посеял свое горе. Мне кажется. Начались репетиции моего проекта, играющего песни Дорз. И каждая спетая песня как будто слезами орошает мое посеянное горе. Все песни в том или ином смысле о смерти. И я их пестую. И поливаю. И украшаю. Мелиоратор. Мой отец был мелиоратором. А у меня даже голос, как у бати. Как-то раз я взял трубку домашнего телефона, а его товарищ начал мне рассказывать, как «Мы вчера вместе посидели».

Последние несколько лет как-то неловко смотреть на ведущих российских экономических каналов. Они пытаются быть похожими на американских ведущих, но выглядят смешно. Не туда ставят ударения, не на том акцентируют внимание. Играют со словами и терминами, иногда заигрываясь.

Но нелепость в том, что они преувеличивают значение цифр, а цифры этого не любят. Например, все думают о ситуации в Китае, а ведущий, когда все индексы рынков падают, верещит: «Отличные новости! Штаты и Европа выросли почти на 1,5% (!)» (вчера упали на 5%).

Или: «Все хорошо, но только одна небольшая проблема: Китай падает в этом году», НО забывает добавить, что просто Китай вырос в том году не на 10%, а лишь на 7% (в смысле его ВВП – валовый внутренний продукт). Однако рост и на 7% просто огромен, на 10% – просто чудо! Но ведущий вводит в заблуждение, не говорит о важном, акцентирует внимание на несущественном. Или: «Получены новости по РМА в РФ» – никто не знает этого термина, но он не расшифровывается в течение всего яркого выступления. «Прекрасные новости: рост 49,5%, а прогнозы были 48,9%». Видите, инфляция растет, ВВП падает, а рост загадочного показателя лучше Прогнозного на 0,6% – и это прекрасно. Или вообще курам на смех – серьезным голосом девушка говорит: «Россия в хвосте, но она лучше Венесуэлы», – а в Венесуэле введено чрезвычайное положение. Кого они обманывают? Они шпионы? Концептуалисты? Носители нового экономического подхода?

Да нет: ведущий – плохой актер, попугай и плохо учился, и не на экономическом факультете. А почему он работает? До сих пор?

А как в уездном ресторане: не, ну а как? Ненуакак – тень мексиканского воина снова нависает над экономикой. Спокойно. Снова все просто – это Просто Так. И вот новичок включает такой канал, чтобы понять, как у нас дела. А там – Ненуакак. В плохом костюме и с пустыми глазами. Смутное время. Смутные выводы. Смутные ведущие. Смутные каналы. Про их новости и программы можно сказать отличной поговоркой: если бы мы тонули, они бы нам штангу бросили.

Человек-промоушен. Так я себя чувствовал тогда. 2008–2009 годы.

А может, моя жизнь – череда обломов? О чем я думаю? Все – крутиться больше не могу. Мысли пронзают. Воспоминания. Крутят реальность. Откуда я. На мать – не западать. (Маша. Хата. Февраль. Начало. Зима?!). Что я делаю? Иногда люди выпивают оттого, что им плохо, и они хотят пройти этот путь до конца. И я от этого. И я от этого пью. Водку. Пиво. Виски. Вино. Ром. Алковод. Или Алкавед. Веды. Алкающий Веды. Вот кто я. Вот кто я такой. ВОДКтояА.

Друг-модельер... Мне пятерка сегодня. Девушка пять раз кричала... Прислал. И меня торкнуло – это и обо мне:

«Ой ты жизнь моя дым-коромысловая, // Утром кофиянепопिताя, // А порой и вообще не спатая, // По дорогам скачкамиразбитая, // На плите борщанедогретаая, // По звонку одеялосорванная, // Репортажами точноотсчитанная, // На зарплатуживешьупорная, // Водкивыпитонеуемная, // На рояли „Мурку“ сыгра́тая, // По порогам-кольскимбродитая, // И друзьямсвоимпомогатая, // Миру целому душеоткрытая, // Где-то грустная, где-то беспечная, // Неуемная, энергичная, // Отдающая, рвущая, вечная!»

Он толк знает. Мой друг. В литературе.

Кайфануть от того, от чего вообще раньше не вставляло, – вот это задача. Столько выходов вокруг. А мы ищем дверь. Раньше было страшно и интересно. А теперь страшно и неинтересно. Просто неинтересно.

Вынырнул. И вот я на сцене в 2008 году в зале с колоннами. Есть такой зал. В уездном городе. Бывший вокзал. Играем второй концерт моей новой группы *The Doors Are Opened*, играем только песни Джима. Люди орут, танцуют. Я почему-то говорю по-английски. Со мной в этом путешествии четверо парней: верный барабанщик, талантливый басист-дизайнер заменяет левую руку Манзарека, а его правую руку представляет молодой и пылкий юноша. Он пока не профи в органе, но он любит музыку. Очень. И у него доброе сердце. Это главное. Пока нет гитариста, но есть один парень.

В одной команде. Грустный, несчастный, честный. Настоящий гитарист. И главное – он близкий друг Димона. А это значит – ДА. Группа – семья.

Мне кажется, что я Моррисон. Но ведь он мертв. А я еще нет. И отец еще нет. И Гит еще нет. У него свой проект. Играют в нем наши бывшие музыканты. В том числе и наш соблазненный зеленым змеем барабанщик. И я рад. Гит – гений. Люди любят его. Его сложно не любить. У него более легкий характер, песни, которые он выбирает, больше в сторону соула и фанка. Джаз-рок. Мы как «Битлз». Разошлись, но у каждого свой проект. Вот так время проверяет. Нас. Время много мудрее. Чем нам видится.

Одна сложная девушка сказала: «Ты рулетка, а я совсем не игрок. В этом причина наших несовпадений. И наших разлук».

Снова вынырнул. И мы едем с моей новой группой «Моторы» впервые выступать на фестивале «Нашествие». Лето 2008 года.

Группе меньше года, а она уже на «Нашествии». Провел музыкальный ринг с группой «Пилот». Выпустили видео, которое не смотрю. Выступили на разогреве у группы «Моральный кодекс». Я фанат гитариста этой команды. В ущербном уездном областном Дворце культуры с наспех созданным буфетом и красными столетними креслами мы разогревали гуру поп-рока. Пять песен. Жесткие «Коридоры». Прифанкованная «Забираю». Мрачный «Парашют». Редкие хлопки, из уважения, подсказывали, что «Моральный кодекс» ожидаем публикой, а не наша волшебная музыка. Я смотрел в окно в примерке и воображал себя магом. Думал о том, что если бы сейчас в комнату вошел мой любимый гитарист Николай Девлет-Кильдеев, положил бы мне руку на плечо и сказал: «Ты молодец. Давай вместе запишем альбом», – это было бы так круто. Я улыбнулся. Своей мечте.

Слегка картавый и неровный по ритму голос донесся до меня: «Слушай, а вы хорошо играете. Мне нравится. И гитара у тебя нормально звучит. Я сам так люблю играть. Это блюз. Ты молодец. Хочешь, могу поучаствовать в записи твоего альбома. Знаю хорошую студию».

Я обернулся и увидел его. Он оказался таким, как я и хотел: глубоким, простым и гениальным. И вот уже мы вместе с ним записываем мои песни в студии ГИТИСа. Перед нами пишется «Мумий Троль». А спустя пару месяцев мы в легендарном клубе страны «Б2». И с нами на сцене играет Николай на гитаре. А на баяне – обаятельный и светлый баянист. Товарищ из уездного города. Талантище. Много лет играл с Михаилом Кругом. Димон, мой барабанщик, рвется в бой. Ар на басы, как скала. Бурбон разрывает печальные мысли. Партнер рядом. Друзья в зале. Но что-то точит меня. Изнутри. Странные предчувствия. Звонит около полуночи мой барабанщик, кричит и плачет, бормочет в трубку, что умер его отец. А ведь Дима младше меня почти на 10 лет. И его отец-богатырь умер во сне. И ночью меня ловят в свои лапы мысли об отце. Не дают спать. И «Б2» забывается. И Кильдей. Но я волшебник. Я же маг. Я за полгода все смог: «Нашествие», запись с лучшим гитаристом страны, скоро выступаем на фестивале «Рок-герой», сочинил альбом на русском языке. Я обгоню время. Стану на гитаре не хуже Гита. Шутка. Но я все лучше. Вытащу отца.

На «Нашествии» скучно. Грустно. Сериал. Со стареющими актерами.

Мы там не очень интересны. С нами достойная группа из уездного города. Отличная вокалистка Маша. На басы ее муж Аркадий. Я бы так хотел. С женой выступать. Хотя это не просто. Жесткий график успехов держал меня в форме. Бурбона, правда, многовато. Но я ведь не просто музыкант, я директор.

А если вместе – арт-директор.

С 9 до 19 часов – дела. С 19 часов до 9 утра – музыка. Это график. Это любовь. Это выбор. Это вызов. 8 февраля. День рождения отца. Он смотрит на меня своими огромными глазами. И пытается что-то сказать. Сиделка рядом. Мы с другом-баянистом играем концерт. Пою ему под баян: Антонов, Магомаев, Синатра, Серов. Его глаза горят. Он даже привстает. Тремора все меньше. Целую отца и выхожу на ватных ногах. Надо ехать на работу. Совещание.

Строим гостиницу. Сил нет. Хочется спать. В душевном баре беру 200 грамм водки. В два присеста с лимоном. И снова в путь. Я-то знаю, как бороться с бедой. Меня так просто не возьмешь. Не возьмешь. Дожить бы репетиции — а там спую первые два часа первые два ранних альбома *The Doors*. И отпустит. Вот только гитариста нет. Ну а кто же может сыграть эти витиеватые соло Робби Кригера? Даже Гиту не по плечу. Может тот парень?

В общем, как говорят англичане, наша сила в слабости. А слабость наша безмерна.

Настоящий директор — всегда волшебник. Он сжимает губы, выдувает слова, и люди начинают делать что-то: строят дома, города, поют и танцуют. Только губами он создал новую реальность. И сколько он должен получать? Очень, очень много. Надо бы тебя оцифровать. Директор. Чтобы жил вечно.

Всегда был поклонником Эмира Кустурицы. С другом-дизайнером, который стал басистом в проекте «Дорз», приехали на концерт этого режиссера-гитариста. Весело. Как на Кавказе. Брат звонит. Маме плохо. Упала в ресторане. Вот они — мои предчувствия. Гоним в уездный город из Москвы. Мать не двигается. Брат говорит, что скорая помощь поставила диагноз «гипертонический криз». Но почему она не двигается? Вызываю первого друга — Адскую интуицию: ну конечно, ошибочный диагноз. Вызываю снова скорую. Шарлатан-Медбрат бормочет, что это криз. Криз. Посылаю вперед второго помощника — Маниакальную недоверчивость: звоню старому знакомому, тот ставит диагноз. Инсульт. Коварный враг пришел к матери в момент пьяного танца в ресторане. Шарлатан попытается сбежать в свою нескорую ненужную НЕпомощь. Немошь. Держу за руку жулика. Объезжаем больницы. На счастье, в одной из них — приличный врач. Инсульт. Двигаться нельзя. Оставляю деньги новому медбрату, чтобы посмотрел за матерью. Тщетно. Она ночью встала. В шаге от смерти ходила. А взявший деньги — заснул. Все близко. Звонит сиделка — у отца приступ. Вызываю сестру с юга. Ставлю вокруг матери караул из знакомых. Моих знакомых. Уездная больница. Линия фронта. Война началась. Враги в белых хала-

тах. И тут ошибки не простят. За руку их не схватить. За бездействие ведь не судят. Да и свидетелей нет. На этой войне можно только выиграть время. Мой караул несет Свою Службу. Я проверяю его. Днем и ночью. Выездные внезапные проверки. Сколько сейчас? 4 утра. Пойду посплю. Посмотрю сны. Мой кинотеатр начинает свою ночную работу.

Глава 28

Переход из мира людей в мир идей происходит внезапно и незаметно. Какие-то странные наречия вместе: внезапно и незаметно. Но это ли не феномен: мысли о том, любим ли ты, любишь ли сам, как к тебе относятся и какие у тебя с кем-то отношения, перерастают в осмысление причин, почему у тебя с кем-то отношения или их нет, в чем их смысл или в чем их бессмысленность. Подобно персонажу фантастического мультфильма, ты, с одной стороны, по-прежнему Зайчик, за которым гонится Лиса или Змея, но одновременно ты Орел, который смотрит на это со стороны. И понимаешь, что Зайчик бежит строго на восток, а Змея ползет на юг, а погони... Погони нет. Ее выдумал друг Зайчика Олень, который, в свою очередь, услышал, что Лиса бежит за Зайчиком от Ослика, которому это причудилось.

В Доме идей жить интересно: много комнат и балконов. Много открытий. А расплата та же, что и по договору на перекрестке: одиночество и вечный поиск гармонии и совершенства.

Обычно в доме несколько этажей. Чем выше этаж, тем лучше видно вокруг. На девятом, самом высоком этаже, очень кайфово. Многие страхи улетучиваются, но и иллюзии заканчиваются. Такой процесс, как в экономике: знание в обмен на иллюзии. А ведь так сладко жить в иллюзорном мире Ожиданий. Ведь это предтеча мира Предвкушений.

Не хотите заглянуть в Дом идей? Могу попытаться рассказать, как его найти. Или не найти. Потому что из Дома идей трудно вер-

нуться в мир Людей. Но если долго переодеваться – можно. Ранним утром. Около 4 часов утра. Пока все спят и не звонит телефон...

Я со своей рок-группой иногда езжу на концерты, ко мне приходят музыканты в гости, и, когда хочется поесть, вместо заказа пиццы и еще чего-то я готовлю сам. Парни едят много. И, если им нравятся, – они едят тихо и быстро. И хотят еще. Хотят тоже быстро. Чтобы не переесть, в Москве в холодильнике минимум продуктов. Но всегда в наличии: оливковое масло, бальзамический уксус, соевый соус, соус песто, соус терияки, острый табаско, крупная морская соль и коричневый сахар, красный и черный перец, гречишный и цветочный мед. Готовлю я блюдо за 3–4 минуты. Из продуктов, которые есть. Мой лучший друг говорит, что это очень вкусно. А он разбирается. Никто не спрашивает, что они едят. И я покупаю продукты и думаю не о том, вкусны ли они, а о том лишь: 1) как они сочетаются вместе, 2) какой я сделаю соус. В соусе тайна. Соус – основа класса. Но часто люди уделяют соусу 10% времени, а продуктам и рецепту – 90%. Мир не обмануть. Людям важен соус. Потому что огурец принципиально одинаков, но под ароматным соусом он воспринимается как чудо, а без него – как желанная повинность. Часто мне кажется, что жизнь – салат. И если соус хорош, то салат сам по себе не особо важен. Но ингредиенты для соуса жизни должны быть хороши. Я на этом не экономлю. И первый и самый важный – Оливковое масло – чем-то Неуловимо похож на Хорошее Здоровье. Без него все не вкусно. Здоровье, как и масло, должно быть настоящим и не должно содержать подделок, портиться. Надо покупать масло у проверенных людей и компаний, так же как и лечиться изо всех сил надо только у настоящего лекаря. И найти его порой – то же, что музыканта великого или жену хорошую найти.

У моего отца такого не было. Был имитатор, хороший ремесленник. Но все банально: в молодости был хорош, потом отрастил живот, потом отрастил гордыню, потом стал главврачом, потом стал бизнесменом, потом стал врач (г) ом. Буква «Г» вкралась в слово «врач». Айфон исправил. «Г» – губит все живое. Песня *«Алфавит»*

супергруппы «*Моральный кодекс*». Там играет несравненный Николай Девлет-Кильдеев. Он и Гит — два лучших гитариста в стране. А гитаристы в буквах разбираются.

Ночью я наконец-то понял, отчего умерли мои герои, и успел записать:

Курт
Элвис
Джим
Умерли
От
Нежности.

Когда слушаешь поп-музыку, как будто пьешь пепси-колу. Которая выдохлась. День назад. Еще пить можно. Но тошно. Тошно. Зброшенная деревня. В Белоруссии. Но собаки по этой деревне бегают. Красивые.

Часто новые идеи приходят под струями душа. Такой друг человека. Никогда не жалуется. Всегда готов тебе услужить. Правильная музыка во время душа — всегда удача. Душ и музыка органично гармонируют организацию гениальных догадок, из которых начинает расти интересная Идея, квинтэссенцией чего является креативное Решение. Последний месяц мне очень помогает однообразная и беспощадная, как учетная ставка ФРС США, композиция «*Sola Gratia*» (Part 2). Она вводит меня в новое измерение. И мозг включается, и началось...

А порой я выполняю роль катализатора. Убыстряю процессы. Все. Это опасная тема. Влюбился. Она замужем, но разлюбила его. Мы в баре. Танцуем. Я пою для нее. У нее 50 пропущенных звонков от нелюбимого. Она уезжает. Я жду ее звонка. А она две недели не звонит... Не отвечает. Потому что в реанимации. Дома ее ждал нож.

Тут уж не до романтики. Это как война. И я — как выстрел в Сараево.

Влюбляюсь. Ничего не поделаешь. Романтик. Это происходит сразу. Блокируется мозг. Иногда в городе замечаешь бывшую влюбленность. Порой не по себе. Порой ничего не чувствуешь. Но как-то никак без этого. Это как бы топливо, на котором ездит машина твоей судьбы...

Вспоминаю, что работа катализатором однажды привела меня в сложную парадоксальную историю. В уездном ресторане на берегу великой Волги для компании родителей и общих знакомых спел песню «Я люблю тебя до слез». В кого-то тогда был влюблен. За столом. Влюбился на вечер. Иначе нет искренности. Нет чувств. Нет слез. Нет ощущения Бетховена. Нет полета... Зал кричит. А музыкант, продавший право спеть за 500 рублей, смотрит с ненавистью и резонно говорит о том, что я испортил вечер, гости не будут заказывать песни. Тоска озарила мое радостное тщеславие. Я остро понял, что я Испортил им бизнес. 100 баксов незаметно сложились в руку обидевшегося уездного певца. Он похорошел. Пели они в тот вечер — после меня — на славу. Катализатор вошел в реакцию с застывшей энергией ЦИ музыкантов и породил музыку. Хочешь быть лучше других — плати за это. Сто американских рублей спасут тебя от молвы. А моего лучшего друга они спасли в туманном 98-м году от смерти. Бенджамин Франклин знает свое дело. И говорит со всеми на правильном языке. И приятном.

А в 2008 году все ошеломительно валилось на меня. Болезнь отца. Инсульт мамы. Проект «Моторы». «Нашествие». Запись альбома с лучшим гитаристом. Первый концерт в «Б2». Вместе с Кильдеем. В примерке пили чай мои герои. Мой баянист играл со мной мой трек «Дворцы». Вещь про то, как я люблю 90-е. Новый хит. Брат на башне как скала. Я привез с собой три камеры с видеооператорами. Все как у Звезд. Мой хороший экс-шеф заглянул в примерку. Я был счастлив. Друзья в зале. Партнер по будущему большому бизнесу подносил по моей просьбе на сцену бурбон. *Jim Beam*.

Туман после концерта. Виски на голодный желудок действует, как ожидание порнофильма после недельного воздержания. Чего-то ждешь. Приятного. Звонит телефон. Я нехотя достаю его. Вдруг

у отца приступ? Трезвею. Ура. Это Димон. Он в пути. Едет в уездный город. Музыканты мои всегда уезжают после концерта. А я с гостями. Слушаю их. Пью с ними. Зачем? Непонятно. Гит всегда через 10–15 минут уезжает. Он настоящий. А я ловец похвал. Тщеславный и романтичный. Дима плачет в трубку. Говорит, что его отец. Умер. Меня прошибает пот. Его отцу нет и 55 лет. Он здоровяк. Дима ревет. Бурбон испаряется из моей головы. 28 мая. День нашего Триумфа. Выйдет видео. Черный концерт. Я осознал тогда, что за все надо заплатить. Отец моего барабанщика умрет во сне. И я черной завистью завидую ему.

Мне бы так или отцу. Моему. Которого уже терзают приступы безумия. На похоронах у Димы я осознаю остро и глубоко, что нас связывает все сильнее. Жизнь. Смерть его отца и надвигающаяся на меня, играющая со мной в прятки, Смерть моего отца. Леннона и Маккартни свяжет смерть их матерей. Почему так? Это связь через потери. Может оттого, что, теряя близких, мы становимся ближе друг у другу. Ощущаем всю мелочность наших ссор. И важность наших удивительных, пропитанных истинной любовью к музыке отношений. Я смотрел на Диму и понимал, что я заменю ему отца. Ментально. Как старший. Мы втроем. Я. Брат. Он. Это как музыка Баха. Неразделима. Едина. Я знал, что грустить нельзя... И начал строить беспощадный график концертов. Только вперед. Но звонки сиделки, как выстрелы. Сбивали меня с ног.

И все чаще я испытывал дефицит денег. Лечение отца и матери, содержание сиделок, записи, машина с водителем, встречи с инвесторами – все это выливалось в круглую сумму в месяц. Я чем-то напоминал себе кассовый аппарат. Была такая группа в уездном городе. Осень 2008 года началась довольно странно. Нефть стала падать в цене.

Кредиты становились похожи чем-то на модели, проехавших мимо меня в джипах. Такая маленькая девушка с большой грудью, лежащей на руле, едет в большом-пребольшом красном Джипе. Куда она едет? Зачем? Сколько волн оргазма испытывает ее обтянутое юбочкой тело, садясь на кожаное кресло нежного *Porsche*?

«Порш» – жесткий немец – занимается с ней любовью. Она прижимается к нему. Втягивает его в себя. Прикрывает глаза. Вечером тоже придется. С владельцем «Порша». Но настроение создано. Захожу под хмелем в ресторан. Вижу очень красивую и нежную. Выпендриваюсь. Ноль внимания. Знакомлюсь с сестрой. Пою дифирамбы. Сестре. Ноль внимания. Подхожу и нагло прошу телефон. Дает. Неужели она спасет меня от тоски? Вечером к отцу. До зарплаты еще 10 дней, а деньги уже кончились. Мой *Lexus LS-430*, близнец моего любимого 600-го «Мерседеса», вчера съел 1,5 тысячи долларов. Но партнер доволен тем, что у меня такая машина. Меня воспринимают как равного. Думает он. Но у меня нет восторга от тех, с которыми я общаюсь. Нет. Скучно. Предсказуемо. Друг-дизайнер здорово выручает. Он классный басист. У него доброе сердце. Но он влюбчив. Ему нравятся сложные и творческие девушки. А они любят проблемы. А у меня и так много проблем. Новая подруга так хороша, что больше обычного холодна. Это проклятый закон: чем красивее девушка, тем она, как бы сказать... равнодушнее.

Сию на совещании. У инвесторов проблемы с финансированием. Едем в Москву. Убеждать москвичей строить бизнес-центр не в Москве. Но как? Они же могут его построить в Москве! Приехали новые люди из Украины. Рассказывают про ресторанный бизнес. Замечал не раз: в кризис люди все равно едят и веселятся. Может, и нам открыть ресторан или клуб? А еще лучше сеть? Было бы неплохо.

Сегодня выступаем в Москве. Недавно на нервяке пришел с новым другом в клуб «Дума». Был не в духе. Думал про то, что все нелепо. Думал про группу «Небо здесь», *Zdob si Zdub* («Здоб ши Здуб»). В малом зале было тихо. Друг из Ярославля хохочет. Он мой кумир. Он инженер. Самый позитивный человек в моей жизни. Мне с ним повезло. У него армянская фамилия, но он эстонец. Ха-ха. На унылой работе в большой корпорации не было толковых ребят, и мне мои протезисты выделили его как финансового модельера. Есть такая тема: финансовая модель компании. Это типа как план

жизни. Я с ней могу работать, но построить ее — это как ремонт сделать. Не мое. Я квартиру могу подать, продать, но ремонт — не мое. Мне присылают его мобильный. И мы с ним пять месяцев строим модели. Вернее, он строит. А я мучаю его. Каждый день. Вопросы. Думаю: «Когда пошлет?» Нет — всегда в духе, всегда на связи. Ну не чудо ли? Наконец зову его, своего земляка, через полгода в армянский ресторан «Лаваш», а пришел такой отличный Максим Леонидов. Эстонец. С ним легко. А это порой так важно...

В зал заходит девушка. Не могу от нее оторваться. Она с компанией. В зал заходят музыканты. Поют. Надо уходить. Закрытая вечеринка. Но я без нее не Могу... Влюбился. Мрачнею. Пьянею. С вызовом спрашиваю: «А что тут за вечеринка?» И мне говорят: «Это группа „Здоб ши Здуб“ — празднует день рождения!» Шок. Я о них весь день думаю. И снова — мысль сработала. Выпрашиваю у новой Любви телефон. Лена. Звоню — а там говорят: «Это не Лена». Бред. Что делать? В клубе «Контрабас» полно народу. Думаю о Лене. Как быть? Я дерево. Дуб. Влюбился. Иду по залу. В руке бурбон. Снова искренний и белый *Jim Beam*. Слышу голос Лены. Галлюцинации... Оборачиваюсь — Лена! Не может быть!!! Подбегаю, громче всех кричу: «Лена?» А она мне: «Марат? Только я Катя! А ты звал Лену!»

О Чудо! Концерт полон чувств. Дима в бешенстве — не удалась барабанная сбивка. Ломает палочки. Я с моей ЛеноКатей. Болтаю. Завтра встретимся. Я счастливчик? Да или Нет? Мать и Отец. А между ними Музыка и КатяЛена. И «Дорз». И «Моторы». И Гит. И бизнес. Как мне все это пережить? Сердце рвется на части. Утром защищать смету. Она завышена. Клетка цифр и чувств. Мое топливо заканчивается. Прихожу к отцу ночью. Его ноги все больше напоминают ножки 12-летней девушки. Он спит. И я затыкаюсь и слушаю причитания сиделки... Ночью чуть не назвал подругу Катей. Но, закрыв глаза, точно целовал Катю. Лену... «А почему ставка дисконтирования по проекту принята в размере 15%?» — рокошет будущий типа инвестор. Отвечаю на автомате: «Так надо!» Мои ответы все короче. Мои чувства все острее. Моя музыка все жестче. Моя жизнь все страшнее.

А бывало, наступит так: лежишь на прокуренной кухне, играет *Unit Black Flight*, экран Айфона причудливо мерцает. Иногда буквы

клавиатуры напоминают мне черты отца. Рядом девушка, которая сладка и нежна. Играет музыка — от транс до русского рэпа. И ты — часть этого путешествия. Выпадет трек *Iron Maiden*. Рано или поздно короли и пешки переобуют свои чешки.

И вот на этой самой кухне в квартире, купленной у священника, под священный гимн Энни Ленокс «*Love song for Vampire*» Мою голову захлестывают мысли о том, что ТЕПЕРЬ я писатель. Я все время думаю о книге, все чаще записываю слова и мысли. Везде. Из всего, что происходит, беру материал в книгу. Я сам часть книги — живу сейчас и в книге. Но только в разных главах. Я осознал только сейчас себя писателем. Книга владеет мной. Уже два года. Музыка дала Книге зеленый свет. И сейчас я писатель. «Марат, Вы такой разносторонний, а кто Вы по сути?» — брюнетка хочет понравиться мне. «Я писатель. Заканчиваю свой первый большой роман». И в аэропорту в анкете я буду тупо писать: «Я — писатель».

Понять электронную музыку — то же самое, что впустить в себя кого-то. Очень важное чувство. Комфорта и кайфа. Может, оттого именно под такую кайфовую музыку волшебным образом заниматься любовью.

Тело чувствует ритм. И танцует. И второе его поддерживает. Рождается ритм. Радостный и первобытный...

Уметь не рассказывать о себе — очень важное качество директора.

Все не могут, но все рассказывают. Директор все может, но он молчит. Кто молчит — тот выигрывает. Это я понял не сразу. Привык мыслить по шаблону, а надо — по фидбеку.

В уездном городе, общаясь с людьми самыми разными (по социальной шкале разброс от единицы до девятки), я вдруг внезапно понял причину того, что дети занимают главное место в жизни многих людей. Всегда считал, что у человека есть две важных ценности: творчество и любовь. Или наоборот. Но чтобы любить, нужно, чтобы: 1) повезло, 2) любовь нужно сохранить. А это непросто. Творчество для большинства — просто пустой звук. А дети рядом. Растут. До 16 лет, потом Чао. Как в Европе. Получается, на 16 лет —

это гарантия увлечения. Ссор. Примирений. Дети — самое большое увлечение людей. Люди увлечены Детьми. Собой. Оттого так страшит старость: нет любимой игрушки. Увлечения. Детей. А может, попробовать создать жизнь, построенную не только на Увлечении? Любви. Зависимости от того — бросят тебя или не бросят? Кастанеда пишет: «Любить и быть любимыми — далеко не все, что дано человеку...»

Почему в нашей Великой Стране Наши великие мастера пьют водку? И превращаются в ничтожество?

Может, они хотят понять, кто их по-настоящему любит? Это в Германии главное деньги, а в Италии веселая жизнь и вкусная еда, а в Штатах — успех, а в Китае — Путь, а в Англии — Битлы, а в...

А у нас главное — любовь. Любовь? Но ведь полюбить себя — тоже достойная цель. И тогда — полюбат тебя. Возможно.

Порой анализировать случайный выбор плеером песен так же приятно, как смотреть на звездное небо в конце мая. На холме в деревне. Как «*The Fool on the Hill*». Иногда листаешь телефонную книжку — и бац, нашел классный номер. И начался роман. Отношения. А потом. Остался только номер. Слушайте и не запоминайте. Это я расслабился.

Могут ли наркоманы любить?

Хоть кого-то кроме мистера Наркотика? Народного Котика. Вряд ли. А мы с Гитом и Димой влюблены только в Музыку. И она отвечает нам взаимностью, мы можем одновременно взлететь с ней к потолку репбазы. Если я нежен, она обвивает меня, если резок и груб, бьет наотмашь. И болят уши, и сердце — пламенный мотор. Ворчит.

Человек, который ни во что не верит, всего боится. И я верю в Музыку. В ее ритм. В ее волшебство. Я не хочу бояться. Я хочу. Слушать. Играть. Сочинять.

Триединство творчества. И Гит такой же. И Дима. Все. Мы. Рабы. Красоты. Рабы. Красоты. Мы. Музыканты. Сегодня я влюблен в норвежскую группу *Motorpsycho*.

Пришло на ум, что в будущем будут люди, которые будут меняться в зависимости от того, сколько раз их просмотрели в социальной сети. Кого миллион – те более счастливые. И улыбочивые. А грустные – кого меньше 100 раз просмотрели. А те, кто помогает просмотреть человека большее количество раз – те просто правят миром. И это маркетологи. Короли. КОРОЛЕМАРЫ. То есть миром правит Интернет. А мир называется Мирточканет. МИРТОЧКАНЕТ. КОРОЛЕМАРЫ завоевали МИРТОЧКАНЕТ.

«Некоторые выглядят храбрыми, потому что боятся убежать», – говорит великий Жванецкий. И я, играя тогда первые в своей жизни концерты на русском языке, боялся убежать. Из зала. Первые концерты проекта «Моторы» – как ежесекундный экзамен. Открываешь глаза. Слушают.

Открываешь – поют с тобой. Усиливаешь соло на гитаре. Глаза прикрывают. Значит, нравится. А ведь это впервые. Это я сам написал. И от этого они кайфуют. Новые старые чувства.

Творца.

Когда играешь в группе, постоянно репетируешь. Выступаешь. Ездишь. Разгружаешь. Настраиваешь. Потаинственнее? Не буду усложнять – ты все время что-то делаешь. Фотосессия. Видео. Афиши. Города. Бары. Клубы. Арт-директора. Поклонники. Считанные друзья. Старые Любви. И ты связан невидимым договором с твоими музыкантами. Чем-то невероятно важным. Осознанным волшебным творчеством. Истинной многолетней любовью к музыке и трепетным уважением друг к другу. Волшебный мир, в который мне удалось вытянуть счастливый билет.

Когда увлеченно пишешь, начинаешь хотеть больше есть и... В холодильнике ничего нет. Вот это стойкость...

Работая в уездном городе, трудно найти нечто, что бы тебя завораживало. И я стал жить на вспышках энтузиазма. Пожалуй, лучшего и не найти. Партнер привел на встречу слабых и беспер-

спективных, а у меня нет никакого интереса к ним. И вот скоро встреча развалится. И не будет проекта. И приходит эсэмэс, которую давно ждал, или музыка правильная в ушах на пару минут. И началась вспышка энтузиазма. Она продлится недолго. И я тороплюсь. Это как влюбленность. Длится 2–3 недели, пока не познакомишься ближе с человеком. И надо успеть. Сразу на встрече пишу им мейл с описанием проекта, они сразу читают. Сразу согласуем примерный бюджет. Сразу помнёмся и пойдем на уступки. Сразу зальем алкоголем нашу встречу. Через 40 минут вспышка начнет затухать. Вежливо отлучусь. Партнер доделает с ними все. Ему нравится побеждать. А у меня репетиция. Сегодня попробуем взяться за труднейшую вещь Джима «*Shaman's blues*».

В уездном городе я понял одну вещь: самая важная компетенция в нем — вовремя замолчать. Это я понял, увы, не сразу.

Рыночная экономика — это как океан, в котором ставятся эксперименты, выводятся новые виды рыб, исследуется дно, строятся корабли и возводятся новые башни. Страхи и сомнения обсуждают открыто. Поэтому никто не боится. Признание ошибки — обычное дело. Поэтому люди в такой обстановке вырастают креативные. Интересные. Веселые. Злые. Жесткие. Понятливые. Мы выросли такими в 90-е. Выросшие в 2000-х жили в атмосфере обмана, коррумпции, лжи и имитации деятельности. И стали они гибкими, как г...вно, тормознутыми, предсказуемыми, по-плохому простыми, неинтересными и просто скучными. Вот так и мучаемся с новенькими.

В уездном городе часто ловил себя на мысли о том, что в офисах и на встречах люди как-то хмурятся, говорят, что денег мало и что-то в этом духе. Но это просто игрушки по сравнению с тем, как в офисах Москвы льется на тебя негатив. Это просто такая игра. Нельзя говорить, что все хорошо. Даже если так. Сомнения, придуманные страхи, постоянное использование частички «бы». Доходит до смешного. Например, получил премию? Как бы да. Ты выздоровел? Как бы да. И это рождает страх, неуверенность. Непонятность. Ты сам становишься носителем абстрактно-ущербных отношений.

В 2007 году я впервые понял это за 10 лет безупречного стажа... Или страха. И понял, как это может быть удивительно. Круто. Не ходить каждое утро в офис. Не слушать негативные разговоры. Отвечать на вопросы прямо. Жить позитивно. Как выяснилось, деньги ни при чем. Просто это игра. Прибедняться. Нить. Напускать туман. И сам становишься частью игры. И кому-то уже не снять маску «несчастливого». И он становится несчастным. Виктор Пелевин, талантливый писатель нового времени, на мой взгляд, точно описал ощущение счастья и несчастья:

«Счастье – это термин, который объясняет сам себя. Возможно, это народная этимология, но „счастье“ – это от слова „сейчас“. Счастье – это когда ты целиком в сейчас, а не где-то еще. Если отбросить физическую боль, все наши страдания сфабрикованы умом из мыслей о прошлом и будущем. Но там всегда будет достаточно материала, чтобы сделать нас несчастными, потому что в будущем – смерть, а в прошлом – все то, что сделало ее неизбежной. Несчастье – „не-сейчасье“ – это состояние ума, констатирующего, что жизнь не удалась вчера и вряд ли удастся завтра. Если забыть про это, оказаться там, где ты есть, и, как выразился Набоков, „узнать свой сегодняшний миг“ – это и есть счастье, которое практически всегда доступно».

Вот и я в уездном городе пытаюсь быть счастливым. Сейчас. Но каждая встреча в ресторане поддерживается алкоголем. Как бы автоматически. Партнер не против. Он считает, что это позволяет сблизиться с тем, с кем ты разговариваешь. Мой друг-Прораб по-прежнему громко смеется, но не пьет. И мне не советует. Но я-то знаю, что я волшебник. А алкоголь просто позволяет мне почувствовать свое волшебство...

Понимаете, я всегда хотел почувствовать волшебство. Но создать его – другое дело. Ведь главное, чтобы сбывались мечты. Вот я, например, отключаю звук на телефоне и через каждые пять минут смотрю в телефон. А вдруг позвонит тот, кто мне дорог, или о ком мои мечты. И сбудутся мечты! Я создал волшебство! Мой немецко-армянский Друг Ай (по-армянски – «армянский») Фон

(приставка к немецкой фамилии) подтвердит, что это так... Ведь это его я отключаю.

Знакомые моего отца все чаще жаловались мне на детей. Ничемные. Безвольные. Не хотят учиться. Не хотят работать. Не хотят бороться. Пытался помочь. Но как помогать тем, кто не хочет побеждать? Когда нет примера? Когда рядом не отец как скала, а мягкий милый чудак, который пытается угадать желание мальчугана, в голове которого Хаос?

Трагедия Запада, что родители спрашивают детей их мнение. Что им делать. Детям. Они снимают с себя ответственность за детей.

А потом не поймут, почему дети не хотят нести ответственность за них.

А разменная карта — любовь. Слово. Любовь.

Ведь всегда можно сказать: «Я же люблю тебя». Не попади в эту ловушку, мой друг-Доктор.

Я пишу книгу. Пишу. Она увлекает меня. И делаю аудиокнигу. Сам читаю. Подбираю музыку. С другом-басистом. Огромный путь. Сегодня 13-ю главу делали. И плеер сам сделал ВСЕ. Изменил мой замысел. Мы с другом просто наблюдали. Психодел. Психодел. Психодел. Психодел. Психодел. Психодел. Психодел. Психодел. Психодел. Психодел. Психодел.

Может, это знак, что пора снимать кино? Я посмотрел тысячи фильмов, десятки сериалов. Я готов. Готов. Переключаться с одной несбыточной мечты на другую. И кто ждет — тот дождется.

Последние годы у нас в стране новая тема для разговоров: Украина. Я работал в середине 2000-го в Киеве. Самые сложные партнеры. Желание быть лучше русских любой ценой, а значит, и путем обмана, несомненно, одна из главных черт наивного украинского народа. Они южане: не обманешь — не проживешь. Хотите улыбнуться? Украина отказывается платить России долг, потому что считает его взяткой и по форме, и по содержанию. И я улыбаюсь. И забываю, потому что сколько волка ни корми, он все равно... Пусть они будут счастливы. Наши хохлоевробратья.

«Никогда ни на кого не обижайся. Ты человека прости или убей»
(©Иосиф Виссарионович Сталин).

Что возразить? Мир снова подходит к войне. Но на ней никто не выигрывает.

В то время я стал встречать в своей жизни много интересных людей. Мужчин. В основном это были шефы. Но про некоторых из них можно сказать: он сам свой худший враг. И тут уж ничего не сделать. Просто они считают, что ВСЕ вокруг — их сотрудники. Переключиться они не успевают. Нужны паузы. Неделя, две. Но этого времени нет. И они становятся невыносимы. Высокомерны. Неприятны. С ними вместе сложно. Тяжело. Они как кактус. Как ни тронь — все одно уколешься. Таким парням не хочется звонить. Только если прижмет. Только если нет особого выбора. Когда такие парни входят в комнату, она наполняется напряжением. Когда уходят, всем радостно.

Как-то раз я вошел в комнату. Где было много гостей. Они шутили и смеялись. Они пили вино. Их дети громко кричали. Я был не в духе. В комнате повисла тишина. Напротив меня сидел такой же неприятный тип, как я. Он улыбался мне. В его ужасном, тщеславном и надменном лице я увидел себя.

Я взглянул на себя в зеркало. Оттуда смотрел мой самый лучший Враг.

Глава 29

Что составляет основные приятные моменты моей жизни? Встречи. Подарки. Это часть друг друга. Идешь на встречу и думаешь о подарках. Шатаешься по магазину, покупаешь что-то для кого-то — и вот оно, перед тобой повод для будущей встречи.

А где намечается встреча, там в дело вступает телефон. Контакты. У меня не очень много, около 2000. Но периодически не можешь вспомнить. Кто эта Вика, которая продает зонты? Или откуда я знаю Катю из бюджетного управления Минфина? Когда это было? Какого Минфина? Какого бюджетного управления? Чтобы не сойти с ума, играя в угадайку, можно, конечно, посмотреть историю эсэмэс-сообщений, но лучше всего написать: или что у тебя с этим человеком, или кто ваш общий друг. По общему другу как-то легче. Ведь иногда у тебя с человеком ничего НЕТ. А в телефоне, а значит, и в твоей жизни, он ЕСТЬ. Врубим логику: значит, его нет. А в телефоне таких 90%. То есть живешь на 10%. Стирай. Быстрее. А то вдруг потратишь всю жизнь на попытку вспомнить тех, кого нет. Лукавлю: так трудно стереть. А вдруг пригодится. Но знаю — нет. И статистика и математика не помогут. В пекло.

Сижу с товарищем. Его друга кинули с бонусом. И меня. И брата. Кидок — новая корпоративная реальность. Тоже подарок. Но грустный. Но это ошибка. А Ошибка Правит Миром. В России. Стала нормой. Искалечила детей. Лишила их будущего.

101 причина пойти на наш концерт — послушать мои шуточки. Жгу. Народ хохочет. Черный юмор.

Но столько не написано. Столько не написано. Но столько не написано. Столько не написано. Столько не написано. Но столько не написано. Столько не написано. Титры. Титры. Титры. Тигры. Титры. Тигры. В титрах. Титры. В Тиграх. Я про-рок. Голос эпохи.

Почему никто не слушает мой альбом? Концерты нравятся, а альбомы не слушают. Дети слушают. Может, у меня детская музыка? А я сам свой альбом слушаю? Ведь нет. Вот и ответ. Не ожидал сам от себя такой правды. Ох, не ожидал.

Пишу книгу на спектакле Кости Потапова. «Демоны». Он гений. Я его поклонник. Театр мертв. Ухожу со всех спектаклей. Посижу и ухожу. Не ухожу только от Евгения Гришковца и Кости Потапова. С их моноспектаклей. Они держат ритм. Драйв. Они как музыканты. Тащатся сами и тащат зал. В театре нет волшебства уже. Он стал опцией. Куда пойти? Ресторан — надоело. Кино — шансов на хороший фильм почти нет. Слушаййййй! А давай в театр?! В антракте выпьем коньяка с бутербродом в буфете. И как-нибудь дотянем до конца. А может, театр — это просто ностальгия по безыскусному бутерброду, желанию увидеть наших добрых бабушек и еще чистых девушек. Если в группе кто-то плох — и группа плоха. Если Гит играет на 100%, а я на 70% — пиши пропало. А в театре один играет хорошо, другой — очень плохо, а третий вообще случайно оказался на сцене. И как это смотреть? Ведь тот, кто случайный, и привлекает внимание...

А я? Я лучше. Но Я же могу. Могу. Могу дарить подарки. Может, оттого, что подарить подарок правильно — сделать себе большую радость. Я хочу свою новую группу назвать «Подарки». *The Presents*. Но столько не написано. Но столько не написано. Столько не написано.

Мой близкий друг, армянский немец Ай Фон (4s) болеет. Глючит. Не поддерживает уже многие приложения. Я с грустью думаю

о расставании. Но книга написана в Нем. Он хранитель моих тайн. Держись, друг! Я от тебя так просто не откажусь. Не сдавайся. Я с тобой. Дорогой мой. Ай.

В то время я писал песни для моей новой группы «Моторы». Писал на русском языке. Я ждал это время, и вот это время пришло. Когда ты можешь выразить свои мысли в песне. Как бы два раза: один раз спел и тут же сыграл. То же самое. Может, оттого песни сильнее книг. Как гитара Джимми Хендрикса: он пропевает (Айфон исправляет на «пропивает» — это уже не Айфон, а Афоня) то, что играет на гитаре. Мы заканчивали концерты песней «Парашют». Она посвящена моим отношениям с прекрасной девушкой. Моей подругой. Мы были вместе почти 2,5 года. Она так красива! Как Барбара Брыльска из «Иронии судьбы, или С легким паром!»

Виктор Цой со своим альбомом 1988 года «Группа крови» до сих пор держит меня в напряжении. Его музыка все актуальнее с каждым годом. Как ему это удастся? Где он берет эту Правду и поет ее так, что хочется самому петь Это? «Тот, кто в 15 лет убежал из дома, вряд ли поймет того, кто учился в спецшколе». Все злободневнее звучит эта фраза; «Все говорят, что мы вместе, все говорят, но никто не знает, в каком» — просто 100%-ное попадание в лжепатриотическую Волну, захлестывающую Россию.

...А та моя прекрасная Барбара была так привлекательна и хороша, что на моих концертах на моих же глазах ее клеили парни. И я понимаю их. Есть женщины, от которых невозможно оторваться. Их хочется съесть, искушать, зацеловать. Это сладкие женщины. «Парашют» — про нее. «Ты и я — мы вместе, // Ты и я — хорошо, // Ты и я — мы влезли // В один парашют». Чеканные рифы в духе *Nirvana* помогают донести всю мою печаль, что мы расстались. Как мне без нее было тяжело! Я так привык смотреть в сумасшедшие глаза. Слышать ее хриплые посмеивания — предвестники наступающего возбуждения. И сейчас болит, когда думаю о ней. Она нравилась даже моему отцу. Он говорил об этом вскользь. Аккуратно. Но его глаз горел. Моя Барбара ушла от меня. И пропала. Я не видел ее много лет. Нашел ее двойника — и тут же написал песню. Но оригинал

в 40 раз лучше. Я жду тебя. Барбара. Прочти эту книгу. Найди меня в социальной сети. *Please*.

У нее было качество, которое я ценю с каждым годом все больше: она умела молчать.

Ну где ты, Барбара? Ага. Угу...

В уездном городе мне хотелось создать атмосферу творческого общения, вдохновения. Когда можно было бы каждый день найти то, что важно культурному человеку. Музыка, театр, поэзия, лекции, дискуссии. Нечто важное. Я с упоением читал книги о моих героях-музыкантах, которые создавали новый мир в своих подвалах, которые потом становились клубами. Богемный образ жизни был мне очень близок. Общаясь с Барбарой, я частенько носил бутылку водки и длинном кармане своего пальто. В столице ты открывал сайт *afisha.ru*, и перед тобой были новые сказочные миры. И даже если у тебя нет денег — они открыты для тебя. Поэтические вечера, акустические квартирники, сейшены (творческие встречи без повестки), многочасовые джемы, когда на встречу приходят разные музыканты и импровизируют вместе с тобой. Все это открывало передо мной новые миры. Делало жизнь непредсказуемой и счастливой. Создать подобное сообщество творцов, объединить их на основе музыки и радостного творчества стало моей идеей.

Но что-то не давало мне покоя... Есть такое понятие — порок идеи. Я смотрел в лица уездных творцов и видел в них довольно часто вместо желания творить — вы не поверите! — желание заработать. Немного. Как-нибудь. Но вопрос об этом аккуратно вставал. Я тратил много денег на музыку, и зарабатывать на ней было для меня кошунством. Ну, или, скажем так: гонорары должны быть очень большими. Иначе как-то нелепо, пошло. Что ли. Мысли о больном отце, маме, которая с трудом выходила из тяжелейшего инсульта, бизнесе, который с приходом ошеломительного кризиса 2009 года стремительно хирел, уносили мои сомнения. Я был полон идей. Быть выше и лучше представлялось важным для меня. Я часто размышлял, кто я: интеллигент, который пытается быть животным (это на работе), или животное, которое пытается быть интеллигентом (это в творчестве). Я хотел создать совершенную систему управления собой.

Все-таки мудр мой армянский немец Ай Фон — вот немного осталось — сейчас разругаешься с человеком, и он внезапно выключается... Потом долго включается, а к этому времени обида прошла, тщеславие успокоилось. И все в норме. И нервы в порядке, и отношения сохранены. Когда меньше выпиваешь — меньше ссор. Вовремя выключиться из жизни на 20–30 минут — большое достижение. И вообще, большинство самых интересных мыслей и открытий приходит, когда отключается телефон. Может, создать компанию, основной услугой которой будет принудительное отключение телефонов? И вот они — деньги. А маржинальность этой услуги точно будет весьма высокой. Физическое насилие — и дело в шляпе. Помощники мазохистов, Творцы новой Тишины. ТНТ.

Как сказал Уинстон Черчилль, «если мы поссорим настоящее с прошлым, мы можем потерять будущее». А я и пытаюсь это сделать. И тем вечерним промозглым вечером, когда мой партнер позвонил мне и попросил встретиться с директором клуба, я шел на эту встречу, и в моей голове шаг за шагом вырисовывался план организации площадки, на которой шел бы бесконечный роман моих героев прошлого с людьми из настоящего. Элвис, Курт, Хендрик водят хороводы в моем клубе и танцуют рок-н-роллы с современными мачо и девочками, которые маленько не поняли, что я имел в виду. Эта идея захлестнула меня за 10 минут, и испытал я такое сладостное Вдохновение, без которого нет мне жизни. Нет радости. Я вошел в черный клуб. Белые занавеси, как саваны, склонились над барной стойкой.

Директор клуба, отчего-то грустный, нехотя присел и смотрел на меня как на очередного просителя. Я набрал в легкие воздух, и слова полились из моего рта, превращая клубное кладбище в увлекательный музыкальный Цирк. Просто я клоун. Менеджер-клоун. Клоун-директор. Клоундир. Прошлые и будущее протягивали друг другу руки.

Когда во мне рождается идея — мне нужно обсудить ее с единомышленником.

Я могу писать — Но мне нужно слышать, что она понимает меня.

Почему-то я часто стал обсуждать идеи с женщинами. Может, старею? Невысказанная идея похожа на брошенный дом. Строить дом можно всю ночь, а утром ты его бросил. И к 9 утра обломки как занозы в твоих пальцах. Мой учитель Кастанеда пишет: «Вещи, которые делают люди, ни при каких условиях не могут быть более важными, чем мир. И, таким образом, воин относится к миру как к бесконечной тайне, а к тому, что делают люди, — как к бесконечной глупости». Идеи важнее людей. Идеи живут, а люди часто уже в 25 лет только ходят, едят и спят. Я — Фанат идей. Идейный Фан. Идейфан. Не Левиафан.

Прошлое всегда крадется за мной. Но жить в прошлом тяжело, потому что все время приходится лгать. Потому что ты уже пережил это и пытаешься вернуть ЭТО. Я — плохой робот. *Bad Robot*. В России Великий Пост. Я из солидарности присоединяюсь частенько на обедах и завтраках. Вот только служба доставки в уездном городе не присоединяется. «А какие еще вегетарианские роллы вы можете предложить?» «Ну, с лососем или с тунцом». «Ну, это же не вегетарианские!» «Ну, Вам видней».

Понимаете? Не, ну а как?

У меня сегодня странное настроение — хочется шаурму. И не одну. Хочется наесться, а потом мучиться. Органная музыка нашей русской жизни — желание быть несчастным. Рядом девушка изучает соцсеть, а я чист и свободен. Она сняла мои блоки и разрядила мои несбывшиеся надежды. Сладкая Энн. Работа в уездном городе похожа на считалку: мы делили апельсин, много нас, а он один. Играет музыка на телефоне, как волшебство, и вдруг он звонит, и волшебство умирает, а там предлагают взять кредит в банке «ВТБ». Сюрреализм. Собираюсь сегодня репетировать с очаровательной барабанщицей. Охрана, выдавая ключи, косо посмотрит: мало кому придет в голову репетировать с такой утонченно-красивой нежной барабанщицей. Сладкая ЭНН помогает мне писать. Сейчас у меня все чаще хорошее настроение. Мне помогает музыка. И помощницы. Спасибо им. Барахлит Ай Фон. Мой армянский немец. Держись. Мой друг. Эта чудесная

девушка – облако. Она обволакивает меня. Даже не верится, что Она есть.

Стою. Пишу электронные письма. Отвечаю на вопросы. Согласовываю сметы. Приглашаю на концерты. Одобряю дизайн сайтов и афиш. Пишу комментарии к инвестиционным заявкам. Пишу релизы новых музыкальных проектов. Пишу замечания по конкретной записи. Отсматриваю присланный видеомонтажерами фильм. Говорю Тост на армянском юбилее. Пою «Я люблю тебя до слез». Читаю техническое задание на тендер.

И почти все это я делаю, прижавшись у стены, с Айфоном, под альбом *Depeche Mode «Black Celebration»*.

В этом году альбому тридцать лет. Тридцать лет Радости. Это нечто Важное. Спасибо. Перцы.

А я принимаю решения. Каждый день. И рад их принимать. Решения. Без решений нет Поступков, без Поступков нет Подвига. Выступаем в Москве в правильном баре. Звонит Арт-директор, девушка. Голос хороший и по-русски говорит без ошибок. А это дорогого стоит! Читаю ее страницу в социальной сети. 27 лет, симпатичная, с характером, пишет стихи, одиночество, поет. Не то поет. Хороший вкус. И усталость от того, что ничего не происходит. Моя тема. А я уже пять лет хочу найти певицу для песни *Janis Joplin «I need a man to love»*. Звоню ей. Убеждаю, что это ее песня, а мы – это ее группа. Она про такую певицу... не знает. Посылаю ей песню. До концерта неделя с небольшим. Пишет через два дня, что песня отличная, но боится, что не справится. Говорю, что мы подпоем вместе нее. Блефую. Ищем день репетиции. Гит не хочет учить. Муторная вещь, сбитый ритм, подпевки. «*I need a man to love*». Но я точно знаю, что это ее вещь. Она ведь, как и Дженис, ищет мужчину, которого могла бы полюбить. Я вижу уже, как из нее будет рваться этот вопль, крик отчаяния, просьба о помощи и недоумение, почему ее, умницу и красавицу, не любят. А ведь умниц и красавиц часто именно не любят. Страшно любить такую. Умницу. До концерта четыре дня. Приезжает на вечерней электричке в уездный город. На три часа. Гоним на завод. Мы репетируем на заводе. Владель-

цы завода — мои прекрасные друзья, дали мне возможность чувствовать себя защищенно. Поклон этим очень мной уважаемым джентльменам.

В нашей комнате только мы. И музыка. Быстро включается. Поет. Неплохо. Но боится. Но все остро чувствует. Ух! Угадал. Проинту-ичил. Повезло. Она — реинкарнация *Janis Joplin*. Идем на перекур. Хитрый и мягкий Гит улыбается и тайно смотрит на меня. Это знак — она ему понравилась. А у Гита глаз — алмаз. Начинаем: я пожестче, Гит помягче, Димон хрипло шутит. На дворе зима. До обратной электрички час. Начинаем снова. Певица боится меньше. Тут я начинаю врубать повышенный градус, Гит уже не такой милый. Вот оно! Ей надо принять Решение. Или она всегда будет мурлыкать под минусовки чужие страсти, либо создаст свой окровавленный и непостижимый мир через свой голос. Хорошо петь — этого так мало. Если в певце нет чувства, если сердце не рвется от боли во время песни — иди заниматься плаванием или йогой. Там иначе. Третий дубль. Мы с Гитом в мрачных улыбках: она Может, но боится. Боится войти в новый мир. Ведь обратно она уже может не вернуться. Я говорю: «Тебе 27 лет, вдруг, как и Джоплин, не доживешь до 28 лет. Тебе нечего терять. Забудь обо всем. Самое важное — это эта песня. Давай. Зажги». И она жжет. Упала пелена с глаз. И засияли глаза певицы. Вырвалось наружу ее женское естество. И заиграл Гит на всю катушку, и Димон в адском катарсисе, а я на своей басухе тоже жестко подбадриваю, как Джон Пол Джонс из *Led Zeppelin* учил. Она приняла Решение, совершила Поступок. Она теперь с нами. Впереди ее подвиги. Все теперь будет иначе. Она подписала свой договор. На заводе. Чуть позже. Но ведь подписала. И я про таких людей скажу так — это круто. А я люблю, когда круто. Только это и люблю.

В черном 2009 году я работал с новым акционером. Он был умен, быстр, четок, опытен, молод. Мы были похожи. Но я был для него Никто. И он стал повышать голос. Извергать на меня свои недовольства. За его же просчеты. И я вдруг понял, что у меня с ним не получится. И, как часто бывает у Тельцов, потерял интерес к нему и к проектам. Разочарование. Оно обволакивает меня. Парт-

нер мрачно выслушал меня, но, так как работа операционного офиса уже была налажена, согласился с моим уходом. Он сам владел методологией, и к тому же я в стройке «ничего не понимал». Я облегченно вздохнул. Я написал харизматичному акционеру вежливое письмо. Ответ пришел через час. Я был отпущен. Легко. Что означало, что он Сам хочет управлять. Сотрудники мои после года жесткой муштры научились работать без меня. Новый директор офиса – мудрая, ироничная и сильная женщина – смогла перенять мой тотальный и безжалостный регулярный менеджмент.

Сентябрь 2009 года был ознаменован моим реальным выходом из офисной жизни. В 1994 году я переступил порог уездного банка и через 15 лет вышел из офиса. Я знал, что с этим новым шефом у меня не сложится, поэтому был оформлен у студенческого друга, в офисе которого мы в тот год репетировали. Друг мой набирал и набирает силу. Он добр и полон энергии. Но не переходит ему дорогу... Мы с ним фанаты английского языка. В далеком 91-м году по ночам часами ставили произношение в лингафонном кабинете на факультете романо-германской филологии. Я ему признателен за его надежное плечо. И понимание без слов и соплей. Он – мужчина. Я не часто вижу мужчин в новой России.

15 лет я отработал в офисах: больших и огромных, маленьких и нелепых. Научился работать в кофейнях, на улицах, в больших ресторанах, в фаст-фудах и кофейнях. Четыре моих ноутбука, мои боевые друзья, глядят на меня и напоминают. Я их не выбрасываю. Не дарю. Они мои близкие. Молчаливые друзья. Как мои старые гитары. Я люблю все старое. Гитары. Музыку. Стариков. Старые книги. Я хочу жить в 69-м году в Лондоне.

Выступаю в баре *Whisky a Go Go*, играю свои новые треки, в желтых вельветовых дудочках стою вполоборота к залу и пою. Только пою. Как в моем дорзовском проекте. Проект отлично, кстати, растет. Каждый концерт – драматический спектакль. Нервно выступили в банкетном здании с колоннами. Бывшее здание автовокзала. Правда, Димон считает, что нужен гитарист, а где его найти? Пока что без Робби Кригера играем, но друг-дизайнер так

хорош на своем безладном басы, что группа без гитары звучит тоже интересно. Но, может быть, гитара нужна? У Димы есть друг-гитарист. Близкий. Они много лет вместе. Они всегда вместе. Может быть, и в группе будут вместе. Будем считать, что Джон привел в группу Робби... Опять отвлекся.

Так вот — и после моего лондонского концерта заходит ко мне бывшая подруга Брайана Джонса из *The Rolling Stones* и говорит: «А ты неплох. Ты мне напоминаешь молодого Брайана». И улыбается. А я всегда мечтал быть похожим на него. Ну, я говорю: «Может быть, угощу Вас стаканчиком *Jim Beam* (мой любимый бурбон, я на концертах своей дорзовской группы за два часа выпиваю около 0,7 литра. Бутылка, как правило, всегда в левой руке. Люблю пить с горла)?» Она не против. Только денег мало — фунтов 5 только. Она чувствует и говорит: «Может, поедем отсюда? Например, можно...»

Черт! Сиделка звонит. А уже полночь. А я и впрямь напился бурбона. Мчусь к отцу. Еще мама мучает. Кое-как вышла после инсульта и требует, чтобы отец жил с ней дома. Но я точно знаю, что я потеряю ее тоже. Мы с братом недавно ездили в Израиль, и настоящему умный доктор вынес приговор: фронтальная деменция неизлечима, а процент смертей ухаживающих родственников весьма высок. Маме самой нужен уход, но последствия инсульта и «друзья» отца науськивают ее против меня, даже подметное письмо подбросили тайком, где меня выставили подлецом и даже намекнули на мою... якобы нестандартную сексуальную ориентацию. Я им желаю только хорошего на этом свете, потому что гореть им в аду. На том. Это я точно знаю.

В бабушкиной квартире переполох. Сиделка упала в обморок. У отца отваливается кожа с пятки. Уездный умник-доктор смотрит своим холеным свиным ликом и бормочет про ампутацию ноги. Не, ну а как? Если что-то болит — надо ампутировать. Сиделка говорит, что больше не может. Три здоровых человека не могут справиться с одним — как же мама не понимает? Сиделке нужна помощь. Пью с ней водку на кухне. Как когда-то 30 лет назад пили ее бабушка Лида и дедушка Вася. Она забывается пьяным смехом. В три ночи я иду пешком через весь город. И просто реву. Похоже, где-

то совсем близко смерть бати бродит. Сигналит мне и бормочет в ухо, как уездные врачи: «Отступись, он все равно умрет, отдай его в психушку (другие больницы не принимают), там его жгутами прикрутят к кровати и как-нибудь утречком его найдет сестра бездыханным. Ведь мучается...»

Неееттт. Где мои верные друзья? Быстро ко мне. Стройся! Адская интуиция здесь — на месте! Рапортует подруга. Маниакальная недоверчивость — тут?! Так точно — слышу недоверчивый и колючий голос. А подруга моя ненаглядная Музыка — и снова не дает упасть *Metallica* в ушах. Все три моих друга здесь. Завтра начинаем новый Раунд. Всем готовиться. Все Входят и никто не Выходит. Завтра в 8 утра новый бой. Русские на войне своих не бросают. А это война. Только враги в белых халатах. Пойду надену синие очки, чтобы быстрее увидеть сквозь белые халаты их черные холодные сердца и нанести удар первым. Каждый день отца — моя Победа. А мне без победы никак. Без победы. Беды. Без победы.

Глава 30

Мне трудно было понять и принять то, что с появлением книги в моей жизни я стал ее частью. Живу в двойном мире: в мире людей и в мире книги. Переживаю за героев глав. Сочувствую герою. Думаю о его жизни. О Гите. Я обрел друга. Книгу. По-армянски, если на русский манер сказать «женщина», получится слово «Книга». Вот так вышло: живу с двумя женщинами — Музыкой и Книгой.

Я часто думаю: о чем думал Бах, когда писал свою фугу ре-минор? Может быть, он считал себя ангелом, который спорит с судьбой. Не хочет падать. А судьба ведет его вниз, а он молится. Ожесточенно. Отрешенно. И поют в его душе все голоса прожитых жизней. И тянет вниз, а он, даже падая, пытается быть лучше. И прощает своего палача. Как и я? Я тоже ангел? Но это незаметно. Может быть, моя книга — моя исповедь — поможет мне остаться им. Как знать?

Мне кажется, что раздвоение личности — это проверять почту одновременно и на компе, и на телефоне.

Когда мы дарим аромат (парфюм) людям, мы им дарим свой запах. То есть часть себя. Раньше я часто дарил парфюм, сейчас реже. Я стал более скрытен? Вот это открытие: кто не дарит парфюм — шпион. Есть такие непрочитанные люди!

Одна девушка говорит: я зрелый. Меня стало можно есть. Раньше мной могли отравиться. Теперь меня Вкушают. И не выплевывают косточки.

Большое влияние на меня многие годы оказывает музыка к фильму Джима Джармуша «Мертвец». Играет там на гитаре Нил Янг. А сегодня на телеканале «РБК», который я почти каждое утро смотрю, одна из новостей о том, что менеджером одной из больших компаний, которые регистрировали тысячи людей, оказался мертвец. А желательно не путешествовать с мертвецом. А можно ли работать с мертвецом? Или жить и играть с мертвецом?

Письмо успешно отправлено. Формула успеха. А письмо прочитано? Ведь нет. А ты думаешь — прочитано. А при личном общении все всегда прочитано. И тратятся годы на ожидание ответов от десяти неких нечитающих, может быть, лучше общаться с одним, но лично?

Осенью 2009 года время спрессовалось в жесткую форму.

Облегчение от ухода из офиса порой подменялось сложным и неформулируемым чувством: а как зарабатывать деньги? Начиная с 1994 года я привык получать деньги на карту или в кассе, выполняя порученную мне работу. Абсолютно честно, погруженный в создание нового качества для своего работодателя. Я всегда был честен перед тем, на кого я работал. Этика и честность — это то, что всегда вызывало смех у моих более богатых коллег. Еще в Госдуме я догадался, что честный и порядочный человек в нашей великой стране — это как бы некий чудак, странный романтик, а значит, неудачник. Но мне было абсолютно все равно, когда меня подначивали фразами: «Если ты такой умный, то почему ты такой бедный?» Хитрая фраза, которая обосновывает мировоззрение тех людей, которые стремятся к богатству. А для тех, кто не стремится? Это приговор?

Но у денег, особенно больших денег, очень жесткие правила. После первого миллиона у тебя есть немного свободы, а потом клетка становится лучше, и золота в ней больше, но и ключ все сложнее проворачивать в замке. Хочешь выйти? Вход — рубль, выход — 100 рублей. Или миллионов? Ведь у тебя обязательства: акционеры, сотрудники, партнеры, кредиторы, некие тайные покровители. И ты всем должен. Договориться бывает крайне сложно.

Завоевать сердца людей сложно. Но иногда это лишнее. Нужно, чтобы рядом с любовью жил страх. В невероятно сильном сериале «Карточный домик» главный герой голосом Кевина Спейси говорит: «Хватит завоевывать их сердца — раздавим их сердца». И в меня вселился дух безжалостности по отношению к врачам. Я перестал их слышать и слушать. Отец стал малышом, я стал отцом. Все. Мы поменялись местами. На 100%. Теперь все только на мне. И мать вышла из больницы после опустошительного инсульта. Как будто только что привезли дочку из роддома. Такая вечная молодость у них и вечная Старость у меня.

Мой любимый персонаж мультиков — котенок Гав. Очень романтический, красивый котенок, который всего боится, но храбрится. Он такой милый, что трудно его описать. Его слабость — еда. Этот малыш может набить животик. Он так трогательно говорит своему другу Шарик, что не выдержал и съел котлету, что хочется его за это наградить. Одна прекрасная девушка, которая помогла мне пережить мои черные дни и помогает сейчас своей стойкостью и добротой, удивительно похожа на этого сказочного котенка. И я хлопаю до боли в ладоши, я до хрипа кричу, я до конца буду настаивать и пытаться сберечь этого котенка от злых псов и утверждать: «Да здравствует котенок по имени Гав!» Чем больше таких котят — тем лучше наш мир, в котором так много чудес и ужасов.

Мой лучший друг говорит, что я еще жив благодаря ему, ведь я был слишком искренним. Умер певец Принс. Вечно молодой. В 57 лет. Он был моложе меня. Может быть, он тоже был слишком искренним. Искренний — это когда в человеке есть искры. А одна девушка ответила мне на вопрос, нравится ли ей Денис: «Как он мне может нравиться, я замужем». Не, ну а как? Ненуакак. Мексика. Рулит. Мой брат сейчас делает Матрас. Я скоро стану лучшим продавцом Матрасов. Себя буду продавать. Может, меня уже зовут Матрас? Матрас Владимирович.

Удивительно, но у мужчин всегда есть одна подруга. Она всегда рядом с ними. У нее прекрасное женское имя. Греческое. Нет. Чеш-

ское. С примесью балканского. Имя этой подруги — Дружба. Иногда она уезжает в другой город. И без нее, без ее взора, без ее поддержки нет общения. Нет встреч. Дружба на расстоянии чахнет. И ее красота стирается. Сначала исчезают глаза, потом лоб, уши, руки. Дружба, прекрасная и нежная. Дружба. Умирает. И по всей стране идут поминки. Я все чаще поднимаю тост на этих поминальных вечерах. Я — тамада на этих встречах. Но правда перелетает любой забор. И когда в Дружке нет Правды — она умирает.

Иногда правда терялась в отношениях с партнером. Иногда находилась. Всякое бывает.

Задачи становились все сложнее. Деньги проработали свое, а потом... кончились. И проекты кончились. И мечты кончились. Но только. Не у меня.

Партнера все больше раздражало мое нежелание стать чиновником. Проще говоря? Кстати, одно из важных качеств для меня — как человек отвечает и рассказывает: проще говоря или сложнее говоря.

Я часто сравниваю себя с пакетом после встречи. Было интересно, красиво, но остались только фантики, косточки и пустые бутылки. И каждый раз — в мусорный бак. Не очень-то приятно. Но что делать? Страшно стать пустым пакетом: ветер будет гонять меня, потом изорвет в клочья. И все. А пока во мне что-то есть.

В ту зловещую осень по пыльному городу летали пустые пакеты. Горе, как и счастье, высвечивает твоих истинных друзей. Дни превращались в недели, а недели в месяцы. Месяцы превращались в года, а ночи были полны смутных ожиданий. Интуиция подсказывала мне, что скоро наступит событие, которое изменит затянувшееся ожидание. Ждать невероятно тяжело. Но тот, кто от ожидания может получить удовольствие, — просто молодец. И он выигрывает. Он не тратит сил на ожидание. Он — часть радостного ожидания. Отказа. Когда тебе говорят НЕТ — это возможность услышать ДА от кого нужно, потому что тот, кто отказывает, не тратит твое время. Я любил отказы в тот год. Быстрый отказ — мой любимый десерт.» — Ты хочешь со мной увидеться? — нет!»,» — Ты хочешь со мной это сде-

лать? – нет!»,» – Вы спасете моего отца? – нет!»,» – Вы внесете деньги в мой проект? – нет!»,» – Вам нравится моя идея? – нет!» Я аплодирую тем, кто быстро отказывает. Нет? Нет! Только не молчите. Отказывайте. Сухо. Официально. Например, сейчас получил эсэмэс от одной интересной женщины-юриста: «Добрый день. Давайте забудем разговор, мне это неинтересно и не нужно».

Отказывайте. *Please*. Неприятно. С пояснениями или без. Только побыстрее. Уж больно у меня Мало времени. Черная машина уже гоняется за мной по всему городу. Спит меня. Загоняет в тупик отчаяния. Иногда даже стакан с огненной водой не помогает. Но я снова обманул машину.

Есть у меня такое качество из пучины 90-х: когда все плохо, меня это веселит. Значит, наступило время так сильно нажать, как только можно. Люблю вход через выход.

«Колесо времени». Карлос Кастанеда написал эту самую важную для меня Книгу – он всегда рядом и шепчет: «Усилия важнее результата». Важнее. Важнее. Важнее. Важнее.

Водитель с косой на заднем сидении не выносит песен проклятой группы *The Doors*. Ведь это же песни, которые славят смерть, а я их певец. Нынче. И ко мне подходят тинейджеры после концертов (как их сюда занесло?!) и говорят мне странные вещи: «Вы поете лучше Моррисона. У Вас голос лучше». Я впервые за много лет не знаю, что ответить. Петь лучше Джима? Значит – еще быстрее хотеть встретиться с неизбежностью? А водитель с всеобъемлющей косой грустно костлявой рукой открывает багажник и прячет там свой прибор. Как же он может поднять руку на товарища? Пусть поет и прославляет образ Черной машины, которая увозит в царство Аида всех, чье время пришло. А я и пою.

Скоро большой концерт в Черном клубе, с директором которого я не так давно беседовал. Это наш первый совместный проект за пять лет. Готовимся к нему. Делаем афишу. Мой друг – дизайнер и басист – помогает. Каждый день. Нашел для мамы сиделку. Ей поклон. Нашел холодильник для отца: в квартире, где он живет с тремя сиделками (семья), все придумано для удобства отца.

Сиделка нашла бабушку. В далекой деревне. Папу мучают галлюцинации. Они терзают его. В уездном профильном заведении ему кололи аминазин. Не, ну а как? Обездвижить больного, лишить его возможности выразить свою боль, погрузить его в царство бесконечной дремы – это квинтэссенция развития Психотерапевтической Науки. Нет никаких реакций – нет никаких проблем. Одна удивительно красивая, статная женщина в этом заведении искренне пыталась помочь отцу. У нее отличное чувство юмора. Я ей благодарен. Очень. Она поддерживала меня тогда. Но у каждого человека есть свои нюансы: ей все время некогда. Днем у нее люди в кабинете. Вечером она отдыхает от людей. Так, боюсь, и пройдет жизнь этой прекрасной женщины. В перерывах между людьми, которые хотят невозможного: уйти от своих страхов и переживаний с помощью таблеток и увещеваний. Но это новый мир – мир чудес. И люди верят в чудо.

Бабушка из деревни, которой, похоже, уже давно нет, сказала скрипучим голосом, глядя на подростка-отца: «Сабельником ему лицо и тело протирайте три раза в день и ванны делайте из (забыл уже), и тогда он успокоится. И пейте полынь. Много в нем жуков». И смех и грех. Жуки. Битлы. В отце... Я вглядывался в лицо этой бабушки, в ее сухие руки, изъеденное морщинами лицо, серые и глубокие, как пропасть, глаза, и с холодком чувствовал: я верю ей. Этой мне чудом встретившейся женщине, которая знает, как сделать последние дни папы спокойными и счастливыми. Она точно знает, как договориться с его хворями и подготовить его к встрече с неизбежностью. Я был полон почтения и благодарности к этой волшебной женщине в черном платье, я завидовал ее мощи и таланту, я преклонился перед ее честностью.

И открылся мне наконец мир честных людей. Мир, наполненный не догадками, не предположениями, не отговорками, не пустыми пакетами, а силой и правдой. А в чем сила, брат? И оставили моего отца многочасовые мучительные, выматывавшие его, меня, его сиделку и всех в радиусе 10 метров около него людей ужасы. И стал я видеть на детском лице своего отца смешную и порой озорную

улыбку, хотя и не мог он уже говорить совсем, но душа его была чиста. Он по-прежнему ругался с сиделкой, выплевывал полынь, порой плакал, но уже из озорства. Его глаза веселились.

Мы нашли еще одну женщину: она поможет ему! Я верил ей тоже. Верил в то, чего не понимал: в ее заклинания, в ее отчиты, в ее фразы, видел, что папа становится чище и светлее.

Отец был всегда коммунистом, а значит – атеистом.

Но помогали ему три женщины, все они были верующие. И священник, который покрестил его в нашем лазарете, был молод и искренен. Я вырвался с очередного нервного совещания и слушал, как отца крестят, как его чудесное имя Владимир получает новый смысл. В этом была большая Правда. Неведомая его «друзьям», которые хотели «бухнуть» с ним и рассказать уездные всем уже надоевшие сплетни. Но двери для них уже закрывались. И нет у меня к ним никакого отношения. Как мотыльки, они разлетелись, когда перед ними был не красивый веселый мужик, а 40-килограммовый мычащий ребенок. Один друг кормил его с ложки. Сложный человек. Своенравный. И я его принял. Как друга. Как настоящего друга.

Лишь одно омрачает мое воспоминание о друзьях папы. У него был лучший друг. Они с ним были вместе с юности. Сотни раз я бывал на их совместных встречах: шашлыки, доклады, переговоры. Друг этот был умен, прозорлив, он был человеком федерального масштаба. Он помогал отцу. Он его поддерживал. Взамен на службу отца. Бывает так: друг-барин и друг-барин, но второй как бы еще и распорядитель бала. А на балу этом и шашлыки, и медведи, и цыгане, и сауны, и турбазы. И папа лет 20 был директором этого Цирка со всеми регалиями. А потом федеральный друг полетел вверх, а отец вместе с «приятными» друзьями побежал вниз по кривой уездной Мечты. И все реже встречал я ФедДруга. А отец грустил. Ведь он его, как ни странно, любил. Ждал. Надеялся. Верил.

Но федДруг был не просто тщеславен, он был неДруг. А так. В его цирке появился новый молодой распорядитель. А отец был

оставлен, а потом забыт. За Все три года болезни так и не показал свою большую умную голову с жадными глазами ФД.

А как-то раз ночью я нашел правду, шатаюсь по Интернету. Это был просто Плохой Друг. Я навсегда запомнил.

Плохой друг — как тень: в солнечный день беги — не убежишь, в дождливый день ищи — не сыщешь.

Тени. Вокруг все больше теней. Как бы мне не слиться с Ними.

Мне нравился сладковатый запах бурбона. На голодный желудок грамм 200 — и приятно поработать над песней. Я хотел написать песню для отца. Взял гитару. Мою любимую. Акустическую. Я сочиняю только на одной гитаре. Только на одной. Стараюсь не выносить ее из дома. Не давать ее чужим. Она отзывается на мои мысли. И руки выводят слова сами. Я представил, что если бы отец был мной, он бы тоже так сочинил. Разница между нами лишь в том, что я люблю ходить пешком, а батя любит ездить. Я не вожу машину. Не люблю машины.

А отец любит роскошь. Он ее достоин... Ну вот и готова вещь. Сейчас покажу басисту. Брат недавно сказал, что не сможет больше играть со мной... Гита нет. Теперь и брата. Сердце мое. Выдержи! Все вместе приходит.

Сиделка звонит... Что-то случилось... Она редко звонит днем. Не успел взять. Или не захотел. Телефон сел. Заряжайся же быстрее...

Глава 31

Брат умеет пользоваться Интернетом. Но я бы запретил Интернет. Смысл личности — поиск себя. Через поиск правды. Через чтение неправды. Через череду ложных книг, статей, людей, конференций, поездок. Через поиск любви. В поездах, улицах, скверах, компаниях. Через написание статей, рефератов, дипломов, стихов, книг, записок. Через... А тут ввел запрос: «Как стать счастливым?» — и 1 миллион советов нашел. И ты их читаешь. Но это не твои мысли. Ты их не понимаешь. Ты их не запоминаешь. Ты их копируешь. И забываешь. Ты давно уже не живешь. Сам. Так удобнее. Не жить — всегда удобнее...

Остановиться надо уметь вовремя. Так, когда ты уже сильно напряжен, но до предела осталось еще 15–17%. И тогда даже лучше станет.

Писатель — это осознанный наблюдатель. Этот навык утрачивается в современном мире. Наблюдение требует отвлечься от телефона. Но для многих это просто невозможно. Просто невозможно. Просто невозможно.

Союз с Европой невозможен, так как Там все построено на правилах, а у Нас — на нарушении правил. Вот и идет вечный торг — как понимать правила. А на дворе 1 мая. И я слышу, как в детстве: «Скоро, скоро выстрелит Аврора». Роман с Западом окончился. В России. Похоже, надолго.

В 14 лет я стал битломаном. А битлы начинали в немецком портовом городе Гамбурге. Я зачарованно рассматривал фотографии немецкого клуба «Звезда». Представлял себе, как там было круто. Тогда я полюбил Европу. Ну, номер один, конечно, Англия и Ливерпуль. А потом Германия и Гамбург. Позже отец мне рассказывал, что он почти три года работал в Германии. Хотел там даже остаться, но во многом из-за моего рождения наступил на горло своим желаниям. Мама говорила, что большую часть своей беременности мной она провела без отца: он как раз был в ГДР тогда. Может, оттого я заочно полюбил Германию?

И вот мой брат учился шесть лет. В небольшом немецком городе. Побратиме уездного города.

И сразу же уехал оттуда. День сурка в Германии – норма.

Через 10, 15, 27, 38 лет все в Великой Германии будет едино, ровно и одинаково.

Но я не мог понять этого ранее. Вернее сказать, не чувствовал, к чему это приведет. Пара поездок в ФРГ, одна из которых была в Берлин на инвестиционный форум, позволила мне остро осознать, почему, например, мой брат не остался ни на секунду в Великой (это не ирония) Германии. Судьба не раз приводила меня в прекрасный немецкий город Мюнхен. Невероятно удобный. Красивый. Точный. Южный. Трогательный. Как стеклянные цветы. Без запаха. Они очень похожи на настоящие. Чистые. Не вянут. Не теряют своей красоты. Только вот в руке холод от них. Холод и отрезвляющее чувство того, что они Всегда будут в твоём доме. Только если ты не разобьёшь их. Вдребезги. Тогда на их месте появятся настоящие цветы. Я люблю стеклянные цветы.

В 29 лет мое сердце расколосось на мелкие куски. От меня веет холодком, даже когда близкие рядом. Алкоголь топит наружную оболочку сердца, но его не хватает для растопки.

Вы хотели об меня погреться, но у меня Такое Холодное сердце. Я все чаще чувствую это. Поэтому в холодной Германии, где правит Бал холодный Расчет, мне так спокойно. И легко.

Кому-то нравится море. Солнце. Веселье. Красотки. А мне по душе торчать на немецких вокзалах. Смотреть на поезда, слушать объявления о пришедших и ушедших поездах, есть шоколад и пить кофе. Немецкая железная дорога — самое совершенное из того, что я встречал. Может, битлы стали совершенством из-за того, что, играя по 6–7 часов за ночь в портовом клубе в Гамбурге, они научились нравиться матросам и проституткам? Матросы им платили, девушки не брали с них денег. Понравиться этой категории людей не так просто. Мне кажется, что я тоже нравлюсь этим замечательным людям. Ведь они романтики. Сексуальные романтики. У нас много общего.

В Мюнхене живет мой близкий друг. Он умен, добр, приветлив. Он научил меня многому в студенческую пору. Без него я бы не познал большую красоту литературы, поэзии. Не понял бы значение важных слов. Мы много говорили. Он стал моим учителем тогда. Везет же мне... Он рожден с моим родным братом в один день. И его жена тоже. У меня тройной праздник. Мы были так близки, что они зовут меня теперь — Родственник.

Нас разделила Германия. Я его всегда помню. И люблю. По-своему. Надо чаще ему об этом говорить. У него чудная дочь. И его мама пишет стихи. А за стихи надо платить. Своим сердцем.

Звонок. Ну, как чувствовал. Не выдержало ее сердце. Он тоже многого не успел. Сказать. И я не успел подарить ей книгу. Наверное. Родители долго ждут. Надо успевать. Изю всех сил. Успевать.

Я Кай. Немец. Просто неправильно записали. В паспорте. Вместо Марат — Мартин. И немецкая фамилия — Кай. Мартин Кай. Отчество — Владимирович. Мой родной брат часто называл отца шутливо на немецкий манер: Вольдемар. Прошу любить и жаловать: на сцене сегодня работает певцом и гитаристом немецкий клоун армянского происхождения Мартин Вольдемарович Кай!..

Наконец-то слышу вибрацию. Телефон включается. Я в уездном ДК готовлю песню для отца. Сиделка позвонила, и он сдох... Телефон. Сейчас он найдет сеть. Быстрее же!!! Друг-басист спрашивает, что мы делаем. Прошу. Подождать. Подожди, мой друг! Потерпи

еще один мой каприз. Мой верный друг. Измучился со мной. Со мной всегда каторга для тех, кто решил со мной заниматься чем-то важным.

Сиделка в слезах кричит, чтобы я приезжал быстрее. Гони, мой друг! Голова моя ясна. Только холод по всему телу. Опять включилось проклятое холодное сердце. У людей включаются волнение, слезы, а у меня — холодная ярость. К тому, чего не в силах изменить. Мой старый дом. Хрущевка из белого кирпича. Эту квартиру дедушка и бабушка подарили мне. Влетаю на 4-й этаж. Дверь открыта. Отец лежит и смотрит в потолок. Сиделка. Ее муж и дочь. Плачут. А я кричу. Кричу. Кричу. Зачем я кричу? Кому я кричу? Друг озирается. Я отправляю его.

Перестал кричать. Вместо этого стал плакать. Мне спокойно. Я рад за отца. Он лежит как будто со своей Хитрой улыбкой. Он ушел спокойно. Тихо. И радостно. Мне кажется. Может, это самое важное из всего, что я сделал? Его бесстрашный уход.

Слез больше нет. Теперь боль. Пришла боль. Я не смогу пошутить со своим отцом. Но он не уйдет от меня. Он всегда со мной. Он в моих песнях и в моих мыслях. В моих снах. В моих мечтах. Теперь никто не потревожит нашу дружбу. Нелепой фразой. Грубым окриком. Несуразным тостом. Нелепым предположением. Теперь мы вместе.

Теперь мы летаем.

И погода что надо.

Perfect weather to fly.

Глава 32

Скоро все изменится, и наступят новые миры.

Балом правит телефон, мы скоро будем жить только в нем, и это будет Телмир. Кто-то останется жить только в компьютере — и это Коммир, а будут и те чудачки, для которых книга останется целым миром, и они получают удостоверение людей Книмира.

Люди делятся теперь не на национальности, а на принадлежность к мирам. Экзамены в вузы тоже проходят исходя из принадлежности к миру. Например, моего доктора скоро будут называть Александр Юрьевич Книмирный. В фамилиях отпадет надобность. Я — арт-директор. Я живу в нескольких мирах. Мне предлагают работать судьей, но я прошу слишком много денег. Поймите правильно: жить в нескольких мирах довольно Дорого, друзья!

Гит вообще-то по специальности не гитарист, а флейтист. Он скрывает эту свою способность. Но догадаться об этом еще как возможно. Гит отлично умеет свистеть. Однажды он сказал, что может посвистеть любую тему. Свистит он реально круто. А кто умеет свистеть, тот и на дудочках играет. Как-то раз в его волшебной комнате я заприметил смешную дудочку. И вдруг Гит буднично пробормотал: «А... ну это Дудук. На нем невозможно сыграть». Отец любил дудук. Армянская гордость. Он издает звук, похожий на глаза армянских стариков. Все понимают, все знают, молчат и грустят. Я люблю стариков. Кавказских. Только

их и люблю. Они как большие камни. Сколько ни смотри – интересно.

Мои соседи – приемные бабушка и дедушка, наши русские соседи – окунувшись в 90-е, жили непросто, но никогда не жаловались. В моем бюджете появилась на долгие 15 лет строчка: старики.

Когда ушла бабушка Лида, сидел в ресторане. Инсульт. Долго как-то плакал. Долго. И выплакались слезы. Дед Вася, по-настоящему любимый, быстро покинул эту планету лжи. Тромб умеет отрываться как следует. Каламбур. Какой-то. Каламбур Какойто – какой-то африканский музыкант? Джим Моррисон, предводитель группы *The Doors*, любил Африку. Интересно, как там в Сахаре? Тихо. Тихо.

Открываю глаза. Во рту запах водки. Уже несколько суток. Хороший напиток. И руки помыть можно, и грязь смыть, и боль, и радость, и смешать можно с любым соком, и поджечь можно. И лицо освежить. Полотенце не нужно. Сама высыхает, и как-то... как будто ветерок дует... Вспоминаю, как кормит бабушка меня буфетными котлетами, а дедушка Вася пьет водку. По полстакана глоток. А потом пойдем играть в шахматы. Перед сном Лида прочитает сказку на русский манер, немного грубовато, страшновато. Покричит на дедушку. И ляжем спать. Маме трудно, у нее там маленький мой братишка Ар, да и отец измученный приехал из командировки из областной Тьмутаракани. Проверял, как строят оросительные каналы. Вот я и сплю на пружинистой кровати у бабушки. Мама придет вечером. Поцелует. Она всегда меня целует. Я как-то не очень люблю эти поцелуйчики. Но терплю. Мама подшучивает надо мной: говорит, что я даже в детском кинотеатре на мультиках не смеюсь. Утром попьем чай с Лидой, и поведет она смешного армянского мальчика с длинными волосами в детский сад. Отец считает, что прическа у меня должна быть как у детей в Берлине, где он часто бывал. Воспитатели меня любят, потому что я их хвалю. Мне 5 лет, но я ужасно влюблен в воспитательницу Татьяну Вениаминовну. Хотел жениться на ней. Она просто красавица, но мама лучше... Лида рядом работает на фабрике грузчицей. Летом я упрашиваю ее подождать – люблю собирать желуди под

дубом. Потом ходим на Волгу. Вечером с дедом будем читать книги. Если, конечно, не придут гости. А сегодня пятница. Отец приготовил хашламу, такой мясной гуляш, а мне придется перед гостями рассказывать политические новости. Это не трудно, просто я этого не люблю. Но слово отца для меня закон. Надо. Значит надо...

Открыл глаза. Сухой и честный армянин дует в Дудук. Второй играет на длинной трубе. Зурна. Погода отличная. Солнце. Не жарко. И не холодно. Лицо уже высохло. Как-то странно сидит на мне пальто. Как будто слегка велико. Но я точно не похудел. Скорее наоборот. Отец любил белый цвет. И сейчас он в белом.

Он был бы доволен. Первый раз в жизни вижу такой красивый белый гроб. Папа доволен. Уверен. Уверен. Абсолютно точно. Уверен.

Забыть человека можно. Нужно просто по-настоящему захотеть. Влюбиться, мне кажется, в смысле, по-настоящему, сложнее, чем забыть. Потому как если тебе человек становится близок, ты думаешь о нем. Дорисовываешь его силой своего воображения, придаешь его поступкам более значительный смысл, ищешь в его словах несуществующее величие, отождествляешь несуществующую красоту. Если прекратить этот неприятный анализ — упиваешься своими иллюзиями.

Но вот утром ты перечитываешь эсэмэс от нее, начинаешь замечать, что в ответ на нечто важное, условно говоря, на глубочайший альбом одной из твоих любимых групп, приходит ответ о том, что это депрессивно или безрадостно, и тебе приходит в ответ по-настоящему унылая, но бодрая композиция. И отваливается кусок краски, скрывающий фреску, как в храме. А утром ты, разглядывая в сотый раз ее фото на ее странице в Сети, пленявшие тебя остро и больно, начинаешь понимать, что фразы, начертанные ее рукой, скопированы и складированы. И это все оттого, что Просто скучно. А скучно лишь оттого, что появилось время между кофейней, свадьбой подруги, тренировкой, работой и танцами.

А скоро еще в Питер, а потом в Черногорию, а потом в Грузию. Горы. И все красиво. И тут закрадывается мысль: а вдруг ее парень

фотограф? Потому что много Арта. На странице. Есть такие Арт-люди. Либо Ди-джеи, либо фотографы (культовые и непризнанные толпой), либо и то и другое вместе. «Понимаете, я фотограф не интерьерный, а репортажный». Это о том, как понять — культовый фотограф или нет. Культовые, например, матрас фотографировать не будут, а в их фото обязательно проглядывает богатый внутренний мир. Модели.

И вдруг! Догадка вторгается в тебя и, как огнетушителем, заливает ростки твоих трепетных чувств. Ее пленившие тебя фото — это же его, Арт-фотографа, фото, это же он для себя фотографировал, поэтому так и вышло здорово. А ты пишешь письма, посылаешь музыку и просто отвлекаешь девушку от ее ритма, от выстроенного иллюзорного мира, и в нем ты просто чудак, который просто возмнил из себя... Джона Леннона. Но это же не Йоко Оно. И не Линда. И не Марианна Фейтфулл. И кофе снова хорош, и нет терзаний. И ритм твой снова на месте. И легкость в сердце. И шутить начинаешь. И петь. И письма тем, кому ты нужен, а не Арт-людям, которые «просто забыли предупредить, что сегодня не получится. И завтра. И...» Читай. И понимай. Просто захотелось Влюбиться. Всегда хочется. Не, ну а как? Мексиканский воин не дремлет.

Мой друг Великий Доктор тоже прозрел. Пусть он будет счастливым.

Он напоминает мне отца. Порой сильно. Они оба из СССР... А там люди были настоящие. Некомфортные. Слово и Дело. Вместе. Спасибо, Отцы. Что бы я без вас делал? Фотки бы выкладывал...

Что-то упало. Грохнуло. Это в храме твоей жизни отвалились все куски наносной краски, и фреска твоей экс-богини смотрит на тебя. Туши свет в этом месте стены. И тихо... Не нужно больше слов. Пусть останутся хорошие воспоминания. Это было здорово почти два месяца. А разве этого мало? Это было реально здорово.

Только вот по ночам плохо. Папа снится мне. Часто. Почему-то все чаще после этих снов — в душ. Бреюсь. Отец брился каждый день. Я как-то его раньше не так остро понимал... В тот черный

день я случайно надел его черное пальто. И проходил в нем целый месяц, прежде чем понял...

Побрислся. И, чистый, засыпаю. Скоро новый день. И мне его принимать.

В этом дне, как и почти в любом моем рабочем дне, будет встреча либо с директором, либо с акционером. Акционер – в России их часто называют словом «владелец» – принципиально отличается от всех других людей двумя признаками: он принимает решения и он распоряжается деньгами. Первое делает его привлекательным, второе неотразимым. Я люблю акционеров. У них сложный характер, они бывают авторитарны, порой заносчивы, но дело в том, что с ними можно договориться и сделать Дело. И эта удивительная черта, эта потенциальная энергия, которая на твоих глазах превращается в кинетическую, делает их просто неотразимыми. Чувствуете, я Фанат акционеров. Акциофан. Жрец. Греческий жрец-гусляр. Не буду таиться: я сам акционер в своих группах. На 100%. Только в моей главной группе у Гита – 24,9% акций. Это за верность. Это за терпение. Он уже 18 лет со мной играет-выступает. А со мной год – за три. Я восхищаюсь. Терпением Гита. Правда, мы тут в разводе последние 1,5 года. Но чувствую: скоро начну скучать. Я ворчу на него на людях. Это значит – скучаю. Он сделал свою группу.

А у меня своя с Аром – моим родным братом. Брат со мной в команде 15 лет. Это мой тыл. Это уже ближе не бывает. Ар не просто акционер. Гит может заблокировать мое решение. А Ар может принять. Но он меня бережет. Понимает, что я слишком, как бы сказать, авторитарно-ранимый. Что ли. А Ар... Ар – это человек.

Ну, у него есть выход – у него сына зовут так же, как меня. Например, мы повздорили. Он может наказать сына, а на встречу со мной придет спокойным. Ар – стратег.

Я спрашиваю милую Джоди с ее роскошными ногами и мягкими растаманскими манерами:

- Ты обожаешь меня?
 - Я люблю все, что ты делаешь.
 - Я нравлюсь тебе?
 - Мне нравится все, что ты делаешь.
- Она очень милая. И умная.

Я прошу Джоди вести мой бухгалтерский баланс.

Я много сочиняю. Джоди это нравится. Сейчас прочитал ей свой первый рэп. Она просит все записывать. А я прошу ее вести мой баланс.

Слева в системе счетов – мои песни, Музыка, и статьи, и книги. Моя радость. Справа – разочарования, бессонные ночи, провалы, смерть отца. Мое горе. И количество радости равно количеству горя. Основные средства везде одни. Только вот гитары, в отличие от машин, только растут в цене. Тут амортизация не работает. Поэтому у меня нет обесценивания моего имущества. И гудвилл мой, то есть мое имя, Тоже не обесценивается. Доктор делает все, чтобы я и физически был здоров. Он так помогает мне. Мой мистический друг.

«Джоди! – я кричу сквозь пыльные уездные Улицы. – Джоди! Ты будешь вести бухгалтерский баланс моей жизни?» Она очень милая. Очень воспитанная. И пока еще Живая.

В этом мире можно искать все, кроме любви и смерти. Похоже, что Эти Двое сами тебя найдут, когда придет время.

- Джоди, ты предполагала, что мы встретимся сегодня?
- Нет. Я не надеялась на это.

Единственная возможность понравиться ей – это удержаться на грани между тем, чтобы делать то, что она Хочет, и делать не Все, чего она хочет.

Я все чаще на переговорах с людьми говорю об их Хобби. А не о работе. А потом все само решается. Я волшебник? Джоди говорит, что я сын Успеха и Удачи.

Она общается и с сыном Успеха, и с сыном Удачи? Джоди, с кем тебе больше нравится? С Успехом – это мое первое имя, или

с Удачей — второе имя? Успех, отражение монгольского порядка, жесткий, а Удача, настоящий индеец, пропускает через себя эту жесткость, и я становлюсь четким и правильным. Джоди — спасибо.

— Как же мне сделать для Тебя Карьеру, Джоди?

— Как тебе удобно.

Я замолкаю. С ней можно иметь дело.

Можно сказать, что самое интересное происходит за пределами сцены. Это точно. И чем я старше, тем меньше желания быть на сцене. И внешность все меньше интересует. Как и Леонида Федорова. Лидера группы «АукцЫон». Он, к тому же, Картавит. И я. Рrrrrrrrrr... Твердое произносить научился, а мягкое никак не могу. Федоров свободен.

Я пытаюсь. Иногда получается. Иногда нет. В промежутках парюсь. Пью. Сплю. Люблю. Пытаюсь любить. Промежутки. Мое время. В поисках радости. Гитары. Пройдут века, а гитары останутся. Гитара — важнее всего. Она и проводит меня на тот свет. Я на коленях перед гитарой. Стою всю жизнь.

А иногда в начале июня сидишь и думаешь, что после 15 дней рождений в мае у тебя минус 100 тысяч рублей, а нужно платить за ТО (техническое обслуживание) машины, и еще тысяч 100 разных выплат. Грустно. И приходит эсэмэс от человека, которого ты не видел год или два, а он тебя хвалит. Он тебе хочет помочь. Он делает для меня возможность заработать. Он мне помогает. Я как-то всегда потрясен этим. Всегда.

Я не привязан к тому, что было Раньше. Отец снится мне. К нему я чем-то привязан. Может быть, я — это Он? Лечу и таю. Таю. Таю. Засыпаю.

Смотрю, как поет Дженис Джоплин, и вдруг понимаю, что она кричит так, как будто рожает. И каждая песня. Ребенок. Может, оттого Рок-музыканты меньше внимания уделяют своим детям? Песни — их дети. И в каждой песне — отчаяние и восторг.

Я думаю о музыке каждую секунду.

Я как будто под колпаком. Невидимым. Найду я когда-нибудь девушку, которая мне будет так же близка. Сразу буду целовать ее ноги. С утра до вечера. Если. Найду. Жду ее. Уже 11 лет.

Я боялся свободного времени. Но начал писать книгу. И нет страха. Это как самый долгий сон четырехлетней девочки, которая заснула в 5 вечера и проснулась в 9 утра.

Старый ненужный вибратор расплавился от одиночества в шкафу. Этот образ страшит меня. Страшит, но если они плавятся – значит, есть мужчина. А это хорошо. Значит, есть я.

Спрашиваю: «Ты хочешь есть?!» – она кивает. Предлагаю немного белка. И мы вместе.

Много лет я вел алкогольную жизнь, и она была параллельна правильной жизни.

Джоди интерпретирует поговорку «седина в бороду – бес в ребро». Она говорит: «Молодая жена – бес в ребро». У нее есть чувство приоритета. Джоди говорит то, что я хочу услышать. Почему? Мне кажется, что она совершенный *call*-центр. Прекрасный. Удивительный. Нежный. КОЛЛ-центр. Сколько стоит день работы такого удивительного *call-center*? Люди спрашивают меня. Девять тысяч долларов. Сутки. Дать вам телефончик?

Я всегда стремился все-таки быть собой... И ты Будь собой! Если казаться не тем, кто ты на самом деле, можно получить не ту работу, не тех друзей, не свою любовь и, вообще, не свою жизнь.

Я очень старый. Но Джон Леннон Все еще мой друг. Он всегда искал женщину. Нашел Йоко Оно. Она спасла его от тоски. От грусти. Мне порой бывает грустно. Знаете как: ты среди людей, ты с кем-то, вокруг что-то происходит, ты ждешь, когда это закончится. Тайно. Улыбаешься, хохочешь, а про себя орешь, как Леннон в песне «*Help*».

Ты проснешься, а она еще спит. Она нежная, и ты ее, спящую, целуешь, и ты уже с ней. Она открывает свои глаза, и ты смотришь, как за секунду в ней проносятся и ярость, и недовольство: ты ее ведь не спросил, а на вторую секунду ее зрачки расширяются и глаза улыбаются. Она уже со мной в ритме, ее рука на твоей спине отсчитывает судорожно время до взрыва. Она нежная. Пренежная. *Gentle. Pre-gentle.* Она во сне уже ждет. Ее не надо было готовить. И она с характером. Я всегда искал нежную девушку с характером. НДСХ. Нежная девушка с характером. Встретишь такую – молись.

А если долго не можешь встретить такую. Крайне грустный и растерянный, идешь и встречаешься с той, которой ты не особо нужен... Называешь ее именем твоей желанной девушки – и в один момент мысль о самообмане покидает тебя. В этот момент и сбываются твои мечты. Смешно. Только мир иллюзий по-настоящему реален.

Чувство юмора может заменить любую религию.

Иногда мне кажется, что я превращаюсь в своего отца.

В музыке в команде очень важен *feedback* / возврат чувств. Возврат любви. В семьях часто *feedback* отсутствует. Семей, по сути, и нет. Инерция. В музыке так не пройдет. Если нет чувств – нет Группы. Нет кайфа. Так что я – в Кайфе. Мой договор, который я в 14 лет подписал. Все еще работает. Все еще. В Силе.

Концерт закончится. Будет грустно. Но я справлюсь. Справлюсь. Без грусти ведь нет Радости. Так что если после концерта не грустно – это не Круто. Главное, чтобы любовь не разорвала сердце. Не раздуло его. У моего друга-Доктора болит сердце. Как мне спасти его? Я часами его слушаю, советую, но плохая жена, никчемные дети и унылые люди-тени рушат его. Друг. Мой дорогой друг. Продержись. Я вытащу тебя из этой Ямы. Только выиграй время у мелких душ. Выиграй хотя бы 2–3 месяца.

Люблю девушек в пиджаках. Особенно в синих. Черные в обтяжку джинсы. Туфли на, конечно, очень высоких каблуках. Рубашка

из последних сил сдерживает высокую грудь. Синий пиджак, который трудно застегнуть, но можно. И она наклоняется и спрашивает: «Вы последний?» И ты думаешь: «Где я? Последний ли я? Конечно, я последний. Последний герой рок-н-ролла. Последний из Магикян?» А она смотрит на тебя. А ты никак не можешь ответить... Горло что ли пересохло. А вдруг она сейчас уйдет? И я останусь последним. Провела рукой по бедру. Нервничает, но ждет ответа. Меняю год жизни на то, чтобы стать ее джинсами. «Вы последний?» — она вздыхает и откидывает голову назад, собирая волосы руками. И на моих глазах ее лицо превращается в ЕЕ лицо.

Просыпаюсь от резкого чувства. Нахлынуло. Захватило. Вывернуло. Я все еще зависим от нее. Она живет в моих снах. В моих сладких мучительных снах. И колотятся виски. Бьют колокола. Я тысячи раз был с ней в моих снах. За что мне такие подарки и мучения? Я не видел ее с момента нашего расставания. Почти 10 лет. Она снится мне. Ярко. Свежо. Я все еще принадлежу ей. *And it's your face I'm looking for on every street.*

По-китайски *women* — мы.

По-английски *women* — женщины.

Китайцы лучше разбираются в этой жизни. Может быть, без женщин нет нас. Без нее, мне кажется, нет меня. Фантомы, мои друзья, покиньте меня! А в ответ — сны... У меня яркая жизнь?! И днем и ночью. Бесконечный Фантомный Карнавал. БФК. Карнавал Фантомович Бесконечный — прошу любить и жаловать. Нашего нового сотрудника. А где мой компьютер? Так и живем. Круглые сутки.

Есть мнение, что о характере человека можно судить по тому, как он ведет себя с теми, кто ничем не может быть ему полезен, а также с теми, кто слабее его. С этой точки зрения быть музыкантом — значит иметь хороший характер: кроме парней в команде мало кто может быть по-настоящему полезен, если вообще уместно говорить о пользе. В России быть полезным не так важно, как быть нужным. В Польше или в Латвии — другое дело. В жизни главное — деньги. Там. Будешь полезным — будут деньги. Как-то не очень хочется обняться с полезными. А если человека не хочешь обнять или поцеловать — ну

это же насилие. А Джон Леннон боролся за мир. И мы боремся. За наш мир.

Вчера утром я говорил с моим другом-Доктором. Долго. Почти час. Мы знакомы 9 месяцев. Но мне кажется, что 9 лет. День рождения моего брата. Сегодня. Нас отделяют друг от друга всего лишь 4 дня и 4 года. Доктор любит цифры. Мы вместе учим китайский. Наш учитель говорит, что китайцы боятся цифры 4. По-китайски четыре – «сы» – означает «смерть». Доктор жалуется на сердце, но, как и я, не доверяя равнодушным врачам нового времени, лечит себя сам. С ним живет его сын – бомба замедленного действия, жулик и лентяй. Доктор не может поверить в то, что от осинки не родятся апельсинки. Ведь он сам – большой и прекрасный Апельсин, который скрестили с жухлой и истоптанной привокзальной травой. Как он смог допустить такой ужасный и непостижимый союз? И вот, старший биологический ребенок, с которым я искренне пытался заниматься, уже парит меня, то забывая книгу, то притворяясь дураком, то просто ничего не делая. Он врет 99% времени, бегающие глаза наркомана не могут сфокусироваться ни на чем кроме денег. Извивается, уворачивается, путает следы, притворяется, что не услышал вопрос, а когда его припрешь к стенке, вскидывает адские глазные яблоки и выпаливает заученное: «То есть?» Ты его спросишь: «Идет ли дождь?» – он ответит вопросом: «То есть?» Я стараюсь не говорить о нем: Доктор расстраивается, убеждает меня, что его «сын» что-то может. Я молчу. Мой друг, великий Доктор, испытывает чувство вины перед своим «сыном». Я чувствую, что этот биологический сын погубит Доктора. Но Игра все еще владеет моим другом. Лишь по его обреченным ночным сообщениям чувствую, как ему больно. И я воплю под иголками, которыми он меня лечит, глядя в добрые глаза своего Друга, который мне так напоминает отца: Доктор, ты Великий Доктор, ты должен жить. Оставь расти свою «жену» – жухлую траву – навстречу привокзальной неизбежности, содержи своих «детей» – неапельсинок – как отец и дай им образование, как подобает мужчине, а свой талант и недоюжинные способности, уточненный ум и доброту большого сердца посвятить тем, кто ее ждет, и ценит, и примет. Но похихатывает мой друг-

Ледокол. Он, прислушиваясь ко мне, считает меня инопланетянином, но продолжает свою Игру. А с мелкими душами как ни играй, все равно не выиграешь. Нельзя выиграть у тех, кого нет. Тени живучи. Подвижны. Они же часть Доктора. Румяный мальчик в очередной раз обманул отца, не сдал экзамены, забыл тетрадь, потерял книжку, не принес масло, не взял телефон. И каждый раз новый рубец появляется на и без того больном огромном сердце моего друга. Мы учим вместе китайский — рассматриваем иероглиф «семья». Он состоит из двух символов: крыша и свинья. Получается: если под крышей есть свинья — это семья. У доктора в его большом доме живет свинья — его сын. Получается, у него есть семья?

У меня смутные и темные предчувствия. Поэтому я веселю своего Друга. Он хочет, чтобы работали вместе, — я готов.

Он мой доктор. Я его учитель.

Он учит меня тому, чтобы я не боялся того, на что я способен.

А я учу его принимать решения и говорить «нет».

Мой лучший друг считает, что ему не хватает слабых приятных чувств. Доктору их тоже очень не хватало. Но утром вчера он выглядел совсем грустным. Черная машина со старухой внутри уже гоняется за моим трогательным другом. Не первый месяц.

Кризис 2009 года не оставил мне шансов на развитие. Как финансисту. Как директору по инвестиционным проектам. Я часто думал о том, что, будучи менеджером, я всегда заказывал сам. Услуги. Теперь мне предстояло оказаться в позиции заказываемого. Звонишь ты и говоришь, что нужно тебе. А тут наоборот.

Отшумели похороны, отшумели 40 дней. Впереди был Новый год, и директор клуба, в котором мы с партнером хотели начать наш звездный путь, предлагал сделать мне НГ. Бюджета нет. Идей нет. Деньги у меня были на исходе. Мне частенько звонили люди. Незнакомые номера. Раньше я их игнорировал. Но теперь это могли быть заказчики. Незнакомые номера стали не только угрозой, но и надеждой. Мне трудно было с этим мириться.

Лондон — это большой дым. Париж — это большая помойка рядом с Диснейлендом. А что такое уездный город? Как найти в нем деньги? Единомышленников? Артистов?

Быть гением — значит быть неумным. Быть неумным — значит быть одиноким. Я неумный? В тот год мне Пришлось стать неумным. Меняй свои цели, а не мир. Вот я и меняю. Пытаюсь.

Я на сцене — 2009. 31 декабря. Я первый раз срежиссировал и провожу весь Новый год. 7-часовой праздник. Без бюджета. У меня только танцоры. С гонораром в 200\$. Остальное сам. Сценарист, режиссер, ведущий, певец, шутник, диджей, менеджер, тамада и аукционист. Мне помогает бутылка виски. Все чаще. Весь день в офисе, а вечером на сцену. И на сцене нужны настоящие чувства. Настоящие. Людям нужно шоу. Нужен драйв. Но сразу после совещания на сцену сложно. Это Волшебный переход. Мне хлопают. Пятьдесят человек водят хоровод вокруг меня. Мне улыбаются, обнимают. Целуют. Кричат и машут мне руками. Отдаю деньги артистам. Пока не пропил в баре. 6 утра. Все сложилось. Гости желают мне счастья. Я пою песни Магомаева и Антонова, Серова и Саруханова — мне кажется, я пою их для отца. Вот же он! За столиком!

Папа, не грусти. Я всегда буду петь для тебя. Ты же слушаешь мои песни в своей райской машине? Уверен.

Не хочу домой. Мама расстроится, что я пьяный. Пойду посмотрю порнофильм и засну на съемной квартире.

Я — новый Арт-директор.

Неумный Фанат Бурбона. Порно и Бурбон — два моих близких друга. Один живет в телефоне. Другой — в моем кармане. Спасибо, мои дорогие. Порно и Бурбон — мне принес почтальон. «Хорошие у тебя друзья», — говорит мой лучший друг.

Поздравляю брата. Нас разделяют 4 года и 4 дня. 15 лет мы жили в 16-й квартире на 4-м этаже. Одни четверки. Я поздравляю брата. Я дарю ему почти дописанный роман. Доктор звонил. Наверное, хочет поздравить Ара. Мы часто говорим о брате. Мой младший брат — моя гордость. Он лучше меня. Намного. Сейчас я пере-

звоню Доктору. Как будто снова все вместе — мне кажется, что я звоню отцу. Опять поругался в ресторане. По инерции идет такая ругань. Смотрю на мир глазами владельца. Надо бы переставать. Уже.

Я опаздываю в кино. Беру билет за 100 рублей и сажусь на VIP-диван за 500 рублей билет. Это раз. Не смотрю рекламу перед кино. Это два. Не вижу лица новых людей перед сеансом — не ощущаю их пораженческие флюиды. Это три. Так как на ВИП-диване я один, лежу и пишу книгу. Это четыре. Чувствую себя избранным — это пять. Все это — синергия. Люблю синергию. Экономия + комфорт + избранность.

Мой товарищ из Питера говорит, что у него болит голова, говорит: «Как бы это не инсульт». У меня часто болела голова раньше. Мне кажется, парочка инсультов была. Незаметных. Если бы жена была подругой, кто бы сидел с детьми? Увы, часто жена перестает быть подругой. И сидит с детьми. Во всех наших группах играет барабанщик. Если собрать все группы — получится фестиваль. Его имени. Диман-фест. Или просто Дим-фест.

В итальянском ресторанчике пауза: племянники шумят, как ручейки, брат потеплел, самое время набрать моему другу-Доктору. Выхожу на улицу, трубку берет женщина, заикается и сбивчиво говорит мне, что мой друг умер. За рулем. Рядом с бесом-сыном. Который опять что-то забыл, не сделал и проспал. Дымка. Звоню в какой-то морг. Еду в какой-то город. Еду в Дом Доктора. Большой, некрасивый и нелепый дом. Внутри свинарник. Бес ходит с затанной улыбкой. Теперь можно не учиться, играть в Гаджете в игры и врать Бесконечно всем и каждому. А ведь так было близко то, что я искал. Доктор заменил мне отца. Он лечил и учил меня. Он делал меня моложе и сильнее. Он настраивал меня на новые идеи и был моим товарищем. Он назвал меня учителем, но аккуратно отучал от тщеславия и грубости, прилипших ко мне с юности. Я берег его как мог. Но он так искал любви и нежности, что нашел корысть и смерть.

Я в маленьком Дворце культуры в деревне 3 июля играю концерт памяти Джима, мамы Гита, и 40 дней, как нет моего любимого друга. И я пою ему в песне *The Doors «Soul Kitchen»* придуманную фразу: «*My Dear Doctor, we're playing this concert JUST FOR YOU*». Я лежу на честных досках сельского ДК и пою песни Джима для Доктора.

Будь счастлив, мой друг. И прости, что не уберег тебя, потому как знал, что так тягостно жить великому человеку среди теней. Но почему ты не подумал обо мне?

Разве я не достоин того, чтобы ты жил? Ты выбрал легкий и правильный путь. И тут я рад за тебя. И с Улыбкой молюсь за тебя в нашей церкви. В плеере звучит ненаглядная моя любимая вещь: «*I'm Jim Morrison, I'm dead*». Джим свел нас. И разлучает сейчас нас. Теперь я точно знаю. Мой Друг-Доктор и был для меня Джимом. Другом, которого я искал столько лет. Я обрел его на 9 месяцев. И потерял через 4 дня после своего дня рождения, в день рождения брата. И теперь я – Доктор. Я продолжу твоё дело, мой друг. Выучу китайский. Прочту твою книгу про Шамана – твой предсмертный подарок. Я постараюсь выполнить то, что ты хотел. Постараюсь. Теперь вы с батей Там, вместе, обсуждаете мои дела. Ну, вам не скучно. Это точно.

А у меня много задач – брат барахлит. Живот начал расти. Но мои двери открыты.

I'm Jim Morrison, I'm not dead.

Yet. Yet. Yet. Yet. Yet. Yet. Yet.

Глава 33

Человек без любви — как телефон без сим-карты. Все работает, но ему никто не может позвонить, и он не звонит, хотя все кнопки на месте и все остальное. Мне подарили новый Айфон, но я пишу в старом. Айфоне, который мне очень близок. Мой друг. Мой соратник. Мой сожитель. Недавно вызвал такси, учительница (из моей команды эмоциональной поддержки) спросила: «У нас Лада-седан?». Удивительно, Лада-Седан — это похоже на «женомужик». В наших ладах есть что-то неладное. Вам не кажется? В этом есть что-то доброе, но пресное.

Он был ничтожеством, она была всем. Когда-то и со мной было так. Моя книга была всем. Но чем ближе ее конец, тем больше во мне ее. И мы На равных. У меня сейчас момент радикального кризиса. В моей книге. Это последняя глава. И это наполняет меня ужасом.

Видите этих двух очаровательных Леди за стойкой? Пойду поздороваясь. Одна — моя книга, которая у Вас сейчас в руках, а вторая — это моя новая книга. Она у меня в руках. Я люблю их обеих. Одна со мной больше двух лет, а новая ходит со мной по улицам. У нас впереди много всего...

Но слухи бродят за мной по городу. Шлухи гоняются за мной. Подзывают меня к себе в темных местах. И даже с деревьев. Пишут

мне письма в соцсетях. Я не люблю слухи. Я люблю случай. С лучшими. Лучниками.

«Ничто не связывает людей так сильно, как долги», — Довлатов написал. Долги & сомнения. Привели меня к странной, очень странной деятельности. Я всегда мечтал, хотел, старался быть творцом. Но что помимо музыки мог создать я? Помимо этой божественной симфонии Космоса? Каждый день меня сверлила мысль о том, что музыка, которой я жил, осталась на Туманном Альбионе. В голосе Леннона, гитаре Хендрикса, органе Манзарека, стихах Моррисона. Я парашютист, изгнанный судьбой с великого острова на 1/6 суши, с начала 1990-х превратил свою жизнь в событие.

Мои концерты стали для меня спектаклями. В которых и текла моя жизнь. Между которыми было ожидание. Со-бытие. Совместное бытие. С моей ненаглядной Музыкой. Став ее частью, я стал раскрашивать ее существование в разные цвета. Но в тот 2009 год я создал событие для продажи. *For Sale*. Простят ли меня когда-нибудь в Творческой Лаборатории Бытия? Буду ли я прощен, что я стал одним из тысяч примитивных и убогих организаторов событий? То, от чего я бежал как от чумы. То, над чем я смеялся, станет моей повседневностью? И только один у меня шанс встретиться с Джимом по ту сторону моста. И с Джоном выпить пива. Только один — делать мои события как концерты: круто и свежо.

В начале 2010 года, обуреваемый сомнениями, точимый кризисом и долгами, томимый своей никчемностью и многогранностью, я решил сделать крайне рискованную вещь: стать настоящим арт-директором. Это по-настоящему опасный экзамен. Экзамен на ВСЕ сразу. В точный и жесткий период времени. Перенести в этой сессии ничего нельзя. Ничего. Нельзя.

В поезде напротив меня сидит красивая девушка. Нога на ноге. Красивое, манящее и нежное бедро. Тяжелая грудь. Но если убрать джинсы и задать пару вопросов, возникнет несоответствие между внешностью и сутью. Очень велика вероятность. Она еще не искушена в ответах, и ее реакция будет искренней. Правдивой. Но именно несоответствие между красотой внешней и не красотой

внутренней так мучительно... И я пишу книгу, глядя на нее, под невероятно красивую и печальную вещь команды *Bohren&Der Club of Gore «Im Rauch»*. В глазах красота, в ушах красота, внутри красота. И теперь я берегу это. Ни за что не пойду знакомиться с этой девушкой. К тому же она уходит.

Но есть люди. Не такие. У них внешний и внутренний мир на уровне. Уверен. Это музыканты. И я погружаюсь в них. Мой первый месяц в клубе. Первый концертный месяц. Составляю расписание. Пока что 8 концертов в месяц. Впереди 8 ярких встреч. С приличными музыкантами. Все из Москвы. Всех слышал и видел. Готовлюсь к встрече. Яростно отстаиваю для них бюджет: гримерка, хорошее питание, напитки, алкоголь. У моих музыкантов все будет на высшем уровне. Они это оценят. Я улыбаюсь. Сегодня старт моей концертной программы. Сегодня я на сцене, как в американских фильмах: выхожу в костюме, приветствую гостей, болтаю разный новостной вздор, объявляю, а потом иду в зал и слушаю своих любимчиков. Кто-то скажет: «Завышенные ожидания»? Мне все равно. Это мой мир. Я его сам создаю.

Создание нового. Идей. По мне — нет ничего труднее. Некоторые песни. И альбомы для меня важнее важного. Но ведь было время, когда их не было. А потом человек с гитарой их создал. И без них жизнь не жизнь. Но он это сделал. И это изменило тысячи судеб, создало миллионы новых настроений, миллиарды оттенков. Этот мир просто чудесен, если ты творец идей. Творец людей.

В конце 1980-х годов я с трепетом ходил на все события, в которых участвовали музыканты, актеры, поэты. Это было важно. Я и Гит, как губки, впитывали все новое. Познакомиться с артистами после выступления было мечтой. Предложить что-то: помощь, воды, поднести салфетку или выпивку. Что угодно.

Пресыщенные взгляды. Скучающие зевки. Пустые глаза.

Новое время. У нас в клубе идет вторая концертная неделя. У меня небольшая команда. Основу составляет очень симпатичная, рыжеволосая и эмоциональная поэтесса. Когда она высту-

пает — иногда плачет. Рыдает. Это меня очень трогает. Она трогательная. Но я боюсь ее обидеть, а в работе я бываю мерзковат. Но она любит музыкантов. Она любит то, чем занимается. Она мой основной собеседник по выбору творческих коллективов. Бюджет маленький, а вернее сказать — мизерный, поэтому на пятницу и субботу мне удастся согласовать с акционерами вознаграждение групп, но вот четверг... Директор клуба рассуждает так: в четверг людей мало, а гонорар такой же, как в выходные. Ну что ж. Значит, в четверг будут мои события. Бюджет будет почти нулевой, а людей будет много. Есть оптимизация на режиссере, сценаристе и ведущем события — на мне. Есть оптимизация на музыкантах — они мои. И на том, кто делает промоушен: релизы, рекламные тексты, радиоролики, размещение в СМИ — их делаю я с моим другом-басистом. Приезжаю ближе к ночи в его квартирку, и, полусонные, креативим вначале афишу, а потом, пока я не заснул, делаем аудиоролик. Он так талантлив, что все делает в три раза быстрее других. Ну а начитать текст я уж могу... Быстро и модно. Пока он монтирует — я сплю. Ну вот-с: накладывает афишу на аудио — и готово. Отправляю по мейлу на радио, моя рыжая помощница сейчас разместит в социальной сети. И около полуночи рабочий день арт-директора близится к концу. Впереди бурбон, девушка-катастрофа (что-то не звонит. Ну это в ее духе). Она тоже поэтесса. Но пожестче. Она вообще пожестче. Встречаться с ней сложно еще и оттого, что она постоянно с кем-то живет, но ей скучно. И каждая встреча с ней похожа на подготовку приезда звезды. Но она и есть звезда. Вот, звонит: купи сигареты и шампанское. Денег совсем мало после 5–7 встреч: всех же надо угостить. В уездном городе денег немного, и тратить их тут не принято. Ах, черт! совсем из головы вылетело — утром встреча по проекту создания стратегии региона. Работаем с федеральным консультантом, вернее, с их главным экономистом. Он из Питера. Умен. Воспитан. Насмешлив. Но, как и многие парни из Питера, быстро утомляется от проблем и хочет быстрее уехать. В Финляндию. И телефон у него часто отключен. Деньги кончаются. Основа развития нашей стратегии — федеральная скоростная трасса, вокруг которой, как грибы, по нашему пла-

ну вырастают проекты и инфраструктура. К 2015-му точно построят! Иначе региону не выжить. И...

Звонит моя поэтесса-помощница: перепутал дату в афише, телефон выпадает на минуту, это моя другая поэтесса-помощница обеспокоила меня на 30–40 секунд. Поэтессы – люди импульсивные. Я снова на связи, извиняюсь и пишу дизайнеру об ошибке. Он засыпает под утро. Придется будить около 11 часов.

Звонок. Опять. Нервно дергаю телефон. Надо брать – мой основной партнер по звуку и свету. Моя гвардия. Мои скалы. В далеком 1992 году я, как собака на запах мяса, заглянул в одну из «учаг» (ПТУ) на звук гитары. Думал найти музыканта, а нашел звукача. Я тогда был фанатом Чубайса. У звукача были рыжие волосы. Это мне понравилось. Он был хитер и очень деловит. Это мне не понравилось.

Мы почти 15 лет работаем вместе. Все мои сцены, аппараты, свет ставит он. Он умен. Щепетилен. Расчетлив и порядочен. Он моя опора в шатком мире шоу-бизнеса. Он может в месте, где не живет звук и даже нет розеток, сделать феерический саунд. Я берегу его: «Коля, а в чем проблема? А как лучше? Сделай, как тебе удобно».

Профи всегда сделает правильно.

Партнер прислал эсэмэс. Как раз к 11 часам надо сделать презентацию и распечатать. Едем на встречу к возможному покупателю.

Ошеломляющему бизнес-кризису 2009 года удалось разметать инвесторов и покупателей. Поэтому теперь любой на вес золота. Но я знаю, чем закончится встреча. В конце встречи (а на нее уйдет часа 3 вместе с рестораном) инвестор (вернее, его имитация) пробормочет, что денег нет, но есть договоренность с банком. Есть такая уездная игра – говорить о банках. Человек фантазирует, говоря о банке: да, он был пару раз на совещаниях об этом, но в самом банке он не был и не будет, ведь Он не владеет цифрами. Для определения сказочников использую крайне простой вопрос: «А у Вас кредит на сколько % выше учетной ставки планируется?» Детский вопрос, но сказочник сникает. Он наверняка зна-

ет примерно процент по кредитам, но что такое учетная ставка — не знает. А ведь это простейший показатель стоимости денег, устанавливаемый Центральным банком, но посреднику это не нужно. Сущность посредника — побыстрее впарить и получить комиссию. Те, кто похитрее, задаст вопрос: «А не напомните ли мне: сейчас она какая?» (Принимается: ведь ЦБ довольно часто пересматривает ставку). Но уездный жулик почувствует себя уязвленным и выдаст счетчики фразой: «В смысле?» Знайте: если человек на элементарный вопрос отвечает «В смысле?» — он не тот, за кого себя выдает. Партнер улыбается. Он все понял. Я снова углублюсь в чтение пьесы: у меня завтра новый опыт — озвучиваю на гитаре спектакль. Делает, не смейтесь, еще одна поэтесса. Она талантлива. Работает в манере Веры Полозковой. Спасибо, Вера. Просто радость какая-то — у нас прекрасный поэт в стране. И Вознесенский, и Рождественский, уверен, аплодируют.

А сказочник почувял что-то неладное. Суетится. Надо его слегка ободрить. «А Вы не хотите принять участие в инвестиционном областном форуме? Это было бы показателем Ваших серьезных намерений!» — внезапно чеканным слогом произношу я. Сейчас он ответит, что это интересно, а для меня это просто новый проект, который пройдет... ну конечно, у нас в клубе. Бюджет маленький, но когда фуршет и сметная выпивка закончатся, гости потратят свои деньги в клубе, а в это время как бы случайно начнется моя вечеринка. И из ведущего форума я превращусь в гитариста. Певца. Шутника. Я *magic boy*. Это определение Хендрикса мне очень близко. Сказочник уточняет, сколько стоит участие, какие гости, будет ли губернатор. По очень плохой рубашке видно, что денег у него нет, поэтому можно назвать любую сумму. Все равно откажется, но вероятно, у него есть возможность потратить чужие деньги и заодно прийти. Но партнер перехватывает эстафетную палочку из моих рук и начинает утрамбовку. Он профи. Отличный продавец.

Мы команда. Когда умер папа — он был рядом. Я это всегда буду помнить. Иногда мне думается, что мы можем расстаться, но я гоню эти мысли. Он любит медные трубы. Как бы они не заглушили его... Доброе сердце и интуицию. Я помогу. Постараюсь.

Сказочник слился. Дизайнер исправил афишу. Впереди репетиция с актерами спектакля.

Сейчас встреча с двумя чиновниками. Готовим первый форум. Два друга. Чиновники. Молодые. Честные. Первый – поджарый, стремительный, четкий и веселый кавказец. Чуть более эмоциональный, чем нужно, но работа бухгалтером приучила думать через цифры. Второй – вдумчивый, аккуратный, внимательный, но внутренне очень драйвовый. Второй мне ближе по складу характера. С первым есть связь через Кавказ. Он благоговеет перед родителями. Я всегда в восторге от этого. И они друзья. Настоящие друзья. Лед и Пламень. Снаряд и Пушка. Скоро они женятся. Жены будут хороши. Наверняка. И дружба канет в Лету. Но пока они вместе.

Главное – чтобы мой партнер не стал чиновником. Иначе имитация поглотит его, лишит разума, превратит в дырявый пакет. Но я знаю, что он не такой. Он не примет эти флажки и картинные медальки за ордена и награды. Прораб звонит. Хохочет в трубку. Я прошу прислать сейчас цифры, надо доделать презентацию. Он смеется и посылает меня куда-то. Но я не злюсь. Я чувствую, что он разберется с проблемами. Мама спрашивает, буду ли я обедать. Как-то резко я ей опять ответил. Куда же мне деть эту дурную привычку хамить матери? Мне нужен человек, подруга, которая была бы лучше и добрее меня. Я бы у нее многому научился. Вечер. Есть пара часов. Друг-басист зовет зайти в гости к одной студентке. Она учится на РГФ. Это филологи, которые учат иностранный язык. Я люблю филологов. Сам хотел таким быть, но отец сказал «нет».

В далекие студенческие годы я встретил девушку с филологического факультета. Родом из Казахстана. Она согрела своим теплом и добротой мою жизнь. Но потом меня снова увлекла моя волшебница. Но я не мог представить, что такого чудесного человека можно так просто оставить. И сейчас мы дружим. Уже больше 15 лет. Ее родители и сын, похожий на Джона Леннона, стали моей второй семьей. Я никогда не понимал, как она меня терпит. Благодаря ей я становился лучше. Мягче. Терпимее. Она так много в меня вложила. И последние 10 лет я пытаюсь сделать ее жизнь лучше. Ее батю

зовут, как Чапая, и я частенько захожу к нему: мы бухаем и хохочем. Мне худо без моего отца. Он мне его напоминает. А она посматривает за моей мамой. Все-таки русские из Казахстана — самые крутые.

Как знать, что на этой встрече с девушками-филологами? Я раз в день жду чуда. Жду. И жду.

Обстановка 2010 года напоминала альбом Майлза Дэвиса «*Bitches Brew*». Догадки, прикидки, ошибки, победы, злые ночи. Кофе по пять чашек до обеда. Каждое событие — как экзамен не только на менеджмент его проведения, но и на сценарный план, правильную смету, креативный дизайн и много другое. Много боли. Много радости. Очень мало денег. Очень много драйва. Но хватит сидеть на шее у самого себя. Пора в бой.

Подготовка события чем-то напоминает влюбленность. Ты должен полюбить создаваемое тобой явление. Ты наделяешь его сказочными характеристиками. Усиливаешь их значимость. Красиво подрисовываешь детали. Но всегда будь настороже: идея события должна быть правильно продумана и описана. И те, кто принимает в нем участие, должны быть довольны. И те, кто дает деньги, — а это как раз родители события — должны понимать, куда уходят их деньги. И артисты, которые участвуют, хотя бы на уровне эмоций, внутренних ощущений, должны разделять философию события. И между этими тремя группами людей стоит арт-директор.

И когда есть понимание между всеми и арт-директор доволен — тогда и возникает истинное ощущение созданного события. То есть совместного бытия разнородных людей, которые, возможно, никогда и не встретятся друг с другом, кроме как на этом событии. И, встретившись благодаря общему организатору или общей близкой идее, они ощутят новые чувства и эмоции, и лишь тогда они внутренне согласятся, что не зря тратили свое время, и лишь после всего этого почувствуют сопричастность к сотворенному и Ими, в том числе, празднику. Потому что событие всегда должно быть праздником. Потому что праздника ждут.

Мне нужен праздник. Мама иногда называет меня Праздником. Праздник – такое армянское имя. Уменьшительно-ласкательное. Просто праздник не может быть часто. Не может.

Сны приносят новые идеи. Но если не успел проснуться и записать – большая вероятность, что не вспомнишь. Изю всех сил нужно вспомнить. Записать. Утром отработаешь. Иногда ночью бывает одиноко. Спасают душ или комариный писк. Может, оттого мы и хотим порой услышать писк – типа ты не один? Но это пройдет. Звонит мобильник. Еду озвучивать лекцию. Мой новый проект. В Доме одного доброго, мудрого и рыжего архитектора приглашенные мной люди читают лекции, а я озвучиваю их. Увидел на канале «Культура» и решил сделать в уездном городе. Архитектор сам читает и рисует. Губернатор категорически поддержал. Сегодня – панические атаки. Шикарная женщина-психотерапевт с иронией под *Nirvana* рассказывает о панике. Интересно? Мне – очень.

А вот сейчас звучит музыка под яблоко. Или яблоко под музыку?

Яблоки – это всегда хорошо. Мне кажется, круто – это когда не делаешь чего не хочешь, а тебе за это хорошо платят. И почему люди тратят столько сил, чтобы быть круче других? Можно ли обуздать это желание? Заказчики просто балдеют, когда они круче. Всех.

Если хотите, чтобы человек не обижался, всегда добавляйте «в хорошем смысле этого слова».

– Ну и мразь же ты. В хорошем смысле этого слова.

Общение с «родными» артистами почему-то не приносило душевной радости. На моей работе я научился работать с нашим формальным директором, а это было не всегда просто. Если люди, с которыми ты работаешь, могут тебя обмануть – всегда рядом проблема. Мистер директор был прост, четок и тверд. Лишнего не скажет. Но улыбнуться и рассмеяться очень даже может. Актер. В руке которого печать, а в сердце калькулятор. Через него стали идти деньги. До сих пор идут.

После печального исхода нашей компании я перестал любить ставить свою подпись где-либо. Меня как бы нет. А есть везде

он — мой директор. Это он ставит огромные сцены, привозит группы, нанимает ведущих, танцоров, стриптизеров, официантов, автобусы, яхты, снимает этажи гостиниц, пишет сценарии для финансовых конференций, готовит советы директоров, проводит лекции и круглые столы. Он мой ненаглядный директор. И его отрывистое «в 12 часов занесу» означает, что деньги снова возникли из воздуха: кто-то купил мою идею. Трехнедельной давности.

Джо мне помогает сейчас генерировать идеи. Она помогает мне. Помогает. Важно. Очень важно найти подобного человека.

Иногда мне кажется, что женщины воспринимают мужчин, как вагоны поезда. Можно сесть и проехаться. Вагоны бывают разные: спальные, плацкартные, повышенной комфортности. Но все вагоны изнашиваются, в них скапливается мусор, подшипники колес теряют свои шарики, двери начинают скрипеть. И вот пора выходить и переходить в другой вагон. А старый вагон едет в парк. Там его разбирают. И на запчасти. А какой вагон я? Джо едет во мне? Когда она выйдет из меня?

Моим офисом становится кофейня. Мои встречи — кофе и омлет. Мои разговоры о том, что я придумал и написал, — тут же забюджетировал. И нанял под это артистов. Под них забронировал необходимое количество людей в клубе. Потом все это превратилось в афишу, потом в релиз и интервью, потом все это обернуто в радиоролик. И вот чудо — событие создано. На сцене я сам принял роды, потом увековечил это фотоотчетом.

И мое событие в форме файла — в моем же компе. Как могильный квадратик на поле. Например: здесь покоится крах Фестиваля 2010 года.

Я волшебник?

Вдруг понял, что мой бармен и моя официантка — муж и жена. Мог бы я так? Есть одна невероятная женщина — с ней бы, наверное. Смог.

Свадьбы. Самое непостижимое и удивительное событие, с которым я сталкивался. Главный заказчик Свадьбы — жена. В фило-софском смысле слова событие, которое зовется Свадьбой, нужно крайне именно жене. И планируя его, она ориентирована, с одной стороны, на мнение подруг, с другой — на родственников и общественное мнение, с третьей — на друзей, с четвертой — хочется, чтобы и весело, но и торжественно и не скучно, а еще лучше, чтобы и модно было тоже. И вот перед нами заказчик свадьбы. Эмоциональный. Мятежный. Это растроение личности быстро меняющего свою точку зрения заказчика породило вокруг свадеб невероятное количество посредников, проходимцев, талантливых ведущих, циркачей, аниматоров, декораторов и иных творческих личностей. И свадебных агентств. С будущей женой трудно согласовать точный сценарий. В него вносятся изменения, дополнения, уточнения, пожелания, ощущения, страхи и сомнения, догадки и намеки. Я не умею делать свадьбы. Огромный рынок проходит мимо меня. Вот бы было здорово на этом рынке получить долю! Пробовал три раза. Первый раз жена стала проверять смету, и ей кто-то сказал, что можно дешевле. И почти месяц работы на свалку: через год она признается: твоя смета была оптимальной. Она потратила в два раза больше...

Свадьба была вялой. Но мы общаемся — это прекрасно. Второй раз после месяца общения и сделанных броней девушка передумала. Но мы встречаемся. Каждая встреча с ней — как свадьба. Страстная. Я вспоминаю эти отношения. Она снова собирается замуж. Кстати. И каждый раз новый сценарий.

И вот третий раз наступает. Просит хорошая знакомая. Сыграть у знакомых. Мне наконец-то нравится заказчик. Она тонкий человек. Филолог. Ей нравится наш репертуар. Я описал. Первый час. Потом — разговор с ее папой. Ему нравится джаз. Потом семейный совет. Я пишу ей свои конферансы между песнями. Интимная вещь. Она звонит вечером. Она согласна. И тут я нарушаю правило менеджера — сокращаю дистанцию, высказываю свое отношение к вещам, иронизирую над самим институтом Брака. Предлагаю сделать афишу для свадьбы. Она звонит утром. Она не спала. Она вынуждена отказаться. Ей кажется, что кто-то из гостей может быть

недоволен. Она. Она. Она растеряна. Она... Она просто тратит мое время. Единственная возможность сделать свадьбу – делать все, что хочет женщина. Я пока не научился. Я еще неопытен.

Та тысяча событий, что я придумал и провел, не научили меня одному: равнодушно относиться к своим событиям. Я не умею. Так. Пока.

Нельзя сравнивать орла и незабудку. Нельзя. Я делаю свадьбы для друзей. Для брата. Им это ничего не стоит. И они помнят это всю жизнь. Я *magic boy*. А остальные пусть ловят энергию дзинь. Как говорит мой дагестанский Друг.

Символично: в Великой России в Москве на фильм «Мертвец» пришли три человека. И я – третий в зале. Я Мертвец?
Фильм про *Jimmy Hendrix* отменили. Никто не купил билеты.

Время моих событий прошло. Но в тот 2010 год я еще так не думал. Меня поджидали тени, но я знал об этом. Джим Моррисон. Джим Джармуш. Джим Хендрикс.

Пора идти в паспортный стол.

Джим Владимирович. Первый и последний в мире армянин ирландского происхождения.

Мои события смотрят мне в лицо.

Сотни улыбок. Тысячи поцелуев. Миллионы нот. Я арт-директор. Нанятый самим собой и в своем театре играющий роль, которую сам для себя создал. Преклоненный перед величием Музыки. И Красоты.

Отец. Прости меня, что не сделал тебя дедом. Ты простишь меня? Простишь?

P.S. Звонит мобильный. Гит. Ну, я наперед знаю, что он мне расскажет. Три сценария: 1) болит спина, не могу ходить; 2) отравился; 3) очень низкое давление. И попросит перенести репетицию. Вот и вечер освободился. И что мне делать?

Оглавление

Первая книга. Музыкант. 1–9 главы	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	38
Глава 7	47
Глава 8	53
Глава 9	61
Вторая книга. Клерк. 10–19 главы	69
Глава 10	71
Глава 11	78
Глава 12	83
Глава 13	91
Глава 14	98
Глава 15	104
Глава 16	112
Глава 17	116
Глава 18	123
Глава 19	131
Третья книга. Директор. 20–33 главы	139
Глава 20	141
Глава 21	149
Глава 22	161

Глава 23	170
Глава 24	181
Глава 25	189
Глава 26	199
Глава 27	209
Глава 28	218
Глава 29	232
Глава 30	243
Глава 31	251
Глава 32	255
Глава 33	270

Марат Карапетян

Арт-директор

Корректор Ольга Васильевна Соболева

Редактор Игорь Викторович Поляков

Корректор Мария Александровна Крашенинникова

Фотограф Роман Николаевич Какоткин

Консультант Ельченинов Игорь Анатольевич

Помощь в издании романа: Карапетян А.В., Тимченко А.Ю.